

Лучшие кандидатские диссертации
философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

И.А. ЧИХАРЕВ

ХРОНОПОЛИТИКА В ТЕОРИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Москва 2006



Лучшие кандидатские диссертации
философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

И.А. ЧИХАРЕВ

ХРОНОПОЛИТИКА В ТЕОРИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Издательство «Современные тетради»
Москва 2006

**УДК 32
ББК 66
Ч71**

Ответственный редактор — к.ф.н., доцент Кабаченко А.П.

Ч71 Чихарев И.А. Хронополитика в теории мировой политики [Текст] — М. : Современные тетради, 2006. — 152 с. — ISBN 5-88289-303-8.

Книга написана на основе текста диссертации, победившей в конкурсе на лучшую кандидатскую диссертацию философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова по политическим наукам в 2004 г. Диссертация защищена в МГУ в 2004 г.

Исследование посвящено анализу нового направления политической науки — хронополитики, области знаний, изучающей временное измерение политических процессов. В работе предпринята попытка сформировать общую концепцию хронополитического подхода к актуальным научным проблемам, прежде всего в сфере мировой политики. Значимость хронополитических исследований связана с необходимостью осмыслиения глубокой трансформации в мировой и российской политике, с нововведением динамизма современных политических процессов. Хронополитика рассматривается не только как знание об изменчивости политических отношений и форм их организации, но и как деятельность, основанная на познании временной определенности политического процесса. В этом качестве хронополитика приобретает прикладное значение для выработки стратегий, которые могут способствовать политическому развитию России и укреплению ее роли в глобальной политике.

**УДК 32
ББК 66**

ISBN 5-88289-303-8

© Чихарев И.А., 2006
© Издательство «Современные тетради», 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. ХРОНОПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ	
1.1. Развитие хронополитического знания	8
1.2. Современные концепции хронополитики	28
1.3. Хронополитика как исследовательская программа	48
2. ХРОНОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ	
2.1. Хронополитический аспект проблем мировой политики	62
2.2. Хронополитика и геополитика	110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	122
БИБЛИОГРАФИЯ	127
Приложение.	
ПРОГРАММА КУРСА «ХРОНОПОЛИТИКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ»	138

ВВЕДЕНИЕ

Большинство исследователей отмечает, что происходящие в мире политические изменения знаменуют собой не только перемены соотношения сил в межгосударственных отношениях, такую, как переход от bipolarной системы к однополярной (или иной), но и затрагивают качественные, морфологические свойства мировой политической системы¹. Так, приобретение негосударственными субъектами влияния в международных делах и связанное с этим ослабление роли государства, чаще всего отмечаемые в качестве главных изменений подобного рода, означают трансформацию сформировавшейся более 350 лет назад государственно-центричной («Вестфальской») модели политического мироустройства. Результаты этих изменений, то есть сложившееся в итоге взаимодействие как государственных, так и негосударственных субъектов на мировой арене, необходимость познания дальнейших путей политического развития мира позволяют ученым выделить объект новой научной дисциплины — мировой политики².

Рассматриваемая дисциплина сегодня находится в стадии становления. Продолжаются дискуссии относительно ее предмета, методов, базовых категорий³. О том, что мировая политика как область научного знания только фор-

¹ «Независимо от того, какой именно точки зрения придерживаются исследователи, большинство из них подчеркивает, что в конце XX столетия мир переживает искаженный критический период, который определяется как «точка бифуркации» (Rosenau), «переходный возраст» (Лебедева и Мельвиль), эпоха неопределенности, переломности и т.п. Речь идет о периоде, когда происходят качественные изменения, трансформирующие саму суть политической системы мира. Замечу, что подобные взгляды присущи не только сторонникам неолиберальной традиции в международных исследованиях, которые особо подчеркивают это, но и тем, кто разделяет скорее неореалистические взгляды. Г. Киссинджер пишет, что мировой порядок и его составные части никогда еще не менялись так быстро, глобально и глубоко» (Лебедева М.М. Формирование новой политической структуры мира и место в ней России // Полис. 2000. № 6. С. 40–41).

² Мировая политика: проблемы теории и практики / Под ред. Цыганкова П.А., Фельмана Д.М. М., 1995; Павлов Ю.М. Мировая политика и международная экономика. М., 1998; Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003; Мировая политика: Теория, методология, прикладной анализ. М., 2005.

³ В 2004–2005 гг. на страницах журналов «Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки», «Полис», «Международные процессы» появилась серия публикаций по проблемам мировой политики как учебной и научной дисциплины.

мируется, свидетельствует также описательный характер многих исследований, проводимых в ее предметном поле. Так, специалистами осуществляется инвентаризация новых акторов и перечисление разнообразных, часто противоречивых тенденций мирового политического развития¹. Нередко мировая политика рассматривается не как научное знание, а как практика, политическая деятельность на общемировом уровне². Существующие теоретические концепции мировой политики продолжают частично основываться на подходах, разработанных в рамках теории международных отношений. Однако, как отмечает ряд исследователей, названные подходы, прежде всего реализм и неореализм, не вполне адекватны задаче объяснения происходящих глобальных политических изменений³. Новаторским подходам, наоборот, в ряде случаев присущи абсолютизация новизны и акцентирование отсутствия преемственности в развитии мировой политики. Это особенно характерно для постмодернистских подходов, критических теорий, а также некоторых неолиберальных концепций транснационализма и плюрализма⁴.

Дискуссии по обозначенным проблемам мировой политики свидетельствуют о необходимости дальнейшей разработки ее теоретических основ. Возникает потребность научного осмыслиения самой трансформации, то есть появления новых форм политики, возникающих в процессе совокупной деятельности и взаимодействия государств и негосударственных субъектов политики, их преемственности по отношению к традиционным, логики их дальнейшего становления и развития. При осмыслиении глобальных политических изменений в поиске новых теоретических подходов сегодня необходимо использовать эвристический потенциал хронополитики.

Хронополитика – новое направление теоретической политологии, область знаний, связанная с изучением временного измерения политической реальности. По этому основанию она условно объединяет ряд концепций и разработок, в рамках которых с темпоральной точки зрения анализируются политические институты и процессы. Интерес научного сообщества к хронополитической про-

¹ Лебедева М.М. Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира // Космополис. 2003, № 1(3); Павлов Ю.М. Мировой политический процесс: современные тенденции и пути их изучения // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 5.

² Цыганков П.А. Происходит ли конвергенция политологии, Международных отношений и Мировой политики? // Материалы научного семинара «Международные отношения, мировая политика и сравнительная политология: эволюция предметных областей». МГИМО(у). 25–26 мая 2002 г. <http://www.mgimo.ru/rf1/index.asp?KOD=186>; Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003. С. 4.

³ «Как подчеркивают многие известные специалисты-международники, глобальные политические изменения, в известном смысле, застали теорию врасплох. Оказалось, что ее основные концепты мало приспособлены для осмыслиения происходящих сдвигов, методология слабо согласуется с изменявшимися условиями, операциональность теоретического арсенала аналитических методов и методик значительно снизилась» (Цыганков П.А. Глобальные политические тенденции и социология международных отношений // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. Цыганкова П.А. М., 1998. С. 18).

⁴ См.: Holsti K.J. The Problem of Change in International Relations Theory // Institute of International Relations. The University of British Columbia. Working Paper № 26, December, 1998. P. 2–4.

блематике иллюстрирует появление в 2005 году специального номера одного из ведущих политологических журналов «Полис», посвященного теме «Время политики»¹. Среди прочих в современных хронополитических исследованиях затрагиваются проблемы, значимые для теории мировой политики. Ключевые для этой дисциплины вопросы о роли государства в современном мире, о политической структуре мира обсуждаются в контексте хронополитического изучения исторических форм политической организации². В хронополитическом аспекте рассматриваются глобализация и перспективы мирового политического развития³, в тесной связи с хронополитикой развивается глобальное политическое прогнозирование⁴.

Хронополитика также выступает в качестве научно-практической деятельности, направленной на конструктивное участие субъектов мировой политики в процессе глобальной политической трансформации, управление этим процессом, его корректировку. Такое понимание раскрывает еще одну сторону актуальности развития хронополитических представлений. Эта дисциплина может послужить концептуальной основой стратегии обеспечения интересов Российской Федерации в соответствии с одной из главных задач внешнеполитической доктрины РФ — «воздействия на общемировые процессы в целях формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка»⁵. Задачи такого рода приобретают актуальность в связи с возросшей востребованностью стратегических разработок во всех сферах современной российской политики, в том числе во внешнеполитической и международной. Также их насущность подтверждается отмечаемым рядом специалистов кризисом управления на глобальном уровне, о котором свидетельствует продолжающаяся эскалация целого ряда конфликтов на фоне неэффективности деятельности международных организаций (прежде всего ООН), потребностью выработки новых международных политических стратегий и формирования новых глобальных политических институтов.

Обращение к категориям политического времени и хронополитики, отражающим целостность политической жизни, значимо также в связи с глобализацией, ставящей проблему существования мировых процессов, в том числе и политических, в общих пространственно-временных измерениях⁶.

¹ Полис. 2005. № 3.

² Ильин М.В. Глобализация политики и эволюция политических систем // Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени: Международный симпозиум, посвященный 110-летию со дня рождения Питирима Сорокина. М.—СПб., 1999. С. 210—224

³ Modelska G. Time, Calendars and International Relations: Evolution of Global Politics in the 21st Century. Paper presented at the 37th annual convention of the International Studies Association in San Diego. April 16—20, 1996. <http://faculty.washington.edu/modelska/>; Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World-System. <http://binghamton.edu>

⁴ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000.

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации // Российская газета. 2000. 11 июля.

⁶ Веселкова Н.В. Глобальное и локальное в социальном времени. <http://www.vusnet.ru/biblio/archive/veselkova%5Fglob%5Fi%5Flok%5Fv%5Fsoc%5Fvremeni/>

Кроме этого, актуальность синтеза хронополитических представлений обусловлена тем, что научный интерес к хронополитической проблематике сталкивается с отсутствием разностороннего и в то же время целостного восприятия хронополитики. Развитию потенциала этой дисциплины препятствует недостаток единого понимания ее базовых принципов и функций в политической науке.

Таким образом, проблема исследования заключается в необходимости выработки обобщенного понимания содержания, основных характеристик и функций хронополитики, а актуальность данной проблемы, помимо внутренней логики развития хронополитического знания, обусловлена необходимостью разработки фундаментальных представлений о политической изменчивости прежде всего в русле проблематики формирующейся науки о мировой политике.

1. ХРОНОПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

1.1. РАЗВИТИЕ ХРОНОПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Первые представления об изменчивости мира, в котором политика еще не выступала в качестве обособленной сферы жизни общества, появляются в мифах¹. Более того, «потребность в измеримости времени предшествовала, вероятно, мифическому, и уж тем более понятийному описанию времени... Некоторые видят этот исходный пункт в хорошо отлаженном взаимодействии религии и политики в древнемесопотамских городах... потребность во времени как в особом измерении для переживания и действия возникает, лишь когда заметные события церемониального или политического характера обретают самостоятельное значение и уже не переживаются в качестве как бы естественного хода религиозного события, а получают пока еще только задание — собственными стараниями и примерным поведением гарантировать гармонию космической и земной сфер»² — пишет Н. Луман. Иными словами, исходное восприятие времени возникает, когда общество начинает направлять собственную жизнь. Целеполагание вносит осмысленность в изменения, события становятся значимыми и отличными друг от друга, так как в них видится проявление усилий — успешных или неудавшихся.

Качественные изменения в восприятии времени становятся возможными по мере осознания исторического опыта в качестве основы для улучшения политики — не в смысле более последовательного исполнения ритуала, но путем размыкания ритуальных циклов, выработки более совершенных законов. Подобные изменения происходят в Древней Греции. «На Востоке политическая мысль застыла, не сформировавшись, поскольку застыло все, все оставалось неподвижным, консервативным, закрытым — от политики автаркии, «глухих» границ до «закрытой» иероглифической письменности. Зашифрованность

¹ См.: Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. М., 1995. С. 12–15.

² Луман Н. Мировое время и история систем // Логос. 2004. № 5. С. 134.

средств выражения вела к сратегемности мышления, а подчеркнутое почитание, уважение к старшим — к культу предков, невозможности им «прекословить», менять порядки, введенные «от века». В античных странах все в движении. Очевидна динамичность государственных форм, политико-правовых отношений, законодательства; все открыто¹.

Ближе всего слова «хронос» и «политика» поставлены, вероятно, Платоном в «Законах» и Аристотелем в «Политике». Афинянин и Клиний в начале третьей книги «Законов» рассуждают о безграничной протяженности времени и протекших в нем перемен, продолжительности существования государств, их возникновении, гибели, прохождении через различные формы государственного устройства:

Афинянин: Я разумею безграничную протяженность времени и протекших в нем перемен.

Клиний: Как, как?

Афинянин: Скажи, сможешь ли ты определить, сколько времени прошло с тех пор, как существуют государства и объединенные в государства люди?

Клиний: Это совсем нелегко.

Афинянин: Не была ли эта продолжительность огромной и неизмеримой?

Клиний: И даже очень.

Афинянин: Не правда ли, тысячи государств возникали в этот промежуток времени одно за другим и соответственно не меньшее количество их погибало. К тому же они повсюду проходили через самые различные формы государственного устройства, то становясь большими из меньших, то меньшими из больших или худшими из лучших и лучшими из худших².

Клиний: Это неизбежно.

Афинянин: Не сможем ли мы вскрыть причину этих перемен? Быть может, тогда мы скорее получим указание относительно возникновения государственного устройства и происходящих в нем перемен³.

Аристотель целиком посвящает пятую книгу «Политики» изучению того, «вследствие каких причин происходят государственные перевороты, сколько их и какого характера они бывают; какие разрушительные начала заключает в себе каждый из видов государственного устройства; какие из этих видов в какой преимущественно переходят; какими средствами самосохранения обладает каждый вид государственного устройства вообще и, наконец, что служит пре-

¹ Темнов Е.И. Аристотель и начало политической науки // Аристотель. Политика. Афинская полития. М., 1997.

² τὸν οὐν οὐ μυριά men cpi μυριάīs hēmīn gegonasi poleis en toutōi iōi chronōi, kata ton auton de tou plēthous logon ouk elattous ephtharmenai; pepoliteumenai d' au pasas politēias pollakis hekastachou; kai tote men ex elattoton̄ meizous, tote d' /k meizonon̄ elattous, kai cheirous ek beltionon̄ gegonasi kai beltious ek cheironon̄

³ Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1998. С. 435.

имущественно для сохранения каждого вида»¹. Концепции изменчивости политики², сформулированные Платоном и Аристотелем, определили традицию западной политической мысли, в рамках которой уже в XX веке были сформулированы собственно хронополитические концепции³.

Несомненное значение для развития современного хронополитического знания имела христианская социально-политическая мысль⁴, однако истинное открытие времени осуществилось в исторической науке Нового времени. Понимание того, что историческое время связано с социальными изменениями, привело, по замечанию Джорджа Уоллиса, к рассмотрению политики как прикладной социальной физики. Особая роль принадлежит здесь «Новой науке» Дж. Вико, в которой была четко сформулирована идея контроля человека над собственной судьбой, практически исключенная схоластикой. Вико рассматривает общество как творение людей, создавая тем самым основу для концепции прогресса⁵.

Дальнейшее развитие хронополитического знания емко описано В.И. Вернадским, ученым, который стоит у истоков исследования нефизических форм пространства-времени. «Понятие времени выдвинулось в философских концепциях и построениях XIX столетия под влиянием двух течений мысли, тесно связанных с культурной жизнью: с одной стороны, сказалось изучение исторического процесса человечества и связанного с этим расцвета исторических и социальных наук в XVIII—XIX вв. и глубокого охвата историческим сознанием народных масс, все большим темпом идущего с XIX в. в великом социальном движении, мощный рост которого сейчас так ярко выступает в окружающей исторической жизни; с другой — к нему обратилась философская мысль под влиянием резко выдвинувшихся в середине XIX в. эволюционных идей естествознания в связи с ростом исторических наук о природе»,⁶ — писал он в 30-х гг. XX в.

Современный этап развития хронополитики начинается в XX в. Он связан со становлением социологии и политической науки в качестве самостоятельных дисциплин. Один из основателей современной социологии Э. Дюркгейм исследовал роль времени в рамках социальной организации. Идея особого социального времени, а затем — представление о политическом времени и хроно-

¹ Аристотель. Политика. Афинская полития. М., 1997. С. 164.

² Проблема времени в современной науке понимается двояко — как формирование понятия о динамической изменчивости мира и количественной мере изменчивости объектов (Левич А.П. Мотивы и задачи изучения времени // Конструкции времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени. Ч. 1. Междисциплинарное исследование: Сб. научных трудов / Под ред. Гиценко Б.В. М., 1996. С. 9). Аристотель также заложил основы метрического понимания времени.

³ На Аристотеля непреклонно ссылается крупнейший исследователь политической темпоральности Ч. Тилили в недавней статье по проблемам демократизации (Tilly Ch. Processes and Mechanisms of Democratization // Sociological Theory. 2000. Vol. 18. № 1).

⁴ См.: Ильин М.В. Цит. соч. С. 18–26.

⁵ Wallis G. Chronopolitics: The Impact of Time Perspectives on the Dynamics of Change // Social Forces. 1970. № 40. Р. 103.

⁶ Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Кн.1. Пространство и время в живой и неживой природе. М., 1975. С. 97.

политике формулируются в рамках структурно-функционального подхода, для которого основу социального развития и роста научного знания формировали, как известно, процессы дифференциации. Эти тенденции отразила новаторская статья по проблемам социального времени, написанная П. Сорокиным и Р. Мертоном — «Социальное время: методологический и функциональный анализ»¹. В ней поставлен вопрос о качественной специфике темпоральности социума, ее отличии от астрономического времени, философских и психологических интерпретаций феномена. Авторы статьи отмечают, что категория астрономического времени отражает только одно из возможных понятий времени. В основе социальных систем времени лежит, с их точки зрения, необходимость в организации совместной деятельности в рамках общества. В частности, календари создаются в соответствии с определенными социальными требованиями, связанными с социальной дифференциацией и расширением сферы социального взаимодействия².

Важнейшую роль сыграла также концепция Т. Парсонса: «Его знаменитая схема проблем системы (*adaptation, goal attainment, integration, latent pattern maintenance*) предполагает наличие в конструкции двух осей. Одна из них выражает контраст между системой и средой, другая — временная ось, разделенная на две части в соответствии с различием между настоящей и будущей реализацией. За этим кроется, как было недавно показано, фундаментальное положение, что *дифференциация системы и среды порождает темпоральность* (курсив в оригинале. — И.Ч.)»³. В русле дальнейшего увеличения разнообразия социальных структур и теоретической интерпретации этого процесса стоит рассматривать появление концептов политического времени и хронополитики. В 1960-е годы постматериалистические сдвиги привели к появлению новых социальных движений. Еще раньше появляются работы, посвященные проблеме плюрализма социального времени, наиболее известной из которых является книга Жоржа Гурвича⁴. В статье Джорджа Уоллиса, содержащей одно из первых упоминаний хронополитики, последняя определяется как «отношение между политическим поведением индивидов и групп и их восприятием времени (*time-perspectives*)»⁵. Парсонианская концепция функциональной дифференциации общества лежит в основе хронополитической теории мирового системного процесса, разработанной Дж. Модельски⁶. Развивающиеся с конца 1960-х гг. неолиберальные подходы в изучении международных отношений, выдвигающие идею множественности акторов современной мировой политики, также тесно связаны с данной традицией.

¹ Sorokin P. Merton R. 1937 Social Time: A Methodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology. Vol. 42. Is. 5.

² Ibid. P. 615.

³ Луман Н. Цит. соч. С. 133.

⁴ Gurvitch G. The Spectrum of Social Time. Dordrecht, 1964.

⁵ Wallis G. Op. cit. P. 102.

⁶ Modelski G. Long Cycles in World Politics. Seattle; London, 1987. P. 1–2.

Такое объяснение генезиса хронополитики подтверждается опытом развития отечественной политологии. Формирование понятий политического пространства и времени подчеркивало ее самостоятельный научный статус. С другой стороны, расширение политического плюрализма в конце 1980-х – начале 1990-х гг. придало значительный динамизм политическому процессу в нашей стране, знаменуя завершение эпохи «застоя». С.И. Семенов пишет в первой отечественной статье, посвященной проблемам хронополитики: «Политическая жизнь – продукт сложноорганизованного гражданского общества. Оно предполагает разделение общества на разные социальные группы. Потребность в согласовании противоречивых интересов граждан рождает политическую жизнь, политическое пространство и время»¹. Очень точное обобщение делает А.С. Панарин «Проблема пространства-времени в общественных науках сегодня выступает в том же ракурсе, в каком она выступала при переходе от классической механики к релятивистской. Общественные науки приходят к выводу, что в современном обществе, в отличие от традиционного, нет единого пространства-времени. Типология социальных форм пространства-времени становится важной задачей политологии; без осознания специфики пространства-времени различных обществ и групп в рамках одного общества невозможны современная политическая аналитика и прогнозистика, теория принятия решений»².

Что касается западной политической науки, то здесь «открытие времени» происходит во второй половине XX века. Как отмечал в начале 1970-х гг. С. Хантингтон, «до недавнего времени... политическая теория непосредственно не касалась проблематики изменения»³. В 1953 г. Дэвид Истон писал, что «последние 75 лет политические исследования посвящались главным образом изучению наличных условий, а политическое изменение игнорировалось»⁴. Почему ситуация была таковой? Политическая наука возникла в социальных системах Западной Европы и Северной Америки, где радикальное изменение могло рассматриваться как временное отклонение или дисфункция политической системы. В терминологии Парсонса политологи могли изучать изменения в системе, но не касались вопросов изменений самой системы – таков ответ Хантингтона.

Эту тенденцию, по мнению авторитетного политолога, усиливала также антиисторическая направленность наиболее авангардных течений в рамках политической науки. Родившись из истории права, политическая наука могла утвердиться в качестве дисциплины, только провозглашая независимость от своих родителей. Соответственно политические исследователи не акцентировали своей связи с исторической наукой и делали упор на общности с другими социальными науками – психологией, социальной психологией, социологией

¹ Семенов С. И. Хронополитические аспекты кризисов культуры // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 153.

² Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994. С. 81.

³ Huntington S. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Politics. 1971. Vol. 3. № 3. P. 283.

⁴ Easton D. The Political System. N.Y., 1953.

и экономикой. Бихевиористское внимание к данным опроса, интервью и включенного наблюдения усиливали тенденцию к забвению истории. Последнее соображение Хантингтона очень хорошо согласуется с тезисом Броделя: «Любое социальное исследование сводится только к изучению событий (можно даже сказать «текущих событий») методами эмпирической социологии, которая пренебрегает всякой историей и ограничивается изучением современных данных»¹.

Кроме того, как отмечает Хантингтон, политика зачастую рассматривалась в качестве зависимой переменной, т.е. объяснение политических явлений учёные пытались найти в иных, неполитических социальных процессах и институтах. Эта тенденция была усиlena марксистской и фрейдистской атмосферой 30—40-х гг. прошлого века. Здесь аргументация Хантингтона представляется несколько непоследовательной. Дело в том, что сама политическая наука формировалась во многом вопреки «марксистской атмосфере», которая возникла, во-первых, гораздо раньше 30-х годов XX века, а во-вторых, напрямую связана с историческим сознанием и содержит доктрину собственно политического (революционного) изменения: Во многом в противовес этой доктрине формировалась западная политическая наука. Вновь обращаясь к первому доводу Хантингтона, заметим, что трактовка радикального изменения как системной дисфункции как раз напрямую противостоит марксистской теории социальной революции.

Наконец, замечает Хантингтон, проблемам политического изменения не уделялось должного внимания по причине недостаточного интереса к сравнительной политологии. За редкими исключениями, такими, как работы Карла Фридриха, исследования в духе «comparative government» ограничивались статичными описаниями. Сравнительное же исследование политических систем в подлинном смысле неизбежно вызывает вопросы — развивается ли общество по образу и подобию другого, связаны ли политические системы друг с другом в эволюционном смысле²?

Изменение ситуации наметилось в 1950-е годы. Качественно новый этап развития сравнительной политологии, дискуссии по проблемам политического развития освободившихся стран знаменовали собой обращение к проблематике политической модернизации. Рассуждая о месте теорий модернизации в интеллектуальной истории, Хантингтон отмечает цикличность в развитии представлений о времени. Теории перехода к модерну, как он пишет, ярко контрастировали с представлениями об исторической эволюции и социальном изменении, преобладавшими в общественной мысли Запада 1920—1930-х гг. Концепции того времени были преимущественно пессимистическими в своем взгляде на будущее человека и общества.

¹ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 115—142.

² Huntington S. Op. cit. P. 283.

Действительно, современное понятие временей, в том числе временей социально-политических процессов, сформировалось во многом в противовес тому, о котором пишет Вернадский в приведенной выше цитате. Прежде всего, в отличие от доминирующего течения историософии XVIII—XIX столетий, основу представлений о времени больше не формирует концепция прогресса. Это связано и с результатами исторического развития процессов, описанных Вернадским. Очевидно, что, говоря о социальном движении и охвате историческим сознанием народных масс, ученый имеет в виду революционные потрясения. Уже в 1930-х гг. отношение к этим процессам в мире перестало быть оптимистичным — возобладала оценка сформированных революционными движениями режимов как тоталитарных, а революционной практики как существенно деструктивной. Серьезным вызовом понятию времени, которое близко Вернадскому, стала, несомненно, Первая мировая война, убедительно и широко продемонстрировавшая проблематичность концепции прогресса. Рождение и гибель фашизма полностью дискредитировали ее натуралистическую интерпретацию в духе социал-дарвинизма. Более «социологичное» понимание эволюции, делающее акцент на организации и координации как основных способах адаптации общественных организмов, позднее также подверглось критике.

Кризис этого направления социальной теории и политической философии, связанного, в частности, с фигурами Парсонса и Липсета, емко описывает А. Турен в своем «Очерке социологии»: «Парсонс, создавший последнюю крупную концепцию классической социологии, опирался на эволюционистскую теорию, на сильно представленные в ней разные пары противоположностей между традицией и современностью, столь характерные для его анализа действия. В этом кульминационном пункте классической социологии порядок, в конечном счете, восторжествовал над изменением, общество приняло вид целого, стабильно и связано организованного вокруг принципов инструментальной рациональности. Несомненно, что всегда существует сопротивление этим ценностям и напряжение внутри общества. Но это никоим образом не мешает триумфу социологии Парсонса или политической философии Липсета в эпоху, когда Соединенным Штатам принадлежит мировое первенство¹. Надо отметить, что в своей «слабой» версии, исключающей прогрессизм и детерминизм, эволюционная теория сохраняет влияние в политической науке и сегодня: в некоторых посылках ее принимают, например, Дж. Модельски и М. Ильин. Попытаемся далее проследить влияния, о которых можно говорить как о сформировавших сегодняшние представления о времени, и прежде всего о темпоральных характеристиках макросоциальных и мировых политических процессов.

Важнейшим историческим обстоятельством, формирующим основу понимания генезиса хронополитики, является осознание «пределов роста» мировой экономики и «общего будущего» человечества, появление концепций глобаль-

¹ См.: Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. М., 1998. С. 35–39.

ного, прежде всего экологического кризиса. В конце 1960-х и в 1970-х гг. представления о глобальном кризисе формируются на основе глобального моделирования. Наиболее широкую известность получили модели, разработанные при поддержке Римского клуба, основанного в 1968 г. — «Пределы роста» (под руководством Д. Медоуса, 1972) и «Человечество на поворотном пункте» (М. Месарович и Э. Пестель, 1974). В этих докладах, как известно, был сделан вывод о том, что при сохранении существующих тенденций мирового развития человечество ожидает катастрофа, которая, по разным оценкам, может наступить в начале, в первой половине или в течение XXI столетия. Представления о кризисе цивилизации впервые подкрепляются выводами точных наук, что отличает концепции глобального кризиса от философских концепций, в которых выдвигаются подобные положения. Кроме того, отличительной чертой глобальных моделей является то, что прогнозируемый на их основе кризис имеет планетарный масштаб и системный характер. Если в философских концепциях кризиса речь шла о проблемах определенной (европейской, западной) цивилизации или же об упадке отдельных (чаще всего культурных, моральных, гуманистических) сторон или основ цивилизации, то в моделях мировой динамики 1970-х описываются критические тенденции во всех областях жизнедеятельности, развитие которых грозит обернуться гибелью для всего человечества.

Концепция кризиса цивилизации вызвала интерес к политическим и управлению аспектам глобальной динамики, так как выводы поискового прогноза можно опровергнуть путем нормативного, управляемого вмешательства в развитие кризисных процессов. На ее основе позднее была сформулирована идея устойчивого развития, имеющая явное хронополитическое звучание. Концепция пределов роста оказала заметное влияние на общественные науки в целом, вызвав по сути переворот в представлениях о социальной динамике. Особенно важным является то, что в свете осознания кризиса мирового развития мир впервые рассматривается как *динамическая целостность*.

Существовавшие до этого универсалистские схемы мирового развития основывались на религиозном мировоззрении или же исключительно на историческом опыте европейской цивилизации. «Идея историчности целостности мира возникла как бы в порядке компенсации двух процессов: освоения планетарного пространства и распространения универсалистских западоцентристских идей, которые или вульгаризировали историческое измерение (предлагая линейно-стадиальные схемы), или устранили историзм из сферы социальных наук. Угроза катастрофы и исчерпания пространства стимулировали обращение общественного сознания в поисках времени к своему прошлому, к поиску прошлого не только в настоящем, но и в будущем. Именно на этой волне происходит возвращение истории в социальные науки, причем возвращение триумфальное, поскольку крушение историософии поставило историческое знание перед необходимостью освоить проблематику смысла и целостности истории (что ранее было компетенцией философского знания) своими и общеначальными средствами. На стыке исторических и мировых исследований возникает узел

социально-исторических исследований, на наддисциплинарном единстве которых уже давно настаивает И. Валлерстайн¹, — пишет М. Чешков. А. Фурсов также отмечает: «Окончание глобальной экспансии капитализма в середине XX века резко усилило внимание к проблеме времени как в естественных, так и социальных науках (призывы «bring time back in»): создание «исторической социологии», проекты интеграции социальных наук и истории, «стрела времени», работы Пригожина и многое другое»².

Следующим историческим фактором, давшим толчок развитию представлений о времени в мировых исследованиях, выступила дестабилизация международной обстановки в конце 60—70-х гг. XX века. Эти годы были отмечены признаками экономического, политического и культурного кризиса, который, в отличие от рассмотренной выше концепции кризиса планетарного, наблюдался уже в реальности. «Со второй половины 1960-х мы наблюдаем симптомы дестабилизации в международном порядке, известном как *Pax Americana*. Провал интервенции во Вьетнаме не только вызвал брожение общества в Соединенных Штатах, включая студенческие волнения и обострение расовых проблем, но также поставил перед такими проблемами, как спад производства и темпов роста ВНП, рост показателей безработицы и инфляции, истощение денежного и золотого запаса, снижение курса доллара. Увеличение веса Советского Союза и Китая в военно-политической сфере, а также повышение роли Японии и Европейского сообщества в области экономики создали впечатление начала мультиполиаризации международной системы, возможно в форме структуры, состоящей из пяти держав. С другой стороны, несмотря на надежды, навеянные «десятилетием развития», прогресс в странах Юга оказался в тупике, что приводило к увеличению их отставания от развитых стран»³, — так один из исследователей теории Дж. Модельски описывает исторический фон, на котором формировались концепция длинных циклов в мировой политике и миросистемный подход. Он также отмечает, что в экономической теории в 1960—1970-х происходит сдвиг от «теорий модернизации» к «миросистемной теории». «Теоретики модернизации полагали, что модернизация может быть осуществлена в результате внутренних усилий каждой нации и что в этом деле капиталистическая экономическая и социальная система Соединенных Штатов будет служить в качестве модели развития. Теоретики зависимости или сторонники миросистемного подхода в 70-х, напротив, утверждали, что американский капитализм и империализм как раз являются причиной бедности в регионах периферии. Так, Соединенные Штаты перестали быть моделью развития и превратились в корень всех зол»⁴.

¹ Чешков М. Мироцелостность и ее история // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 28—29.

² Фурсов А. Колокола истории. Ч. II. М., 1996. С. 435.

³ Kipnis S. The Theory of Long Cycles Examined // Exploring Long Cycles / Ed. by G. Modelski. L. 1987. P. 56.

⁴ Ibid. P. 56—57.

Теория длинных циклов Дж. Модельски и миросистемный подход выступили различными ответами общественно-политических наук на описанную ситуацию. Проводя принятное в западной науке различение, первый ответ был в духе конструктивной теории, а второй — в духе критической. Концепция Модельски была направлена на поиск возможностей сохранения преемственности американского лидерства, а подход Валлерстайна и других сторонников неомарксистского подхода в мировых исследованиях говорил о научной, или, в более радикальных вариантах, нравственной, необходимости переворота.

В 1957 г. одним томом переиздается «Социальная и культурная динамика» П. Сорокина. В предисловии к этому изданию Сорокин, помимо тенденций, подробно описанных в издании 1937—1941 гг. (распад чувственной культуры, появление идеационального социокультурного порядка), выделяет в качестве основного еще один процесс. Он заключается в «имеющем эпохальное значение перемещении творческого центра человечества из Европы на более широкую арену Тихоокеанского и Атлантического побережий»¹. «И главными героями следующих актов великой исторической драмы, — пишет Сорокин, — собираются стать — помимо Европы — обе Америки, Россия и возрождающиеся великие культуры Индии, Китая, Японии, Индонезии и исламского мира»². Тенденция, намеченная Сорокиным, очень скоро нашла свое непосредственное выражение. Во введении к сборнику «Изменение в международной системе» (1980) авторы пишут: «Международная система со Второй мировой войны претерпела глубокие изменения... Бывшие ранее слабыми, зависимые государства проводят амбициозные курсы национального развития, часто поднимающие влияние этих стран до уровня, немыслимого еще пятнадцать лет назад. Наиболее яркий пример, конечно, — нефтедобывающие государства Ближнего Востока»³.

Таким образом, в частности в рамках миросистемного подхода, впервые формировалось видение мира как динамической целостности — до этого времени мир выступал единым только в пространственном, географическом отношении. Представлению о пространственном единстве мира, сложившемуся еще в эпоху Великих географических открытий и достигшему своей зрелости в geopolитических доктринах конца XIX — начала XX века, парадоксальным образом сопутствовала убежденность в том, что регионы, не входящие в зону «географической оси истории» «внесовременны», то есть не участвуют в историко-политическом процессе. «В основе миросистемного синтеза, — отмечает Е.Н. Мошелков, — лежит, как и в формационном синтезе, историческая «спираль», но она имеет уже другое качество. Если в «спирали» Гегеля и Маркса фиксируется повторяющееся в основных характеристиках и механизмах восхождение «ядра» формации, к которому постепенно подтягивается периферия,

¹ Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений, СПб., 2000. С. 9.

² Там же. С. 10.

³ Change in the International System. Boulder (Col.) 1980. P. XVII.

то новая спираль подразумевает переход на более высокую ступень (или виток) развития *всего* человеческого общества как взаимосвязанного и целостного потока самостоятельно и специфически трансформирующихся локальных общественных систем¹.

Подводя итоги, выделим определившие новые представления о времени социально-политических процессов факторы: 1) кризис международный, связанный с ослаблением американской гегемонии (провал интервенции во Вьетнаме, усиление СССР и др. держав, неблагоприятные для США изменения в мировой экономике); 2) кризис западоцентризма, связанный с ростом влияния «периферийных» стран (его проявлением стал, в частности, нефтяной кризис 1973 г., вызванный жесткой политикой арабских стран-экспортеров нефти); 3) кризис внутри западных обществ (студенческие волнения 1968 г., рост контракультуры). Отмеченные кризисы вызвали переосмысление представлений о политическом и социальном развитии в целом, включающее соответственно: а) переход от теории модернизации к миросистемной теории; б) переход от концепции «гегемонистской стабильности» в теорию международной политики к концепции лидерства; в) кризис структурно-функционалистской парадигмы, усиление влияния критических теорий общественного развития (постструктурализм, неомарксизм, постмодернизм).

Еще одним историческим фактором, повлиявшим на развитие хронополитических идей, выступила научно-техническая революция. В самом названии данного феномена содержится указание на радикальность перемен. В первой главе «Футуроншока» Тоффлер пишет о том, что большинство социальных изменений, значимых для истории, произошло в течение срока жизни последнего поколения. Кроме того, он указывает на мировые масштабы перемен. Он пишет: «Отличительной чертой этого срока является также грандиозное расширение масштаба и размаха перемен. Естественно, эпохальные перевороты случались и раньше. Войны, чума, землетрясения, голод возмущали общественное спокойствие. Но эти потрясения и сдвиги не переходили границ одного или нескольких соседних государств. Сменились поколения, прошли века, и влияние этих событий распространялось за пределы государств. Сегодня, — пишет Тоффлер, — все границы сметены. Сеть общественных связей настолько плотна, что современные события отражаются во всем мире².

Концепцией постиндустриального общества подразумевается завершение целой эпохи мирового развития, что должно включать в себя и переход к принципиально новым формам политической организации. Надо отметить, что этот процесс и его осмысление обозначили очередную смену ориентиров в исследованиях времени социально-политических процессов, вновь открыв перспективу поступательного развития современных обществ, заставили снова

¹ Мощелков Е.Н. Переходные процессы в России: Опыт ретроспективного и компаративного анализа социальной и политической динамики. М., 1996. С. 15

² Тоффлер А. Футуроншок. СПб., 1997. С. 15.

обратиться к теории модернизации (наиболее серьезным мотивом возвращения к ней стало появление «новых индустриальных государств»). При этом теория модернизации вышла на качественно новый уровень, признав альтернативность возможных путей перехода к модерну и диалектическую связь между традицией и современностью. Важным является также то, что интенсивное технологическое развитие, особенно в области микроэлектроники, создало основу для тотальной синхронизации мировых процессов, создало эффект сжатия мирового пространства-времени. Так, Дж. Розенау в своей концепции изменений и преемственности в мировой политике в качестве первого фактора, ведущего к трансформации, отмечает «переход от индустриального к постиндустриальному порядку». Этот переход он ассоциирует прежде всего с революцией в микроэлектронике, создавшей технологии, радикально сократившие социальные, экономические и политические дистанции¹. Политические последствия свершившегося переворота Розенау осмысливает в либеральном ключе, говоря, в частности, о повышении влияния индивидов в мировой политике, тесно связанном с процессами информатизации.

Влияние становления постиндустриального общества на динамику мировой политики осмысливается и другими учеными. Дж. Модельски отмечает, что «техническая основа для создания всемирной организации на сегодняшний момент создана как в позитивном смысле коммуникации и информации, так и в части средств доселе невиданной разрушительной силы»². На возможности функционирования мировой политики в режиме «реального времени» акцентировал внимание П. Вирилио, который ввел в научный оборот термин «хронополитика». Выражением «хронополитики» в том смысле, который вложил в нее П. Вирилио, стала, в частности, война в Персидском заливе. Залогом успеха военной операции, проведенной США, выступили военные технологии «третьей волны», а также использование новых возможностей войны информационной. Технологические преимущества, скорость инновации становятся основой политического доминирования. Например, К.С. Гаджиев пишет: «В наши дни перемены, вызываемые восхождением и развертыванием новейших высоких технологий, настолько грандиозны и стремительны, что прошлое и будущее как бы растворяются в настоящем. Многие феномены, такие, как модели социального и экономического развития, показатели экономического роста, состояния общественного мнения и т.д. устаревают настолько быстро, что и рядовой человек, и специалисты просто не успевают за ними. Смыслом научно-технологического и социального прогресса стал выигрыш во времени»³. Надо отметить, что политические последствия НТР оцениваются амбивалентно — от оптимистически-либеральных проектов, подобных тому, что предлагаю Розенау и Модельски,

¹ Rosenau J.N. Turbulence in World politics: A Theory of Change and Continuity. N.J., 1990. P. 12.

² Cm.: Modelska G. From Leadership to Organization: The Evolution of Global Politics // Journal of World Systems Research. 1995. Vol. 1. № 7.

³ Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997. С. 89.

до пессимистически-постмодернистских, предсказывающих воспроизведение существующей «репрессивной» системы, получившей в свое распоряжение, помимо прочего, небывалые средства контроля (Вирилио).

Заметим, что постмодернизм также может рассматриваться как активная интеллектуальная среда формирования современных представлений о мировом политическом времени. Он генетически связан с определенной оценкой исторического и политического времени. Влияние постмодернистской установки проявляется, например, в концепции «постмеждународной системы» Дж. Розенау.

Аналогичным образом можно характеризовать постнеоклассическую научную парадигму. Представления, сформированные в ее рамках, оказывают существенное влияние на современные концепции политической динамики. В синергетике время является одной из центральных категорий, а описываемые в ней процессы в существенных чертах схожи с теми, что наблюдаются в современной мировой политике. М.Н. Чеснавская, исследующая «нелинейные подходы» в мировой политике, отмечает: «Ускоренные изменения, нарастающая противоречивость, смутность, неясность, непрозрачность дальнейшего пути развития как мировой цивилизации, так и России как одной из важнейших и существенных составляющих, как подсистемы последней, формирование новой системы международных отношений привели к известной трансформации методологии в направлении от классической парадигмы, с ее линейным детерминизмом... к синергетике, которая исходит из принципиальной множественности возможных путей изменений, отрицания линейности социального детерминизма»¹. Названные методологические принципы получили широкое применение в современных концепциях глобальной политической динамики. Из зарубежных ученых, активно пользующихся этим научным инструментарием, можно выделить уже цитированного Дж. Розенау. В более широком контексте динамики миросистемы использует категориальный аппарат синергетики И. Валлерстайн. Среди отечественных исследователей в данном контексте выделим А.С. Панарина, построившего свой исследовательский проект «Глобальное политическое прогнозирование» на следующих «методологических презумпциях»:

- принцип неопределенности будущего, который соответствует новой картине мира, связанной с критикой классического детерминизма и открытием стохастических процессов;
- понятие бифуркации — раздвоения течения тех или иных процессов, достигших определенной критической величины, после которой однозначная зависимость между прошлым и будущим состояниями системы теряется;
- принцип дискретности пространства-времени, означающий то, что в точках бифуркации образуются предпосылки качественно новых состояний, дающих качественно иное будущее².

¹ Чеснавская М.Н. Нелинейные подходы к мировой политике // Философия мировой политики: Актуальные проблемы. М., 2000. С. 292.

² Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000. С. 9.

Важнейшим с точки зрения хронополитики атрибутом синергетической методологии является акцентирование возможности управленческого вмешательства в развитие кризисных ситуаций с целью проведения в жизнь желательных сценариев развития политического процесса. По замечанию М.Н. Чеснавской, «осуществление оптимистического или пессимистического сценариев смены типов развития зависит от субъективного фактора, от способности лидеров к рациональному стратегическому мышлению, учитывающему исторический опыт, а также долгосрочной политической воли для реализации возможных благоприятных сценариев»¹.

Говоря о сегодняшних условиях развития хронополитического знания, обратим внимание на новые проявления политического кризиса, эскалацию угроз глобальной безопасности и неэффективность международно-правовых институтов. Этот кризис по-новому ставит проблему поиска новых форм политического взаимодействия на мировом уровне. Отдельного внимания заслуживает процесс глобализации, который означает, помимо прочего, планетарную синхронизацию политических процессов, функционирование их в едином пространстве-времени. Важнейшим источником хронополитических идей остается осмысление процессов информатизации мировой политики².

Изучение понятия «политическое время» и феномена времени в политике российскими политологами ведется чуть больше десятилетия³. Исследования политического времени тесно связаны с процессом становления отечественной политической науки. Выделение категории политического времени (наряду с политическим пространством) выступало одной из основ предметного определения, самоутверждения молодой российской политологии. Кроме того, кризисность политического развития нашей страны в названный период обусловила особый интерес ученых к проблемам модернизации, реформирования политических институтов, проблематике «переходного периода», которые очевидно связаны с определенным пониманием времени в политике.

¹ Чеснавская М.Н. Цит. соч. С. 298.

² Песков Д.Н. Мировая политика, или Бег на месте // Полис. 2005. № 1.

³ Венгеров А.Б. Политическое пространство и политическое время (Опыт структурирования понятий) // Общественные науки и современность. 1992. № 6; Ильин М.В. Ритмы и масштабы времени: о понятиях «процесс», «изменение» и «развитие» в политологии // Полис. 1993. № 2; Андреев С.С. Политическое время и политическое пространство // Социально-политический журнал. 1993. № 3; Семенов С.И. Хронополитические аспекты кризисов культуры // Общественные науки и современность. 1993. № 4; Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994; Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии: проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Ч. 1–3. М., 1995; Панарин А.С. Философия политики. М., 1996; Моцелков Е.Н. Переходные процессы в России: Опыт ретроспективного и компаративного анализа социальной и политической динамики. М., 1996; Ильин М.В. Геохронополитика – соединение времен и пространств // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 2; Василиенко И.А. Политическое время на рубеже культур // Вопросы философии. 1997. № 9; Павлов Ю.М., Смирнов А.И. Пространство и время Востока и Запада // Третий международный философский симпозиум «Диалог цивилизаций: Восток–Запад». М., 1997; Ильин В.В. Политология. М., 1999.

Нельзя не сказать о разработках проблемы времени в советском обществознании. Хотя само понятие «политическое время» не рассматривалось, целый ряд важных с точки зрения современной политологии аспектов этого понятия так или иначе затронут в многочисленных исследованиях природы социального времени и исторического времени, роли этих понятий в общественных науках (историческом материализме); кроме того, в советской социальной философии обоснована идея множественности форм пространства-времени, допустимости и продуктивности выделения и исследования времени в различных областях действительности, в т.ч. социальной, а также сформулированы важные методологические принципы исследования времени¹.

Можно в определенной мере согласиться с точкой зрения М.В. Ильина, считающего внимание к историческому времени одной из немаловажных характеристик отечественной обществоведческой традиции в целом. «Одна из замечательных черт отечественной философской и обществоведческой мысли заключается в особой чувствительности ко времени и пространству. Знаменитый вопрос: «Откуда есть пошла Земля Русская?» — намечает яркий образ движения во времени и пространстве, точнее, через времена и пространства, который так или иначе освещал духовные поиски многих наших выдающихся соотечественников»², — пишет он. А.С. Панарин видит следующее объяснение этому феномену: «В России проблемы гео- и хронополитики приобретали дополнительную остроту по причине промежуточного в цивилизационном отношении (между Востоком и Западом) положения страны. Во временном отношении это — драматизм чередования застойного и мобилизационного (революционного) времени»³.

В начале же 1990-х гг. основной задачей российской политологии было научное самоопределение, которое проходило путем переосмысливания основ марксистского обществознания. Известное положение марксизма о надстроичном статусе политики в структуре общественной формации было поставлено под сомнение действительными политическими процессами, радикально нарушавшими принятую логику смены формаций. С другой стороны, стремление политической науки к приобретению самостоятельного статуса также вдохновляло критиков названного положения, призывало к поиску собственных измерений мира политического. «Политическая жизнь общества всегда развертывается в пространстве и времени. До недавних пор это очевидное, но вместе с тем важнейшее обстоятельство как-то забывалось и, по крайней мере, недостаточно учитывалось в отечественной политологии. Оно было оттеснено на периферию научных интересов различными схемами экономического детерминизма — в полном соответствии с вульгаризированным и догматизированным тезисом о

¹ Аронов Р.А., Терентьев В.В. Существуют ли нефизические формы пространства и времени? // Вопросы философии. 1988. № 1.

² См.: Полис. 1999. № 4. С. 6.

³ Ильин В.В., Панарин А.С. Указ. соч. С. 81–82.

первичности экономики и вторичности политики», — пишет А.Б. Венгеров в первой известной нам российской статье по проблемам пространства и времени политики¹. Вместе с тем в начальный период становления политологии в России ученым было непросто отказаться от привычного теоретического инструментария и понятийного аппарата марксистского обществознания, в том числе и при исследовании политического пространства и времени. Подтверждение этому можно найти, в частности, в статье С.С. Андреева. Он же является автором статьи «Политическое время» в вышедшем в 1994 году политологическом словаре, где, в частности, отмечается, что «если единицей социального времени является формация, то политического — тип ее политических отношений»². Проблема выделения собственных измерений мира политического остается актуальной до сих пор. Так, М.В. Ильин, подводя итоги десятилетнего развития отечественной политической науки и отмечая результаты, достигнутые в области исследования эволюции форм политической организации, указывает, что исследования политического времени как развития форм политической организации остаются слабо дифференцированными в историософском знании и в изучении общей макросоциальной динамики³.

На наш взгляд, необходимо более подробно остановиться на возможностях такого рода дифференциации, так как именно этот аспект позволяет обосновать значимость категории политического времени и хронополитики. Как отмечалось выше, необходимо различить реальное и концептуальное значение политического времени. Если говорить о значении концептуальном, то выделение в особый аналитический план трансформации политических отношений и институтов — вполне оправданная с точки зрения построения теории процедура идеализации, как, например, выделение идеального типа той или иной эволюционной формы политической системы. Однако за пределами «чистой» типологии возникают проблемы объяснения причин морфогенеза, потребность экспликации зависимостей политической динамики от развития социальных процессов. Сам М.В. Ильин, развивая собственные хронополитические идеи в русле «геохронополитики», обосновывает «включение комплекса средовых, преимущественно географических факторов различных масштабов — планетных, территориальных и локальных, осложняющих человеческое существование, деформирующих, а порой и нарушающих сложившиеся, хронополитически накопленные структуры целедостижения, т.е. основу политики»⁴. Иными словами, политическое развитие понимается все-таки экзогенно, а политическое время, таким образом, вписывается в течение социально-исторического времени. Что же представляет собой политическое время в ре-

¹ Венгеров А.Б. Указ. соч. С. 49.

² Политологический словарь. Ч. II. М., 1994. С. 52.

³ Ильин М.В. Десять лет академической политологии — новые масштабы научного знания // Полис. 1999. № 6. С. 138.

⁴ Ильин М.В. Геохронополитика — соединение времен и пространств // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 2. С. 32.

альном значении и что выделяет политическое время из потока социального времени?

Напрашивается несколько соображений: во-первых, политические изменения не напрямую соответствуют изменениям социальным: возможно более динамичное развитие социальных отношений — в этом случае политические структуры замедляют ход общественного развития, играют консервирующую, охранительную роль; и наоборот, политические изменения могут опережать развитие социальных отношений, рост экономических возможностей. В последнем случае политическое время протекает динамичнее социального, что в некоторых случаях позволяет ускорить трансформацию социальных структур, а в некоторых — приводит общество к тупиковым ситуациям. В реальном значении политическое время можно понимать также как характеристику определенной исторической эпохи, отмеченной макросоциальным кризисом, нарастанием противоречий как внутри общества, так и в отношениях социальной системы со средой. Разрешение такого рода противоречий требует выработки новых форм социальной организации, что подразумевает интенсивный поиск и конкуренцию проектов жизнеустройства в политической сфере. Можно заметить, что именно такой период переживала наша страна.

В сущности, конец 1980-х и первую половину 1990-х как специфический период современной отечественной истории можно так и охарактеризовать: «политическое время». Это время очевидно противопоставлялось «застою», выступающему своего рода «политическим безвременьем». «Когда граждане рассматриваются не в качестве субъектов политической деятельности, ответственных за самостоятельную выработку и принятие решений, а лишь в качестве объектов государственных манипуляций, политической жизни в собственном смысле слова приходит конец, а политические часы останавливаются (или разбиваются)», — образно пишет об этом С. Семенов¹.

В концепции Ильина к такому пониманию политического времени приближается понятие «хронополитической паузы». «Взаимодействие Вызов-и-Ответ предстает в самом общем виде как конвертация — усложнение наличной и неблагоприятной геохронополитики (соединение комплекса средовых воздействий и хронополитических возможностей) в альтернативную и благоприятную. Самим преобразователем, конвертатором становится организация паузы, предполагающая наполнение ее сериями политических (организующих) действий как в пространственной, так и во временной плоскостях», — пишет Ильин².

На наш взгляд, основание хронополитики состоит как раз в познании качественной определенности социально-исторического процесса, поддержании перспективных направлений социального развития и проектировании новых форм социальной организации. Так, А.С. Панарин, отвечая на вопрос: «В са-

¹ Семенов С. И. Хронополитические аспекты кризисов культуры // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 153.

² Ильин М.В. Цит. соч.

мом ли деле время социальной истории человечества — это в первую очередь политическая категория, и, следовательно, именно политическое творчество рождает новое будущее, задавая программу всем остальным измерениям нашего бытия?», — решается утверждать, что «главной пружиной мировых событий, главной пружиной тектонических сдвигов истории является политика — производство власти»¹.

Формулирование категорий политического времени и политического пространства стало частью процесса разработки и адаптации наработанных зарубежными исследователями мировоззренческих и методологических основ политологии как науки, развития ее специального понятийного аппарата. Из изучения политических понятий, непосредственно характеризующих динамику политики, а также базовых концептов, описывающих сферу политического, их этимологии, во многом выросла концепция хронополитики как «эволюционной морфологии политических систем» М.В. Ильина². Политическое пространство и время рассматриваются в качестве фундаментальных категорий для современной политической теории в книгах серии «Теоретическая политология: мир России и Россия в мире»³.

В хронополитических исследованиях нашли отражение и, на наш взгляд, нетривиальное решение основные эпистемологические проблемы политологии как науки, например, необходимость освобождения политологии от конъюнктурной доминанты и целесообразность поиска фундаментально глубоких предпосылок политических явлений, познания их долгосрочных последствий. Наиболее ярко эта проблема, по понятным причинам, иллюстрируется на отечественном материале. В.В. Ильин выделяет две стороны данной проблемы: помимо «тривиального аналитического хамелеонства — некритического подлаживания исследований под извины конъюнктурной «державной мысли», она состоит в «фактофиксаторстве, регистрации и непосредственном сопоставлении проявлений общественно-политической реальности»⁴. Схожим образом понимает эту проблему М.В. Ильин. По его мнению, она заключается в «интерпретации некоего факта Повседневности как прямого и непосредственного выражения всемирно-исторических закономерностей»⁵. Однако вместо конъюнктурности предлагаются не «универсальные законы» политического развития. Речь не идет о линейности, однородности, «вечности» политического времени, выступающих в данном случае мнимыми атрибутами объективной науки. Линейность — ни что иное, как конъюнктурность, добирающая убедительности путем

¹ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000. С. 30–31.

² См.: Ильин М.В. Ритмы и масштабы времени. О понятиях «процесс», «изменение», «развитие» в политологии // Полис. 1993. № 2; Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.

³ Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994. С. 43–109.

⁴ Ильин В.В. Политология. М., 1999. С. 9.

⁵ Ильин М.В. Десять лет академической политологии — новые масштабы научного знания // Полис. 1999. № 6. С. 137.

вычерчивания в прошлое и будущее безапелляционных траекторий, верных, в лучшем случае, лишь в точке текущего политического момента. В конечном счете, конъюнктурность — явление слишком политическое, чтобы помещать его вне политического времени.

Непредвзятость политической науки должна заключаться в «дизъюнкции конъюнктур», максимально четком разграничении значимых периодов политической жизни, характеризующихся определенным модусом политического действия и формами политической организации. Современные хронополитические представления преодолевают крайности модели времени классической науки, перенесенной в социальную теорию, и отвергают ограниченный позитивизм сиюминутных суждений о политической ситуации. Первое было характерно для имевших место в отечественном обществознании вульгаризированных прочтений исторического материализма, второе возобладало на современном этапе развития отечественной политологии, призванной обслуживать текущие нужды политической, прежде всего предвыборной, борьбы.

Важнейшим на протяжении 1990-х гг. мотивом изучения времени для российской политологии оставалась потребность поиска объяснения хронического нарушения преемственности в общественно-политическом развитии нашей страны (яркий диагноз, поставленный В.В. Ильиным — «державный хроносплазм»¹). Разрыв с советским прошлым осмысливался как звено в цепи не менее драматичных историко-политических переворотов: революции начала XX века или петровские реформы начала XVIII века — самые заметные из них. Однако и времена, разделяющие эти переходы, никак нельзя назвать политически однородными: и в советскую эпоху, и в истории дореволюционной России современные исследователи выделили фазы реформ и контрреформ². Отсюда ключевая для отечественной политологии дилемма линейного и циклического типов социального и политического времени, противопоставление или синтез которых лежат в основе отмеченных выше разработок А.С. Панарина, И.А. Василенко, Е.Н. Мощелкова, Ю.М. Павлова.

Линейное время объявило характерным для западной цивилизации: победа в холодной войне выступила очередным подтверждением преемственного развития политических институтов западных стран, восходящего от эпохи позднего Ренессанса или даже от классических образцов греческой демократии и римской республики. Линейный тип времени, характеризующийся кумуляцией политических преобразований, постоянным рафинированием и усложнением политических институтов, политологи долгое время считали эталонным, как справедливо замечает И.А. Василенко³. «Отметим растущую ценность линейного времени: эволюции, связанные с непрерывными кумулятивными эффектами, предпочтительнее революций, часто являющихся, как показывает практика,

¹ Ильин В.В. Политическая власть // Политология / Под ред. Марченко М.Н. М., 1997. С. 113.

² Реформы и контрреформы в России / Под ред. Ильина В.В. М., 1996.

³ Василенко И.А. Политическая глобалистика. М., 2000. С. 269

фазами инверсионного времени, потрясающего общество и делающего жизнь опасной», — пишут, в частности, авторы «Философии политики»¹. Сходные эпистемологические принципы лежат в основе разработанной М.В. Ильиным «эволюционной морфологии политических систем», несмотря на то, что схема Ильина гораздо более сложна, чем тривиальные линейные интерпретации прогресса.

Важным научным результатом исследования времени политики в данном ключе стало формулирование, на наш взгляд, одного важнейшего принципа хронополитики — неприемлемости опережающего, форсированного развития, понимание реформы не как иносказания революции, переворота, но как долгосрочной стратегии. «Миф ускоренного политического времени необходимо разрушить, противопоставив ему идею долгосрочного политического времени»². «Возможности хронополитического развития связаны прежде всего с преодолением искушений быстрых и радикальных “судьбоносных решений”³, — повторяют политологи. Очевидно, что столь важное значение в отечественной хронополитике этому принципу придается по причине трагического опыта революционных преобразований в нашей стране. Этот принцип, на наш взгляд, нашел воплощение и в политической практике — при определении стратегии реформ, внешнеполитической линии, а также в формировании самого стиля политики новой президентской власти. Современное значение данного принципа должно рассматриваться в связи с историческим характером хронополитического знания — как уже говорилось, его лейтмотивы определяются условиями конкретно-исторического этапа развития общества. Сегодня социально-политическая конъюнктура больше не требует перемен любой ценой, а, напротив, востребует такие ценности, как порядок и стабильность.

Стабилизация внутриполитической обстановки в стране в конце 1990-х годов привела к смещению фокуса хронополитических исследований к области глобальной политической динамики. Для отечественной политологии особую актуальность приобретает задача синхронизации политического процесса России с мировым политическим процессом, которая, с одной стороны, диктуется логикой глобализации, а с другой — поиском возможностей более активного участия нашей страны в управлении общемировыми процессами, в которых она пока занимает место аутсайдера — как в смысле отставания, так и в смысле частичной исключенности из них. В этом свете можно рассматривать появление в последние годы еще ряда публикаций, касающихся проблемы политического времени⁴. Как отмечают политические исследователи, отечественную политику

¹ Ильин В.В. Панарин А.С. Цит. соч. С. 84.

² Василенко И.А. Цит. соч. С. 271.

³ Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами Повседневности и Истории // Полис. 1996. № 1. С. 72.

⁴ Панарин А.С. Реваншистская политика: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998; Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999; Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000; Ильин В.В. Новый миллениум для России: путь в будущее. М., 2001;

«очень непросто вписать и в нынешние пространственные конфигурации мировой политики, и в русло ее динамики (процессы глобализации и т.п.)»¹. Весьма интересным и актуальным представляется один из аспектов исследования мирового развития в современной отечественной политологии — некоторыми учеными обсуждается возможность того, что Россия выступит стабилизатором глобальных процессов, активным участником процесса созидания «посттрансформационного» мироустройства. Так или иначе, происходит сближение российских хронополитических исследований с мировыми — их объединяет необходимость осмыслиения глубоких изменений в мировой политике, политических противоречий процесса глобализации, неоднозначности тенденций мирового развития.

Важной чертой, определяющей специфику хронополитических исследований на российской почве, является то, что ряд отечественных авторов придерживается критического взгляда на перспективы глобализации по западным политическим моделям, говорят о возможных иных сценариях хода мирового политического времени. Этой позиции последовательно придерживается, например, А.С. Панарин, который интерпретирует мировую историю как чередование восточной и западной фаз «глобального мегацикла». Сегодняшний день мировой политики, по мнению Панарина, знаменует собой завершение западной фазы и характеризуется рядом критических тенденций, самые значимые из которых — кризис морали и угроза экологической катастрофы. Концепция Панарина, однако, не «принуждает» историю идти в обозначенном направлении. Современная ситуация рассматривается через призму возможных противоборствующих стратегий. Одну группу стратегий может предложить Запад во главе с США — это стратегии консервации положения победителей в холодной войне. Другие сценарии должны быть предложены остальным миром, странами и народами, не входящими в число «золотого миллиарда» и заинтересованными в том, чтобы положение изменить. По мнению Панарина, эти стратегии должны группироваться вокруг России. Собственно, ход мирового политического времени зависит от исхода противоборства обозначенных стратегий.

В.Л. Цымбурский также не считает «западнический» проект будущего единственным возможным. «Пытаясь прогнозировать судьбы ойкумены в наступающем столетии, теоретики и эксперты делают упор, как правило, на уникальности так называемой постмодерной и постиндустриальной фазы истории, в которую вступает мир Запада, обсуждают связанные с этим шансы и риски, — пишет он. — Даже если такой подход дополняют анализом отношений

Ильин М.В. Глобализация политики и эволюция политических систем // Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени: Международный симпозиум, посвященный 110-летию со дня рождения Питирима Сорокина. М.—СПб., 1999. С. 210—224; Цымбурский В.Л. Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шнеплером и Тойшиби над глобусом XXI века) // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 3.

¹ От редакции // Полис. 1999. № 4. С. 4.

между центром и периферией либо глобальными эколого-демографическими выкладками, то мировое будущее в нем оказывается отождествлено с проблемами якобы единственной планетарной цивилизации (хотя она может при этом мыслиться как неоднородная, расколотая и даже дискриминационная для значительной части человечества). Употребляя само слово «цивилизация», такие авторы практически ставят знак равенства между цивилизационным и миросистемным (в духе Иммануэля Валлерстайна) подходами. А это в принципе исключает постановку вопроса о том, возможна ли деформация миросистемной динамики в результате наложения на нее цивилизационных ритмов, инородных ей по своей природе, характеризующих иные «цивилизации»¹. Разрабатывая названный вопрос, Цымбурский также говорит о возможности альтернативных моделей мирового развития. Одну из альтернатив может, по мнению Цымбуровского, предложить и российская цивилизация, незначительный исторический «возраст» которой позволяет надеяться на творческие свершения в будущем.

1.2. СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ХРОНОПОЛИТИКИ

Хронополитика в исходном, общем смысле — знание о временном измерении политической реальности. Она тесно связана с разрабатывающейся в современной политической науке категорией политического времени. Некоторые исследователи не проводят существенного различия между категориями политического времени и хронополитики — последняя является для них дисциплиной, изучающей политическое время, знанием о политическом времени. В настоящее время хронополитическое знание представлено несколькими концепциями, достаточно разнородными по своему содержанию и характеру. Уровень научной коммуникации между различными разработками в данной области остается весьма низким. Попытаемся представить имеющиеся концепции, наметить основные противоречия и предложить один из вариантов их снятия, выявить общие черты хронополитического знания и сформулировать обобщенное понимание хронополитики. Концепции будут излагаться, главным образом, в хронологической последовательности. Из-за молодости этой сферы исследований строгой преемственности и последовательности в разработке тем пока не сложилось.

Термин «хронополитика» одним из первых употребил американский социолог Джордж Уоллис. В опубликованной в 1971 году статье «Хронополитика: воздействие временных перспектив на динамику изменения» он отмечает, что

¹ Цымбурский В.Л. Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над глобусом XXI века) // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 3. С. 173.

термин «хронополитика» используется, чтобы подчеркнуть связь между политическим поведением индивидов и групп и их восприятием времени (*time-perspective*)». В статье Уоллиса показано, каким образом определенные взгляды на природу изменения приводят к формированию хронополитики, связывающей принятие политических решений с временной перспективой. «Период перехода» может рассматриваться в качестве времени, в течение которого принимаются решения, определяющие эпоху, приводящие общество к одной из альтернатив будущего. В рамках стадий, которые разделяет транзит, последовательность событий предопределена. Когда этот ряд событий, который Уоллис называет «социальным трендом», установлен, хронополитика выступает как деятельность, направленная на поддержание данного направления или его мягкую корректировку¹.

В широком научно-публицистическом обороте термин «хронополитика» появился после публикации ряда работ французского философа и публициста Поля Вирилио — «Кризис измерений» (1983), «Критическое пространство» (1984), «Уязвимость территории» (1993) и др. Основу концепции хронополитики П. Вирилио составляет подчеркивание роли скорости в современных социальных процессах, превращения скорости в основу современных военных и политических практик. Поэтому теория Вирилио получила название «дромологической», то есть направленной на изучение скорости. Философ обращает особое внимание на роль новых технологий в трансформации современного общества и политических структур. Технологии создали эффект сжатия мирового пространства-времени, основным политическим следствием которого является снижение роли пространства и повышение влияния фактора времени в политике.

Вирилио пишет о растворении трех измерений времени «в потоке ускорения — уже не ускорения Истории (как и локальное время, потерявшей конкретные основания), но ускорения самой реальности, где мировое время обретает новый смысл». «Географические пространства и расстояния, которые еще вчера обусловливали политику отдельных наций и их коалиций и чье значение ясно показала «холодная война» в эпоху противостояния блоков Восток/Запад, исчезают и обесцениваются в мире ускорения и мгновенных взаимодействий... континенты утрачивают географические очертания и дают появиться телеконтиненту практически мгновенной коммуникации»². Вирилио рисует достаточно мрачную хронополитическую перспективу: «На месте реального города, занимавшего определенное пространственное положение... появляется город виртуальный, метаполис, лишенный своей территории и готовый стать юрисдикцией откровенно тоталитарной или даже глобалитарной метрополитики».

Вирилио отмечает следующую хронополитическую закономерность: «по мере чакопления богатств возникает и растет ускорение, без которого попросту

¹ Wallis G. Chronopolitics: The Impact of Time Perspectives on the Dynamics of Change // Social Forces, 1970. № 40. P. 107.

² Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002.

невозможна централизация сменяющих друг друга режимов. При феодализме и монархии, а позднее и в национальном государстве увеличение скорости транспортных средств и развитие связи упрощало управление разбросанным по территории населением¹. Вирилио формирует образ глубокой политической трансформации, происходящей в постсовременном мире: «Понятие территориального соседства (*continguité*) наций устаревает, и ему на смену приходит неразделимость (*continuité*) видимого и слышимого, а политические границы реального пространства преобразуются в хронополитические деления реального времени»². Таким образом, политическая постсовременность характеризуется «закатом государства-нации и негласным установлением новых политических образований с помощью масс-медиа и сетевых мульти-медиа, отражающих на своих экранах ускорение Времени, «реального времени» коммуникаций, выполняющих релятивистское сжатие «реального пространства Земли» путем искусственного временного сжатия обменов изображениями мира»³. В рассуждениях Вирилио обратим также внимание на противопоставление хронополитики и geopolitiki — соотношение этих областей знания кажется важным вопросом, который будет рассмотрен в дальнейшем.

Среди зарубежных исследователей-международников первым понятие «хронополитика» использовал в своих работах Дж. Модельски, автор теории «длинных циклов» в глобальной политике, отражающих закономерность смены явлений в мировой политике в рамках четырех фаз. Первой фазе соответствует глобальный конфликт (1), завершающийся приобретением лидерства в мировой политике державой, способной оптимальным образом разрешить существующие социальные, экономические и культурные противоречия в мире; обозначением периода такого лидерства (2), который сменяется фазой делегитимации (3); появлением качественно новой проблематики мирового развития, а также возвышением держав, претендующих на лидирующие позиции и формулирующих новые вызовы (Challenger); затем наступает фаза деконцентрации лидерства (4), распада инфраструктуры, поддерживающей гегемонию сверхдержавы во всех сферах жизнедеятельности глобального сообщества, переходящая в новый «макроконфликт» (1).

В новейших разработках Модельски длинные циклы такого рода помещаются в более масштабные циклы «глобальной политической эволюции». Пятисотлетнему периоду борьбы за лидерство в системе государств эпохи модерна (1500–2000) предшествует период конкуренции форм имперской организации, высшей из которых стала Монгольская империя. Современную же форму осуществления глобальной власти через «естественный отбор» гегемона и его самоутверждение сменит, как полагает Модельски, глобальная демократическая федерация, где выбор наиболее приемлемых решений будет осуществляться на

¹ Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002. С. 16.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 92.

основе общепланетарных плебисцитарных процедур. В ближайшее время, считает исследователь, мы станем свидетелями переходного периода, на протяжении которого нынешний лидер (очевидно, США) будет опекать формирующееся глобальное демократическое сообщество. В основе понимания Дж. Модельски глобальной политической изменчивости лежит эволюционная парадигма: политические трансформации имеют место как ответ на критические ситуации, связанные с назреванием определенных глобальных проблем. В результате возникают более адаптированные формы.

Концепция хронополитики, разработанная Дж. Модельски, тесно связана с его теорией. «Изучение длинных циклов, — пишет Модельски, — это изучение ритма глобальной политики. Прежде всего, оно имеет отношение к временному измерению политического процесса и степени, в которой этот процесс изменяется во времени. Так как оно сосредоточено на времени, это изучение принадлежит полю, которое может быть названо «хронополитикой» (*chronopolitics*), но поскольку в первую очередь оно имеет дело с крупномасштабными системами, полным названием может быть «хрономакрополитика» (изучение ритмов крупномасштабных политических систем). Основная аллюзия в данном случае — хронобиология, где в последние годы были предприняты успешные исследования суточных и других ритмов¹. В этом определении отметим, что хронополитика понимается именно как знание, но не как специфическая практика. В более позднем определении праксеологическое понимание уже преобладает: «Хронобиология — это изучение биологических часов, а хронотерапия — отрасль медицины, которая занимается приведением лечения в соответствие с биологическими часами пациента. Мы можем рассматривать «хронополитику» как проведение политики, соответствующей временам календаря глобальной политики².

Можно говорить о том, что Модельски сформировал не только теорию глобальной политической динамики, но и концепцию мирового лидерства, возможно, отразившую основу стратегии США на мировой арене в последние десятилетия XX века. Лидерство, в противовес гегемонии, понимается Модельски как «ответ на спрос» (*demand*), тогда как гегемония оказывается просто «предложением» (*supply*). Это проявляется прежде всего в том, что лидер предлагает мировому сообществу оптимальные способы решения ключевых на данном этапе развития глобального общества макросоциальных проблем. Данный процесс интерпретируется Модельски в терминах теории эволюции: например, «выбор» лидера в мировой политической системе происходит аналогично биологическому отбору. Условиями выхода той или иной державы на лидирующую позиции в глобальной политике, следуя Модельски, оказываются: военно-стратегические

¹ Modelska G. The Study of Long Cycles // Exploring Long Cycles / Ed. by G. Modelska. London, 1987. P. 1–2.

² Modelska G. Time, Calendars and International Relations: Evolution of Global Politics in the 21st Century. Paper presented at the 37th annual convention of the International Studies Association in San Diego. April 16–20, 1996. <http://faculty.washington.edu/modelska/>

возможности глобального охвата (последние 500 лет – военно-морские силы), передовая экономика, а также, что представляется особенно важным для политического анализа, открытость общества и ответственность, реагиваемость государства, претендующего на лидирующие позиции, по отношению к глобальным проблемам. Под глобальными проблемами Модельски понимает крупные угрозы глобальной безопасности, общие проблемы организации глобальной политической системы. Глобальные проблемы, в понимании Модельски, можно классифицировать как негативные или позитивные (угрозы или возможности), возникающие, собственно, в процессе функционирования глобальной политики или связанные с более широким контекстом, например экономические. Среди «проблем», определяемых таким образом, Модельски называет, в частности, географические открытия, промышленную и информационную революции.

Оставив без комментариев первые два условия, за исключением того, что, как и Вирилио, Модельски придает большое значение военно-политическим аспектам в глобальных изменениях, обратимся к последним двум, непосредственно политическим. Хронополитическая стратегия приобретения лидерства должна быть основана на понимании глобальных проблем; если подробнее рассмотреть концепцию Модельски, то реагиваемость по отношению к таким проблемам зависит от открытости общества. Эта открытость создает оптимальные условия для возникновения и оформления коалиций на национальном и глобальном уровнях. Делая регулярным и стабильным процесс принятия решений, они способствуют росту различных стратегий сотрудничества; поддерживая диалог и защищая права человека, формируют среду для появления разнообразия, а следовательно – творчества и инноваций¹. В своих исследованиях Модельски широко использует терминологический аппарат эволюционной теории. Поэтому уместна следующая аналогия: выбор лидера соответствует биологическому отбору; переход от смены лидеров к демократическим процедурам глобального управления означает появление нового вида политической организации – глобальной федерации, ставшей результатом закрепления признаков, присущих лидерам, и вытеснения более слабых видов (имперских, авторитарных, гегемонистских) форм политической организации.

В рамках мировых и международных исследований проблема времени изучалась еще рядом отечественных и зарубежных ученых. В повестку дня теории международных отношений в нашей стране эта проблема была включена раньше, чем стала предметом специальных политологических исследований. Здесь можно отметить статьи В. Глаголева² и С. Моргачева³. Из современных россий-

¹ См.: Modelska G. From Leadership to Organization: The Evolution of Global Politics // Journal of World Systems Research. 1995. Vol. 1. № 7.

² Глаголев В.С. Современные представления о социальном пространственно-временном континууме в анализе современного международного процесса // В.И. Ленин и диалектика современных международных отношений. М., 1982. С. 83–91.

³ Моргачев С. Пространство, время и поле в мировой политике // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 7.

ских исследователей мировой политики и международных отношений значительное внимание проблеме времени уделяют, в частности, Н.А. Косолапов, Ю.М. Павлов, Ю.В. Ирхин. Последний определяет сферу мировой политики как «поле мировых политических отношений, единое мировое политико-временное пространство, на протяжении которого или в составных частях которого развертываются основные международные политические действия»¹, рассматривает категории политического пространства и времени в тесной связи с процессом глобализации². Н. Косолапов характеризует время как одну из констант, наряду с пространством и процессом, «под определяющим влиянием которых складываются и функционируют международные отношения»³. Он отмечает, что в мировой политике и международных отношениях сходятся процессы различной временной природы (протяженности) — события исторически частные, охватывающие политические действия ради сиюминутной выгоды, более продолжительные процессы, связанные, например, с ростом или уменьшением экономического, политического или военного потенциала государств и общественных систем, и, наконец, наиболее долговременные процессы становления/упадка культур, цивилизаций, смены социально-экономических формаций.

Косолапов также связывает время со сменой состояний и продолжительностью существования систем. Кроме того, он определяет «модуль продолжительности» — своего рода «единицу времени» мировой политики и международных отношений, принимая за нее период в 30 лет (срок смены поколений)⁴. Для Ю.М. Павлова, рассматривающего мировую политику с точки зрения теории мирового политического процесса, основой изучения разрабатываемой проблемы выступает выделение диахронического аспекта времени, позволяющего дать качественную характеристику уровня развития субъекта политического процесса — государства, социально-исторической общности. Значительное внимание Павлов уделяет циклическим формам времени в мировом политическом процессе; отдельно он затрагивает вопрос будущего национальных государств как один из немаловажных аспектов изучения мирового политического времени⁵.

Из зарубежных исследователей значительное внимание проблеме времени в мировой политике уделяет также Дж. Рагги. Этот ученый в рамках теории мировой политики развивает методологию исследования исторического времени, предложенную школой «Анналов» — Жаком Ле Гоффом и Фернаном Броделем. В основе его подхода лежит проведенное Броделем разделение событийного

¹ Ирхин Ю.В. Теоретические основы и тенденции мировой политики в эпоху глобализма // Авторские программы учебных курсов по политологии / Под общ. ред. Ирхина Ю.В. М., 2001. С. 249.

² Там же. С. 255–256.

³ Косолапов Н. Явление международных отношений: историческая эволюция объекта анализа // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 4. С. 65.

⁴ См.: Там же. С. 67–68.

⁵ Павлов Ю.М. Тематика курса «Мировой политический процесс» // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 6. С. 70.

времени и времени большой длительности. «Значимость этого подхода для изучения международной трансформации, — пишет Рагги, — состоит в следующем: вряд ли можно полностью постигнуть свои возможности, если рассматривать время только в качестве последовательности событий, как в большинстве теорий международных отношений, вместо того, чтобы выделять различные формы темпоральности, которые вводят в рассмотрение более широкий контекст «настоящего»¹.

Среди отечественных политологов одним из первых на термин «хронополитика» обратил внимание С.И. Семенов. В своей статье он отмечает: «Понятие «хронополитика» употребляется крайне редко и в России, и за рубежом. Как самостоятельная дисциплина не изучается. В самом сжатом и общедоступном виде поясню, что по аналогии с geopolитикой, которая изучает пространственное измерение политики, хронополитика занимается ее временными измерением. Иначе говоря, хронополитика — это наука о временном измерении политической деятельности и свойствах политического времени как составной части исторического времени»². У Семенова теоретические и прикладные аспекты хронополитики тесно связаны, хронополитика понимается одновременно и как знание о политическом времени, и как особая деятельность. Это выводится из развиваемой Семеновым концепции политического времени. «Политическое время, по его мнению, — атрибут согласованного политического действия (причем не малых, наподобии семьи, а средних и больших групп). Поэтому оно не только событийно, но и проективно, не столько устремлено в прошлое, сколько сосредоточено на настоящем и обращено в будущее»³. Семенов также указывает на роль хронополитических решений и методов прежде всего в преодолении кризисных ситуаций на политическом уровне. В современных условиях сутью критической ситуации, полагает этот исследователь, является проблема приспособления политических систем к интенсивным социальным изменениям, синхронизация различных сторон жизнедеятельности сегодняшнего динамично развивающегося общества.

Разработанная концепция хронополитики принадлежит М.В. Ильину. В монографии «Очерки хронополитической типологии» он пишет: «В самом общем и, естественно, огрубленном смысле можно определить хронополитику как временной срез, темпоральность политической реальности»⁴. Ниже Ильин уточняет, что «хронополитика составляет лишь один из масштабов темпоральности наряду с повседневностью и историей». «Кроме того, — отмечает он, — у нее есть не только темпоральные, но институциональные и структурно-функциональные

¹ Ruggie J.G. Constructing the World Polity: Essays on International Institutionalization. L., N.Y., 1998. P. 25–26.

² Семенов С. И. Хронополитические аспекты кризисов культуры // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 146.

³ Там же. С. 156.

⁴ Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. Ч. I. Основания хронополитики. М., 1995. С. 8.

циональные аспекты»¹. «В основе различия размерности времени, — пишет Ильин о своей концепции масштабов темпоральности, — лежит... вполне наглядное и эмпирически достоверное ощущение того, что повседневное восприятие политической реальности как процесса по самой своей природе качественно отличается и от исторического представления о ней (интерпретации) как череды политических изменений, а уж тем более от обобщенной сущности этого движения — развития и «развитости» (уровней сложности) соответствующей политической реальности»². Структурно-функциональное и институциональное понимание хронополитики у М.В. Ильина заключается в том, что под хронополитикой понимается качественное изменение политических систем, совершенствование функционально-ролевых и институциональных механизмов коллективного целедостижения — основы политики. Причиной такого рода качественного изменения является, с одной стороны, исчерпание потенциала развития в рамках данной формы, накопление критического уровня организации, максимальной плотности взаимодействия в рамках данной политической системы, а с другой — реакция на критическое изменение средовых условий. Во втором аспекте важным представляется понятие «хронополитической паузы» — это время, когда политическая система вырабатывает антикризисные стратегии, которые, в случае успеха, институционализируются и закрепляются в структуре политической системы, повышая степень ее сложности и адаптированности.

Ильин также указывает в качестве практически значимого результата разработки эволюционной типологии политических систем на возможность формирования стратегий хронополитического развития. Говоря о политическом развитии России в современных условиях, Ильин предлагает следующие хронополитические рецепты. «Наиболее рациональна в условиях кризиса стратегия повышения разнообразия (гетерогенности) политических институтов и процессов. Фактически это даже не одна стратегия, а целый класс усложняющих стратегий, однако их использование возможно только на фазе выхода из кризиса. Представляется весьма вероятным, что этой фазы наша политическая система еще не достигла. Реальное же значение уже сейчас получает прагматическая стратегия противодействия деградации политической системы и сохранения потенциала разнообразия. Такая стратегия прямо противоположна слепому реагированию на вызовы меняющейся политической ситуации. Речь идет о сохранении и консолидации потенциала всех элементов и структур политической системы вне зависимости от того, насколько они кажутся нам сегодня важными или незначительными, перспективными или вредными»³.

¹ Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. Ч. I. Основания хронополитики. М., 1995. С. 8.

² Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами повседневности и истории // Полис. 1995. № 1. С. 56.

³ Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. Ч. II. Хронополитическая перспектива. Ч. III. Тенденции и перспективы отечественной хронополитики. М., 1995. С. 100.

Исследования в области хронополитики предприняты также в рамках серии «Теоретическая политология: мир России и Россия в мире». Один из авторов серии В.В. Ильин употребляет термин «политическая хроногеометрия». Под этим титулом в отношении «хроно» он рассматривает ряд теоретических сюжетов — перцептуальные аспекты времени (коллективные инуиции бесперспективного, безвременного, депрессивного, мобилизационного, акселерационного времени); общефилософские подходы к проблеме «формы времени» (прогрессизм, финализм, циклизм). В качестве главных следствий разработки «политической хронометрии» прагматического свойства Ильин называет, во-первых, порочность революций как социальных технологий, а во-вторых, необходимость синхронизации и координации политico-управленческой деятельности со специфической экономико-технологической динамикой¹. В.В. Ильину принадлежит также одно из определений хронополитики. «Хронополитика, — в соответствии с его формулировкой, — анализирует закономерные последовательности в динамике политоморфологических рельефов — формы, периоды, циклы, цепи, волны активизации и пассивизации обмена политической деятельностью, воспроизводства, перемещения политического вещества, кратократических движений, стремлений и т.п.»².

А.С. Панарин в разделе цитируемой монографии, озаглавленном «Хронополитика», рассматривает два блока проблем: 1) плюрализм типов социального времени и 2) распределение общественного бюджета времени. В первом основное внимание уделяется проблеме множественности «времен» в современном обществе — эти времена соответствуют динамике развития различных социальных групп. Кроме того, проводится различие линейного и циклического типов политического времени. Первый, по мнению Панарина, характеризует развитие отечественной политической системы — российская история дает ряд подтверждений инверсивности социально-политических процессов. Второй типичен для западных политических систем и отражает кумулятивность процесса развития политических институтов Запада.

Второй блок хронополитических представлений, развиваемых Панарином, охватывает проблемы регулирования времени в современных обществах. Здесь исследователь выходит за пределы привычной для социологов проблематики общественных бюджетов времени, соотношения времени труда и досуга. Наибольший интерес представляют взгляды Панарина на перцептуальные аспекты социального времени, восприятие времени различными социальными группами. В частности, революционные изменения он связывает с эсхатологическим восприятием времени группами-социальными аутсайдерами. Лидирующие группы, напротив, живут в стабильном и предсказуемом времени. Особый динанизм присущ группам, занимающим срединное положение в социальной

¹ См.: Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994. С. 64–76.

² Ильин В.В. Политология. М., 1999. С. 7.

структуре: их развитие, целью которого является сокращение отставания от групп-лидеров, является наиболее ускоренным¹.

В более поздних работах А.С. Панарин развивает свои хронополитические представления применительно к глобальной политической динамике. Здесь мы также видим лидеров и аутсайдеров, но уже в рамках структуры глобального общества. Первые являются носителями концепций устойчивого, стабильного, преемственного времени, доктрины «конца истории»: они заинтересованы в сохранении своего статуса. Вторые связывают свои ожидания с историко-политической инверсией, переворотом, который приведет к радикальному изменению сложившейся ситуации. Разрабатываемый Панариным проект «глобального политического прогнозирования» близок ко вторым: он осуществляет нормативный прогноз альтернативного ответа вызовам современной глобальной системы, связывая надежды с тем, что аутсайдеры смогут выйти из состояния пассивных объектов истории и стать мобилизованными субъектами. Это позволит перераспределить социально-историческое время в их пользу. Свою концепцию политического прогнозирования Панарин относит к жанру хронополитики, которую, в свою очередь, связывает с «властным проектированием, распределением и перераспределением общественного времени»².

В.Л. Цымбурский определяет хронополитику как «изучение неоднородности исторического времени, меняющихся в нем конъюнктур и тенденций с точки зрения их использования для постановки долгосрочных политических целей»³. Хронополитические исследования Цымбурского основываются на концепциях цивилизационной динамики А.Дж. Тойнби и О. Шпенглера, а также историософских взглядах Леонтьева, Соловьева и др. Цымбурский проблематизирует перспективы становления единой планетарной цивилизации, анализируя возможности историко-политического творчества незападных цивилизаций. «Самое время задуматься, — пишет он, — о допустимости внутри современной ойкумены и таких динамик, которые, не растворяясь в самодвижении выстроенной западом «планетарной цивилизации», могли бы — именно в силу сочетания эффектов гетерогенности и глобального резонанса — породить в истории XXI века не просто непредсказуемые сейчас ситуации, а целые geopolитические и хронополитические — плато непредсказуемости»⁴. Эти явления могут быть обусловлены, по логике Цымбурского, различным историческим возрастом цивилизаций. Так, из «ныне живущих» цивилизационных общностей «молоды» российская и латиноамериканская цивилизации, и именно у них есть шанс существенно изменить ход глобализации в ее сегодняшнем понимании. Способы или условия реализации этого шанса, однако, не эксплицированы — возможно,

¹ См. Ильин В.В., Панарин А.С. Цит. соч. С. 81–109.

² Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000. С. 15–16.

³ Цымбурский В.Л. Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над глобусом XXI века) // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 3. С. 173.

⁴ Там же. С. 174.

как у и Шпенглера, цивилизационная динамика в понимании Цымбурского обусловлена исключительно судьбой самой цивилизации — «лишь из праучества тоски и его прояснения в идее судьбы открывается нам теперь *проблема времени*»¹.

А.Л. Алюшиным разработан первый в России специализированный курс по проблемам хронополитики. В нем автор последовательно рассматривает феномен политического времени, специфику политического времени и его отличие от физического, биологического и социального времени. Также внимание уделяется соотношению политического времени и политического пространства. Рассматривается значение хронополитики с точки зрения нужд принятия политических решений (планирования), а также прогнозирования. Алюшин исследует представления о времени в различные исторические эпохи и приходит к выводу о том, что подчиненность времени, ориентация на будущее и кумулятивность времени выступают как основные характеристики восприятия времени в современных обществах. Центральный раздел курса посвящен изложению проблем и возможностей политической ритмологии — исследования циклов политических процессов. Значительный интерес вызывают разделы курса, посвященные политизации исторического наследия. Хронополитика в рамках курса также понимается как особый раздел государственной политики, синхронизация функционирования различных сфер социальной жизни. Особо важным для нас видится оценка Алюшиным цивилизаций, государств, народов как «самостоятельных темпомиров», ставящая проблему глобального политического времени в его соотношении с локальным. В итоге автор предлагает взгляд на хронополитическое развитие как «накопление общечеловеческого политического опыта, заполнение ячеек матрицы всех возможных норм политического общежития»².

Первой попыткой обобщения результатов хронополитических разработок является представленная в одном из номеров журнала «Политические исследования» рубрика «Пространство и время политики»³, объединившая несколько статей по гео- и хронополитической проблематике. Надо отметить, что авторы вошедших в рубрику статей в основном рассматривали не столько «время политики», сколько более широкий круг вопросов модернизации, макросоциальной динамики и общественного развития в целом. Тем не менее эта публикация позволяет охарактеризовать нынешний общий уровень разработанности хронополитической проблематики.

Так, статья В.Л. Цымбурского «Геополитика как мировидение и род занятий» с очевидностью обнаруживает сегодняшние проблемы хронополитики как складывающейся области знания: во-первых, обсуждается хронополитика исключительно в одной из «версий» (М.В. Ильина), во-вторых, с указанием

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. М., 1993. С. 277 и далее.

² Изучение хронополитики в отечественной высшей школе // Полис. 2005. № 3. С. 59.

³ См.: Полис. 1999. № 4. С. 4–41.

на «дочернее» положение по отношению к геополитике. В итоге наблюдается заведомое ограничение потенциала хронополитики. «Термин «хронополитика», — пишет Цымбурский, — возник по аналогии с «геополитикой», но отношения между их денотатами асимметричны: в отличие от геополитики хронополитика пока что существует как область академических исследований, а не как вид политического проектирования, так что сейчас она ближе по профилю не к геополитике, а к политической географии. Перефразируя определение «геополитики в строгом смысле», данное Ильиным и относящееся, на мой взгляд, к политической географии, я назвал бы хронополитику «знанием (учением) о существовании политий в качественно определенном времени»¹.

Две цитаты, которые представляются программными с точки зрения дальнейшего продвижения хронополитических исследований, существенно расходятся с характеристикой хронополитики, данной Цымбурским: 1. «Изучение длинных циклов — это изучение ритма глобальной политики. Прежде всего, оно имеет отношение к временному измерению политического процесса и степени, в которой этот процесс изменяется во времени. Так как оно сосредоточено на времени, это изучение принадлежит полю, которое может быть названо «хронополитикой» (*chronopolitics*), но поскольку в первую очередь оно имеет дело с крупномасштабными системами, полным названием может быть «хрономакрополитика» (изучение ритмов крупномасштабных политических систем). Основная аллюзия в данном случае — хронобиология, где в последние годы были предприняты успешные исследования суточных и других ритмов»², — утверждает Модельски. 2. А.С. Панарин связывает хронополитику именно с «властным проектированием, распределением и перераспределением общественного времени»³. В некоторых случаях имеет место радикальное противопоставление существующих хронополитических концепций. Так, М.В. Ильин пишет: «Мне представлялись поверхностными и редукционистскими предпринимавшиеся вслед за П. Вирлио попытки постмодернистского толка противопоставлять политику закрепления в пространстве политике использования скоростей и реального времени, более удачно именуемой дромологией и довольно неуклюже — хронополитикой»⁴.

Представляется, что противопоставление теоретического и прикладного понимания хронополитики лишено оснований. Концепция Цымбурского, акцентирующую это «противоречие», является фактически единственной, где хронополитика выступает лишь как «область академических исследований» (как мы видели, это связано с внутренней логикой концепции Цымбурского) — все

¹ Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. 1999. № 4. С. 26.

² Modelska G. The Study of Long Cycles // Exploring Long Cycles / Ed. by G. Modelska. L., 1987. P. 1–2.

³ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000. С. 16.

⁴ Ильин М.В. Глобализация политики и эволюция политических систем // Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени: Международный симпозиум, посвященный 110-летию со дня рождения Питирима Сорокина. М.—СПб., 1999. С. 210–224.

остальные авторы так или иначе обращают внимание на субъектно-деятельный характер политического времени, отраженный самим составом слова «хронополитика». Можно справедливо возразить, что тот или иной научный взгляд на хронополитику не позволяет ей пересечь границу «области академических исследований». Однако более справедливым было бы признать, что в этом вопросе отечественная политология отстает от современной мировой политической практики — хронополитика скорее пока существует именно как «род занятий» лидеров мирового политического процесса, элемент стратегического планирования во внешней политике которых давно занял центральное место. Так или иначе, практическая составляющая хронополитики, думается, будет постоянно нарастать в связи с углублением и развитием теоретических представлений на всех уровнях теории. Развиваемые ниже положения обосновывают выдвижение праксеологического понимания хронополитики на первый план современных и перспективных исследований в связи с особой ролью политической деятельности в переходные политические времена.

Другая проблема — выделение собственных измерений мира политического, разграничение хронополитики и, с одной стороны, метаистории, а с другой — общей теории модернизации. Такие ученые, как А.С. Панарин, В.Л. Цымбурский, С.И. Семенов в своих определениях хронополитики используют понятия «историческое время», «общественный бюджет времени». С более широким контекстом макросоциальной динамики связаны и рассуждения Вирилио, а также других исследователей. В упоминавшуюся рубрику в «Полисе», озаглавленную «Пространство и время политики», вошли статьи, анализирующие вопросы экономической динамики и общего социального развития. Все это позволяет согласиться с мнением М.В. Ильина, который сетует, что «эволюционная морфология политики остается... слабо дифференциированной от *метаистории* и *общей теории модернизации*, а это мешает выявлению собственно политической логики развития»¹.

Обозначенная проблема должна рассматриваться на основе различия концептуального и реального значения категории политического времени — это требует чисто аналитического выделения политической динамики в особый исследовательский план (концептуальное значение) и экспликации ее взаимодействия с другими социальными подсистемами (реальное значение). Концепция М.В. Ильина основывается на понимании политического времени в первом значении, что позволяет ему сконцентрироваться на «чистой» морфологии политики. Дальнейшее развитие его исследований в русле «геохронополитической парадигмы» обнаружило некоторые противоречия в разрабатываемом им подходе (см. ниже). Обсуждение вопроса о приоритете тех или иных сфер жизни общества, их базисно-надстроечная классификация в современных общественных науках является предметом дискуссий. В целом представляется

¹ Ильин М.В. Десять лет академической политологии — новые масштабы научного знания // Полис. 1999. № 6. С. 138.

конвенциональной идея косубстанциальности и исторической коэволюции различных подсистем общества.

Из современных хронополитических концепций такое понимание присуще парсонианской теории длинный циклов Дж. Модельски: в мировой системе экономическая, социетальная и культурная (pattern maintenance) подсистемы коэволюционируют. Валлерстайн называет идею различения политики, общества, культуры малопродуктивной и пропагандирует холистическое видение миросистемы. Другие исследователи, например Панарин, Василенко, полагают, что ритмы политического времени противопоставлены более глубоким и инертным социально-культурным темпоральным потокам. А.С. Панарин считает, что «наиболее динамично время политических преобразований, опережающих экономические преобразования, формирование институционально-управленческих систем, инфраструктуры»¹. «Правящие элиты, если им удается контролировать процесс, — пишет он, — стараются притормаживать политические перемены с тем, чтобы дать обществу и экономике как-то к ним адаптироваться. Медленнее всего течет время глубинных социокультурных процессов, связанных с изменениями архетипов национального сознания»². «Сравнивая социокультурное и политическое время цивилизаций, нельзя не заметить, что одни и те же события общественной жизни выглядят по-разному в этих двух временных матрицах. Жаркие дебаты в парламенте и падение кабинета, смена правительства, ротация политических элит — все эти события значительно влияют на политическое время и часто весьма незначительны для социокультурного измерения. Политическое время как бы «встроено» внутрь более крупного социокультурного времени»³, — отмечает И.А. Василенко.

Зарубежный исследователь П. Ласлэтт выделяет четыре типа изменений в зависимости от их темпа: 1) быстрые: политические, смена мод, изменения политических, социальных, интеллектуальных взглядов, военный переворот, восстание народа; 2) изменения средние по темпу событий: экономические, коммуникационные, технические, демографические, интеллектуальные, эстетические, институциональные; 3) медленные: конституционные изменения, нерелигиозные изменения в убеждениях, изменения в религии; 4) очень медленные нормативные изменения: изменения в производственных отношениях, изменения в социальной структуре⁴. Анализ позиции этих ученых позволяет поставить вопросы: почему, к примеру, институциональные изменения, отнесенные ко второму классу «средних по темпу», не могут быть политическими (изменение политических институтов); каковы основания не причислять к политическим

¹ Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994. С. 85.

² Там же.

³ Василенко И.А. Политическая глобалистика. М., 2000. С. 282.

⁴ См.: Laslett P. Social Structural Time. An Attempt at Classifying Types of Social Change by their Characteristic Paces // The Rythms of Society / Ed. By Young M., Schuller T. L., N.Y., 1988. P. 17–36. Обзор см.: Фомичев П.Н. Современные социологические теории социального времени: научно-аналитический обзор. М., 1993. С. 41–42.

«медленные» конституционные изменения? По какой причине политическим преобразованиям противопоставляется «формирование институционально-управленческих систем», которое также является политическим процессом? Отсутствие обоснованных ответов на эти вопросы позволяет утверждать, что различие временных характеристик функционирования сфер жизни общества по их темпам не вполне корректно. Что же определяет качественную специфику политического времени?

В данной работе обосновывается, что политическое время и хронополитика приобретают непосредственное, реальное значение в критические периоды динамики социальных систем. В эти периоды политическое время как бы связывает время историческое, представляя собой период выработки стратегий выхода из критической ситуации, поиска новых путей развития. В иные времена хронополитика служит, скорее, искусством приспособления политики к макросоциальной динамике. Как пишет Василенко, «искусство политики как раз и состоит в том, чтобы заставить социокультурные традиции служить политическим целям»¹.

Наконец, существует третья проблема, которая, на наш взгляд, препятствует целостному восприятию хронополитики научным сообществом. Это противоречивость в определении предпосылок, генезиса хронополитических исследований. Решению данной проблемы посвящен предыдущий раздел.

Переходя к общей характеристике принципов и функций хронополитики, прежде всего отметим, что разработка категории политического времени отражает процесс развития политологии как науки. Это проявляется, в частности, в том, что данная категория включает в политическое исследование необходимость познания фундаментально глубоких предпосылок политических явлений и их максимально долгосрочных последствий. Ряд ученых отмечает необходимость перейти от изучения дня сегодняшнего к более широкой перспективе политического исследования. «В последние два-три десятилетия уходящего века мировая политологическая и обществоведческая мысль все активнее «возвращается» в сферу научного анализа крупномасштабные данные, связанные, например, с пространственным (как правило, региональным) взаимодействием институтов и практик, с их временной динамикой»², — отмечает, в частности, М.В. Ильин. Выше также говорилось о развитии исследований Дж. Модельски: от анализа современной (последние 500 лет) истории глобальной политики к изучению более долговременного процесса глобальной политической эволюции. С другой стороны, эта категория может интерпретироваться как отражение конечности времени существования определенных политических институтов и ограниченности протекания политических процессов. То есть современное научное понимание политического времени исключает

¹ Василенко И.А. Цит. соч.

² Ильин М.В. Десять лет академической политологии – новые масштабы научного знания // Полис. 1999. № 6. С. 137.

его абсолютизацию, трактовку времени как вместилища всеобщих, универсальных, вечных законов политического развития. Современные концепции политического времени стремятся расположиться между двумя полюсами исследовательского кругозора — сиюминутностью и вечностью. Так, Модельски равным образом критикует игнорирование проблемы времени как со стороны политиков, озабоченных лишь проблемами дня сегодняшнего, получением краткосрочных выгод, так и теоретиков, занятых «фанатичным поиском всеобщих теорий»¹.

Во-вторых, введение в науку категории «политическое время» представляет собой попытку освободиться в исследовании политической динамики от нормативного, оценочного содержания. Традиционные понятия политической науки, такие, как политическое развитие, необходимо связаны с определенной перспективой в понимании политической изменчивости, подразумевающей наличие низших и высших форм политической организации и трансформацию политических институтов во имя приближения к «высшим» (наличным или идеально конструируемым) образцам. Именно с различными разновидностями такой перспективы связаны принятые понятия традиционной политологии, отражающие динамику политических институтов и процессов — реформа, революция, эволюция, усложнение, модернизация. В привычном смысле они отражают либо исторически ограниченное знание об изменчивости западных политических институтов и волю к приданию этому опыту всемирно-исторического значения, либо интенцию политически организованных социальных групп к приобретению власти.

Хронополитика же представляет собой иное, по сравнению с этими понятиями, видение политической изменчивости, а также возможности действия, основанного на познании качественной временной определенности политического процесса. Ключевым для понимания современной хронополитики, как следует из описанных выше концепций, является выделение критических периодов в развитии социальных и политических систем. Кризисные или переходные периоды вызываются появлением внутренних или внешних противоречий, проблем, связанных с функционированием и развитием политических систем самих по себе и в средовом окружении. Именно эти моменты играют главную роль в изменчивости политических систем. Кроме того, что это важно с практической точки зрения, такие времена наиболее благоприятны для политического творчества, конструктивной деятельности политических субъектов, создающих стратегии и институты, позволяющие справиться с кризисом. Из этих постулатов следует также отрицание однозначной направленности политической изменчивости, проявляющееся в альтернативности и неопределенности политического развития.

¹ См.: Modelska G. Time, Calendars and International Relations: Evolution of Global Politics in the 21st Century. Paper presented at the 37th annual convention of the International Studies Association in San Diego. April 16–20, 1996. <http://faculty.washington.edu/modelska/>

Говоря об анализе и синтезе современных хронополитических концепций, отметим прежде всего, что их можно различать исходя из базовых смыслов политического: понимания политики как борьбы за власть (*politics*), искусства управления (*policy*), а также политической организации (*polity*). В соответствии с этим хронополитика может пониматься как: а) основание стратегии приобретения или удержания власти (*chronopolitics*); б) основа планов или управлений решений, учитывающих специфику протекания социальных процессов и проблемы координации темпов развития сфер жизнедеятельности общества и различных элементов социальных структур (*chronopoly*); в) знание и практика формирования, функционирования и трансформации политических систем (*chronopolity*). Далее целесообразно провести различие в соответствии с масштабами видения политической изменчивости. Очевидно, что для П. Вирилио хронополитика непосредственно связана с реальным временем, как отмечает М.В. Ильин, с «игрой на опережение политического противника». Модельски связывает хронополитику преимущественно с историческим, в терминах М.В. Ильина, диапазоном темпоральности. Последний же, в свою очередь, связывает хронополитику с метаисторическим темпоральным масштабом.

Исходя из того, что категория политического времени отражает целостность политической действительности, целесообразно не ограничивать понимание времени лишь большой длительностью, а хронополитического действия – лишь критическими периодами развития социальных и политических систем. Суть предлагаемой обобщенной концепции состоит в синтезе различных аналитических планов времени и соответствующих им общих моделей хронополитического действия.

Итак, хронополитика – это научная концепция политического времени как изменчивости политических отношений и форм их организации в результате совокупной деятельности субъектов политики. Хронополитику необходимо рассматривать также в качестве концепции деятельности, основанной на познании качественной временной определенности политического процесса. Хронополитика объединяет методологические принципы исследования политического времени, а также праксеологические (стратегические, управляющие политическим действием) принципы. К методологическим относится ряд принципов.

1. Принцип различия уровней (форм, диапазонов) темпоральности:
 - 1) реального (событийного) времени – «политической хроники»;
 - 2) ритмов, конъюнктур, присущих функционированию определенных политических систем – «политической хронографии» (примеры – циклы смены лидерства в мировом политическом процессе¹, структур баланса сил, чередования либеральной и консервативной фаз в концепции «циклов американской

¹ Это направление исследований является достаточно развитым и включает, помимо теории длинных циклов Модельски, концепции таких авторитетных исследователей, как Ф. Бродель, П. Кенпели, Дж. Голдстайн, И. Валлерстайн, Р. Гильдин и др.

истории» А. Шлэзингера, циклов реформ и контрреформ в истории России и др.¹);

3) времени, связанного с длительностью существования определенных политических систем, выделением качественно различных форм политической организации;

4) «вечного» времени, связанного с включением форм политической организации во всеобщую логику политического развития, выделение универсальных законов политики.

Методологическую основу исследования времени в хронополитике, а также систематизации современных хронополитических представлений составляет концепция уровней (форм, диапазонов) темпоральности. Впервые сформулированная историками школы «Анналов» эта концепция различала событийную историю и историю большой длительности. Если первая ориентировала внимание исследователя на атомарные факты и действия, то вторая фиксировала исторические структуры, неизменно существующие на протяжении определенного, обычно значительного, периода времени. Кроме этого, выделялась «конъюнктурная история», то есть циклически-волновые формы процессов, развертывавшихся в рамках исторических структур большой длительности². Важным в нашем контексте обстоятельством является то, что эта методология применялась и к исследованию мировых процессов³. Дальнейшая разработка проблемы форм темпоральности осуществлена в концепции «пространственно-временных реальностей» (TimeSpace realities) И. Валлерстайна⁴. Этот ученый показал значимость различия форм времени в контексте методологических проблем современных социальных наук в целом, назвав пространство и время «основой знания»⁵. Кроме того, Валлерстайн выделил еще одну форму темпоральности: трансформационное пространство-время, бифуркационный момент, период перехода от одной исторической системы и соответствующей «большой длительности» к другой. Этот концепт представляется особенно значимым в русле современной мировой политики, доминирующими характеристиками которой стали переходность, турбулентность, трансформация, бифуркация и т.п. Интерпретация концепции форм времени в политической науке дана М.В. Иль-

¹ Современную проблематику политической ритмологии, в общих чертах, охватывает следующая публикация: Пантин В.И., Лапкин В.В., Ильин М.В., Черняховский С.Ф., Ситников Г.Ю., Мощелков Е.Н., Межусев Б.В. Волны и циклы политического развития (Заочный круглый стол) // Полис. 2002, № 4.

² См. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977.

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992.

⁴ Валлерстайн И. Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем // Время мира: Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, geopolитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск, 2001.

⁵ См.: Wallerstein I. SpaceTime as the Basis of Knowledge // Keynote address at Convergencia: World Congress of Convergence. Cartagena, Colombia. May 31 – June 5. 1997. <http://binghamton.edu>.

иным в концепции Повседневности, Истории и Хроноса как «диапазонов темпоральности»¹.

По этому принципу можно систематизировать современные представления о политическом времени. Если взять, к примеру, приводившееся выше понимание хронополитики В.В. Ильина (см.: с. 37. — И.Ч.), то мы отнесем его к «политической хронографии».

2. Принцип дискретности времени.

Ключевым для современной хронополитики является выделение «переходного», кризисного времени, времени трансформации одной формы политической организации в другую. Принципиальная роль именно этого типа времени связана с проблематизацией в общественных науках и в современной науке в целом «вечного времени», связанного с понятиями линейности, непрерывности и детерминизма. А.С. Панарин описывает такое видение времени в одной из презумпций глобального политического прогнозирования: это «принцип дискретности пространства-времени, означающий то, что в точках бифуркации образуются предпосылки качественно новых состояний, дающих качественно иное будущее»². В концепции пространственно-временных реальностей Валлерстайна последнему принципу соответствует понятие «трансформационное пространство-время». «Это время, о котором теологи говорят *kairos* в противоположность формальному времени, что, как сказал П. Тиллих, было различием между качественным и количественным временем»³. С этим перекликается и определение, данное И.А. Василенко: «Политическое время — это время-*kairos*, стерегущее эпохальные моменты истории»⁴. Принципиально сходное понимание времени у М.В. Ильина схватывается концептом «хронополитическая пауза» (пауза сама по себе указывает на дискретность времени), которая разделяет Вызов (критическое изменение средовых условий политической системы) и Ответ («обновление структуры целедостижения, накопление ею хронополитической сложности»)⁵.

С названными методологическими принципами связано понимание хронополитики как деятельности:

- 1) оперативно-тактическое понимание — «дромология», политика скорости, игра на опережение политического противника в реальном времени;
- 2) тактико-стратегическое — основанное на понимании механизмов функционирования политической системы, флуктуаций; выстраивание политики в соответствии с требованиями политического времени, социальной конъюнктуры;
- 3) стратегически-трансформационное — основанное на диагностике бифуркационного периода в развитии той или иной политической системы; дея-

¹ Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии: проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Ч. 1—3. М., 1995.

² Панарин А.С. Цит. соч. С. 10.

³ Валлерстайн И. Цит. соч. С. 113.

⁴ Василенко И.А. Политическая глобалистика. М., 2000. С. 268.

⁵ См.: Ильин М.В. Геохронополитика — соединение времен и пространств // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 2. С. 32.

тельность, связанная с конструированием политических институтов, в рамках которых политический процесс вышел бы на новый этап развития.

Именно с последней концептуализацией хронополитики, на наш взгляд, связана сегодня актуальность этого знания. Хронополитика должна выступить в качестве основы понимания глобальной политической трансформации, стратегии созидания жизнеспособных форм политической организации на глобальном уровне.

В заключение отметим, что приоритеты хронополитических исследований не могут быть раз и навсегда заданы и диктуются конкретно-историческим контекстом. Как указывают В.И. Коваленко и Е.В. Голошумов, категория «политическое время» помогает «выявить определенность конкретно-исторических характеристик политической жизни, степень востребованности тех или иных форм и атрибутов социального бытия, парадигм научного знания»¹. Более широкое обоснование сегодняшних лейтмотивов хронополитики поэтому следует искать в историческом и научном контексте современных исследований политической динамики.

1.3. ХРОНОПОЛИТИКА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА

В настоящее время происходит оформление хронополитики в качестве самостоятельной области научного политологического знания. Основополагающие публикации и фундаментальные труды в данной сфере появились еще в конце 1980-х – 1990-е гг. Хронополитика возникает на фундаменте представлений о политическом изменении и развитии, накопленных в истории общественно-политической мысли. Ее статус как особого направления в современной политологии связан с комплексом изменений в современном политическом мире, развитием политической науки, дифференциацией и интеграцией знания. В отечественной науке разработка хронополитических концепций вдохновляется как общей проблематикой планетарных перемен, так и особым опытом политического развития России – не только в последние двадцать лет, но в предшествующие эпохи. Это обстоятельство служит интенсивному формированию сообщества исследователей хронополитики в нашей стране.

Сформировались предпосылки институционализации хронополитических исследований и обучения соответствующим знаниям. Хронополитичес-

¹ См.: Коваленко В.И. Голошумов Е.В. Национальная идея как научная проблема современной российской политологии // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1998. № 4. С. 18.

кие разработки осуществляются, в частности, в таких крупнейших научно-образовательных политологических центрах, как МГУ им. М.В. Ломоносова и МГИМО (У) МИД РФ. В Московском университете получила продолжение традиция, заложенная еще в середине 1990-х гг. серией публикаций «Теоретическая политология: мир России и Россия в мире», одной из главных тем которой стали проблемы политического пространства и времени. В 2004 г. актуальные проблемы хронополитики обсуждались в рамках крупнейшей научной конференции МГУ «Ломоносовские чтения» на секции социально-политических наук. В 2005 г. в ходе «Ломоносовских чтений» дискуссия по теме «Хронополитика и geopolitika в современной политической науке» прошла в формате отдельного «круглого стола». Было принято решение продолжить обсуждение проблем хронополитики на специальном научном семинаре. В МГИМО постоянный семинар по сравнительному изучению политических изменений действовал еще в конце 1990-х гг. Результатом его работы стала серия публикаций¹. Кафедрой сравнительной политологии факультета политологии МГИМО разработан ряд учебных дисциплин, связанных с проблематикой современного политического развития (М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев, Б.В. Межуев, В.М. Сергеев, В.И. Пантин и др.)². С 2003 г. на отделении политологии философского факультета МГУ читается курс «Хронополитика» (автор – А.Л. Алюшин), с 2005 г. – специальный курс «Хронополитика в исследованиях мировой политики»³. Создается научное сообщество исследователей хронополитики, членам которого служат и целевой номер «Полиса», и тематические рубрики в других номерах этого издания⁴.

Таким образом, вырисовываются формальные признаки становления хронополитики в качестве области знания, интегрированной в современную политологию как научную и академическую дисциплину. Вместе с тем предметно-содержательно это направление научных изысканий остается гетерогенным. Едва ли в условиях крайней плуральности современной политической науки его удастся унифицировать. Однако некоторые черты хронополитики как исследовательской программы можно наметить. Ранее были опубликованы статьи по общим методологическим основам хронополитических исследований, формирующим своего рода твердое ядро хронополитики⁵. За прошедшее время, как и предполагалось в этих статьях, интенсивное развитие получили хронополитические концепции глобальной политической динамики. В течение трех

¹ Мельвиль А.Ю. Внешние и внутренние факторы демократических переходов. М., 1999; Сергеев В.М. Посткоммунизм: от метафоры к теории. М., 1999; Ильин М.В. Идеальная модель, модернизации и пределы ее применимости. М., 2001 и др.

² Изучение хронополитики в отечественной высшей школе // Полис. 2005. № 3.

³ Там же.

⁴ Полис. 1999. № 4; 2003. № 6.

⁵ Пантин В.И., Лапкин В.В. 2002. Эволюционное усложнение политических систем: проблемы методологии и исследования // Полис. 2002. № 2; Чихарев И.А. Хронополитические исследования: опыт синтеза // Полис. 2003. № 6.

последних лет появилась серия публикаций, затрагивающих темпоральные аспекты изучения мировой политики. На мой взгляд, от исследований глобальной динамики конца 1990-х – начала 2000-х гг. последние работы отличаются особым вниманием к собственно политической составляющей планетарных преобразований. Кроме того, в последние годы произошла серия политических кризисов и транзитов на мировом уровне (Ирак) и в отдельных государствах (Грузия, Украина, Киргизия), начат ряд существенных реформ международных (ЕС, ООН) и внутрироссийских социальных и политических институтов. Эти события, находящиеся сегодня в центре внимания исследователей-политологов, имеют очевидное хронополитическое значение. На этом материале можно продолжить обсуждение параметров рассматриваемой области знания и обозначить некоторые положительные сдвиги в хронополитических исследованиях современных политических изменений.

Определяя хронополитику в качестве исследовательской программы, ее нужно выделить из весьма значительного массива разработок проблематики политических трансформаций самого различного свойства, которые имеют, в основном, фактологический характер (без генерализаций) или выполнены в рамках иных исследовательских программ. Далее, целесообразно провести различие трех «пластов» знания о времени и политике, образовавшихся к настоящему моменту.

1. Время политики. Наиболее интересующая хронополитику проблемная область, объединяющая вопросы специфики политической изменчивости. Исследователи данного поля озабочены внутренней логикой политических трансформаций и построением эволюционной морфологии политики. Особое место на этом уровне занимает политико-философское знание об онтологических свойствах политического времени-пространства и его соотношения с временами-пространствами иных форм движения материи.

2. Политика времени. Комплекс вопросов об управлении временем, соотношении социального развития и политических изменений. Анализ проблем создания новых институтов, выработки современных курсов и стратегий развития, инновационных и проактивных политтехнологий.

3. Время в политике. Самый крупный, разнородный и противоречивый слой, объединяющий штудии по вопросам социального, исторического, юридического времени, макросоциальной (в т.ч. – глобализационной) динамике, а также социально-психологические исследования восприятия времени, изучение роли истории и исторического сознания в политике (политические оценки исторических событий) и т.п.

Для развития хронополитического знания до последнего времени было принципиальным развитие первого уровня – разработка теоретико-методологических проблем исследования политической изменчивости. Чертой сегодняшнего этапа становления хронополитики становится построение теоретических моделей развития политических систем, прежде всего мировой политики. Вполне закономерно то, что они носят высоко абстрактный характер – философское

знание и позитивные элементы в хронополитике пока не разделены. Далее встает задача тестирования этих моделей: приращение хронополитического знания зависит от успешности вовлечения в орбиту «твёрдого ядра» хронополитики эмпирических исследований, значительный массив которых существует пока вне ее программы. Третий, «междисциплинарный» слой продолжает оставаться важнейшим источником хронополитических идей, хотя он все более отчетливо сепарируется. Примером могут служить исследования глобализационной динамики. Развитие второго пояса — перспективное направление хронополитических изысканий.

Стоит определить отношение хронополитики к иным программам исследования политических изменений. Наиболее острые вопросы касаются сопоставления хронополитики и теории модернизации. Крайние точки зрения представлены позициями М.В. Ильина и А.С. Панарина. Ильин настаивает на привитии хронополитики к теории модернизации, говоря о тесной связи этих научных программ¹. Первая презумпция его исследования современных проблем мирового развития гласит: «Развитие является сущностью модернизации и тем самым эпохи модерна»². Нынешний период мирового развития он трактует как предпосылку планетарного расширения доступа к достижениям модерна. Эта трактовка вызывает возражения, в частности, А.С. Панарина, который видит в современных процессах глобализации и демократизации самоисчерпание модерна³. Критическая точка зрения подтверждается событиями в мировой политике последних лет. Позиция Ильина не связана с оценкой отдельных событий и выделяет новое поколение модернизационных политик мирового развития как идеальный тип, утверждающийся через актуальные противоречия. Глубинное различие позиций — во взгляде на развитие. Устойчивое развитие можно понимать как обеспечение перманентных социальных инноваций или в качестве сбалансированного, возможно, даже сдерживаемого роста — многообразие русскоязычных трактовок и интерпретаций позволяет подобные разночтения. Однако второй смысл, выросший из осознания пределов роста и политических кризисов второй половины XX века, представляется более релевантным современной хронополитике. Таким образом, основная для хронополитики проблема систематизации развития⁴ может рассматриваться как противоположная исследовательской программе модернизации. При этом трудно не согласиться с вероятностью наступления «супермодерна». Это явление связано с пролонгацией неравномерного (а значит — неустойчивого) развития за счет использования информационно-политических технологий контроля. Хронополитика также может рассматриваться как более широкий научный проект исследования из-

¹ Ильин М.В. Идеальная модель модернизации и пределы ее применимости. М., 2001.

² Ильин М.В. Типы и разновидности политик мирового развития // Состязание старых и новых политик мирового развития: Международная интернет-конференция, 13 мая — 10 июня, 2003: Сб. материалов / Под ред. Е. Лобза и К. Костюка. М., 2003. С. 8.

³ Панарин А.С. 2000. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000. С. 165–196.

⁴ Ильин М.В. Цит. соч.

менчивости, чем теория модернизации. В частности, в терминах хронополитики, как видно из представленного анализа, можно определить саму сущность модерна.

Исследование в рамках хронополитики состояния постмодерна не предполагает принятия постмодернизма в качестве подхода к изучению изменений. Постмодернизм противопоставлен самому используемому здесь понятию исследовательской программы. При этом твердое ядро хронополитики включает в себя ряд постнеоклассических научных постулатов, а интеллектуальная среда постмодернизма несомненно служит важным источником развития хронополитических представлений. Достаточно сказать, что сам термин «хронополитика» популяризирован постмодернистом Полем Вирилио.

Мироисистемный подход и косвенно связанные с ним теории зависимого развития также представляют собой конкурирующую исследовательскую программу. Здесь главное отличие хронополитики – акцент на политическую (в отличие от экономической или общесоциальной) динамику, что в ряде случаев важно и для демаркации с теорией модернизации. Второе принципиальное расхождение – отрицание в хронополитике конструктивных возможностей радикальных (революционных) изменений. Вместе с тем можно найти ряд точек соприкосновения обсуждаемых программ – например, в плане глубины ретроспекции¹, широты пространственного масштаба и анализа мирового контекста развития², в методологических основах³.

Интерес представляет соотношение хронополитики и транзитологии. Из отмеченного отрицания возможностей радикальных перемен проистекает скептическая оценка «процедурных» факторов перехода. Однако конструктивный синтез структурного и процедурного подходов снимает эту проблему. С точки зрения методологии «воронки причинности» в идеальной ситуации вслед за процедурой транзита начинается постепенное выстраивание политической организации⁴. Если понимать этот процесс вне формальных рамок «миростроительства», то он вполне может быть истолкован как долгосрочная хронополитическая стратегия. Подобный синтетический подход к проблематике транзита и задачам консолидации обогащает хронополитику. На сегодня транзитология и хронополитика развиваются во взаимодействии. Близок хронополитике транзитологический акцент на внутренние, институциональные факторы политических изменений. Отказ от линейной логики при анализе политических пере-

¹ Frank A.G. Gills B.K. *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* L., N.Y., 1996.

² Therborn G. *Time, Space and Their Knowledge: The Times and Place of the World and Other Systems.* // *Journal of World Systems Research.* 2000. VI, 2. Summer/Fall.

³ Валлерстайн И. Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем // Время мира: Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск., 2001.

⁴ Мельвиль А.Ю. Методология «воронки причинности» как промежуточный синтез «структурды и агента» в анализе демократических транзитов // Полис. 2002. № 5.

ходов фактически делает транзитологию частью хронополитической научной программы. В этом смысле недавний опыт политических транзитов, а также соответствующая теоретическая рефлексия¹, свидетельствует о позитивном эмпирическом сдвиге проблем, то есть выступает показателем развития хронополитического знания. Противоречивость проявленных траекторий транзитов, гибридный характер трансформаций предвосхищен более ранними хронополитическими исследованиями.

Похожим образом развиваются отношения хронополитики с основными теоретическими школами международных исследований. Обнаружены расхождения хронополитики с «традиционными» подходами (реализм, неореализм, либерализм). В условиях развития и конвергенции этих теоретических направлений намечается их сближение с хронополитической платформой. Весьма близки хронополитике многие положения конструктивизма².

Твердое ядро хронополитики образуют, на мой взгляд, следующие концептуальные блоки.

1. Собственная изменчивость политики, отличная от времени социальных и природных (физических) процессов. Эта основополагающая для хронополитики презумпция подтверждается и современным опытом развития. В частности, в последнее время, при всей очевидности глобализационных сдвигов в экономике и социальной сфере, глобализация политики протекает весьма противоречиво и в ряде случаев вообще ставится под сомнение. Тем самым проблематичным становится и дальнейшее продвижение позитивных социальных изменений, так как возникающее глобальное социетальное и экономическое пространство остается нерегулируемым. Это не означает отказа от «коэволюционной» парадигмы исследования политической изменчивости. Однако, чтобы не раствориться в междисциплинарном синтезе, политическая наука, я полагаю, должна углублять представления об эндогенных факторах политической динамики.

2. Масштабность перемен в современном политическом мире и становление мировой политии. Это не синоним «глубоких изменений», «кардиальной трансформации», «поворотного момента» и т.п. метафор, широко использующихся публицистами в наши дни, да и во все предшествующие эпохи. Масштаб политических изменений — вполне определенное понятие, являющееся ключевым для хронополитики. Крупномасштабность перемен означает, что сегодня качественные изменения претерпевают формы политической организации, существовавшие на протяжении значительного хронологического промежутка. Так, большинство исследователей согласно в том, что глубокие изменения

¹ Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // Полис. 2001. № 4; Малинова О.Ю. Другой взгляд на «транзит», или О пользе и вреде повествовательных схем // Космополис. 2002/2003. № 2; Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 2.

² Ruggie J.G. 1998. Constructing the World Polity. L, N.Y., 1998.

претерпевают нации-государства и межгосударственная система, более или менее устойчиво существовавшие в течение последних нескольких столетий¹. Некоторые ученые, среди которых цитировавшийся выше Вирилио, говорят о ключевой роли мегаполисов в современном политическом процессе, что заставляет вернуться в эпоху раннего модерна, и еще глубже — в средневековье, в античность. Множество публикаций посвящено изучению роли нового империализма в мировой политике². Рассматривается явление неотрайбализма, возвращающее к архаической эпохе политического развития. Существует мнение, что изменения еще более значительны. В частности, сетевые концепции политики позволяют говорить о смене фундаментальных принципов политической организации — переходе от иерархической структуры к самоорганизации и горизонтальным связям³.

Имеет значение и пространственный масштаб перемен. Сегодняшние политические изменения затрагивают все регионы мира. Кроме того, есть основания говорить о сдвигах на всех уровнях мирового политического пространства⁴. Это открывает исследователям уникальный опыт наблюдения общепланетарной политической трансформации.

Таким образом, использование укрупненных масштабов времени-пространства позволяет различить новое качественное состояние политики — мировую политику (политию).

Существенные вызовы для хронополитики в плане исследования мировой политической трансформации обозначились в дискуссии о мировой политике, развернувшейся в последние годы.

Первая проблема касалась преодоления презентистского видения мировой политики, привнесенного либеральными по преимуществу ее интерпретациями. Характеристика мировой политики как «характеристики международных отношений на современном этапе их развития» была признана недостаточной и дополнилась указанием на масштаб и многоуровневость происходящей сегодня трансформации. Поставлен вопрос о реконструкции общей историко-политической (хронополитической) логики развития.

Другой вызов был сформулирован группой авторов журнала «Международные процессы». Поддерживая тезис о необходимости углубленного в пространственно-временном отношении изучения мировой политики, исследователи привели ряд контраргументов, касающихся оценки изменений в современ-

¹ Возникновение системы наций-государств обычно датируется 1648 г. Существует точки зрения, что современные нации возникли на рубеже XVIII—XIX столетий. Дж. Модельски считает первой нацией-государством Португалию конца XV века.

² Этой проблеме практически полностью посвящен, в частности, один из номеров журнала «Космополис» (№ 4 (6). Зима 2003/2004).

³ Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. № 3; Сергеев В.М., Сергеев К.В. Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети // Полис. 2003. № 3.

⁴ Мельвиц А.Ю. Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике // Полис. 2004. № 5.

ном политическом мире. В частности, был поставлен под сомнение факт «размягчения суверенитета», являющийся ключевым для верификации положения о масштабности перемен, общего для хронополитики и мировой политики. Прежде всего это касается роли США в современной мировой политике¹.

Допустимо ли говорить о снижении роли государства на фоне становления «однополярного мира»? Возможно несколько утвердительных «хронополитических» ответов на этот вопрос. Во-первых, можно обнаружить имперскую составляющую американской гегемонии. Во-вторых, лидерство США можно рассматривать как постгосударственный феномен, выражавший интересы мирового гражданского общества и опирающийся на демократическое «униполе». Обе трактовки, конечно, не вписываются в неореалистскую логику, для которой все государства, входящие в международную систему — «unit-like» (об этом свидетельствуют иные, приводимые А.Д. Богатуровым страны — Китай, Индия, Япония, Франция, Россия — этносуверенитеты, поставленные в один ряд с США в качестве примеров, отрицающих «отмирание государства»). Для хронополитики все названные случаи качественно различны и поэтому гегемония США может рассматриваться, в зависимости от позиции исследователя, как попытка применить старые имперские модели для организации мироуправления, либо в качестве новейшего постгосударственного кластера стратегий. Оба способа объяснения не только не опровергают, но подтверждают мысль о масштабности изменений в современном мире. При этом они не являются даже взаимоисключающими. Дж. Модельски пишет: «Сложная организация живых организмов спонтанно возникает в условиях существования ансамбля, т.е. большого набора подобных систем. Сложность определяется как возможность изменяться, то есть развиваться. В нашем случае соответствующим ансамблем является группа стратегий или политик прошлого, настоящего и будущего. Таким образом, с альтернативными стратегиями будут происходить эксперименты до тех пор, пока в благоприятных условиях, не появится полезная инновация»². Исходя из этого методологического постулата Модельски предполагает, что «глобальная организация будет сочетать лидерство, осуществляющее мировой державой в традиционной или иной форме, и элементы универсальной организации федералистского характера, менее зрелой, экспериментальной, претерпевающей эволюционные изменения»³. Как отмечает М.В. Ильин, одним из сильнейших допущений хронополитики является то, что «ни одна эпоха не отбрасывает предыдущей, но находит способы, чтобы усвоить то, что было создано ранее, и нарастить свои новации»⁴. К этому стоит добавить идею «взрыва исторического

¹ Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1.

² Modelska G. 1995. From Leadership to Organization: The Evolution of Global Politics // Journal of World Systems Research. 1995. Vol. 1. № 7.

³ Ibid.

⁴ Ильин М.В. Идеальная модель модернизации и пределы ее применимости. М., 2001. С. 8.

полиморфизма¹ в условиях политического кризиса, объясняющую примеры России, Индии, Китая и этносуверенитетов. Таким образом, «аномалия» пре-вращается в дополнительный довод в пользу исследовательской программы.

3. Ритмы изменений. Политическая ритмология является неотъемлемой составляющей современной хронополитики². Ее важнейшей чертой является выявление политической логики циклических изменений. Политическую ритмологию следует отличать от подходов, устанавливающих зависимость политических процессов от смены астрономических явлений (это могут быть факторы лунной или солнечной активности или даже астрологические конstellации), а также более наукообразных подходов, обосновывающих наличие периодичности или возрастной стадиальности в политических процессах без экспликации природы, сущности, причин такого рода темпоральных характеристик. Основное отличие хронополитической ритмологии от многочисленных проектов исследования циклов истории — рассмотрение волн политических изменений в рамках существующих форм политической организации. Так, можно говорить о коренном различии осцилляций, присущих модернизированным политическим системам, в рамках циклов демократических выборов осваивающих различные направления социального развития, и перераспределительных флюктуаций традиционных или переходных политических систем. Определенная ритмика присуща всем формам политической организации. Заслуживает внимания циклическая концепция самого процесса развития исторических форм политической организации, предложенная А.П. Кабаченко³.

В логике модели длинных циклов мировой политики Модельски первые десятилетия XXI века соответствуют фазе деконцентрации мирового порядка, поддерживаемого мировым лидером (США). Данной фазой предполагается появление «челленджеров» («противоцентров») глобального развития. Чертой современного отрезка глобального цикла является, на мой взгляд, существенное смягчение противоречий по сравнению с предшествующими эпохами. Альтернативы мирового развития, несмотря на очевидный конфликтный потенциал, взаимодействуют более конструктивно, четкие границы между фазой делегитимации (постановки проблем) и деконцентрации (формирования коалиций) стираются. Следующая фаза глобальной войны также, вероятно, будет сглажена и примет вид мирового информационного конфликта.

4. Темп политического процесса, вариабельность новых форм политической организации. Возникающие сегодня качественно новые политические системы имеют мало общего с привычными жесткими институциональными формами. Ю. Хабермас пишет: «Эта политика представляет собой диффузную картину — не статический образ многоуровневой политики в рамках какой-то

¹ Чепиков М.А. О видении глобализирующегося мира // МЭиМО. № 4. С. 53.

² См.: Волны и циклы политического развития (Зачетный круглый стол) // Полис. 2002. № 4.

³ Кабаченко А.П. Политический процесс и политическая система: источники саморазвития // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 3.

мировой организации, но динамический образ интерференций и взаимодействий между политическими процессами»¹. В исследованиях мировой политики утвердилось понятие «международных режимов» — это неоинституциональные организационные формы, обладающие значительной гибкостью. М.В. Ильин говорит о «гибких трансформах»².

Подобную эластичность, постоянные мутации можно связывать с агрессивным влиянием среды на современную политику. В условиях динамичного социального, экономического и технологического развития требуется большая подвижность политических систем для обеспечения поддержки перманентно возникающим инновационным начинаниям, успешное продвижение которых выступает ключевым фактором глобальной конкурентоспособности. Впрочем, политические системы могут сопротивляться такому влиянию. Именно поэтому в качестве первичных презумпций хронополитики названы политico-системные параметры. Приспособление политических систем к современным требованиям — задача управленческая. Динамизм современной политики воплощается как в организационных (транс)формах, так и в новых принципах политического менеджмента, основанного на постоянном мониторинге, event-анализе и создании событий.

4. Динамизм средовых изменений. Интенсивно изменяется соционприродная среда политики. Вторая половина XX века характеризовалась беспрецедентным возрастанием темпов социальных инноваций, гуманитарной мобильности, появлением феномена «синдрома человеческого развития»³. Этот же период времени отмечен выявлением кризисной экодинамики. Данные факторы оказывают влияние на современную политику и требуют управления развитием. Совершенно очевидно, что управление временем социального развития осуществлялось и раньше. Позволю себе предположить, что современное понимание политики развития отличается от предшествующих форм многосторонностью, конкурентностью и непрерывностью. Стратегии развития эпохи зрелого модерна, направленные на решение задач индустриального роста, породили целый ряд проблем, связанных с пролетаризацией и маргинализацией, и даже в наиболее сбалансированном варианте привели к отчуждению, социальному конфликту и экологическому кризису. Собственно, этот опыт позволил сформулировать принципы устойчивого развития. Многосторонность развития связана с участием всех социальных групп в выработке общего будущего, что обеспечивает и учет возможных негативных последствий планируемой активности. В качестве современных многосторонних подходов к управлению можно назвать страте-

¹ Хабермас Ю. Постнациональная констеляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 4–5. С. 149.

² Ильин М.В. Типы и разновидности политик мирового развития // Состязание старых и новых политик мирового развития: Международная интернат-конференция. 13 мая – 10 июня, 2003: Сб. материалов / Под ред. Е. Лобза и К. Костюка. М., 2003. С. 29.

³ См.: Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. Постмодерни или постмодернизация? Опыты концептуализации ценностных изменений // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2003. № 2.

гическую экологическую оценку (SEA), привлечение научного сообщества к выработке политических курсов. Конкурентность связана с глобальной средой современного развития. В условиях формирования единого рынка продвижение инноваций становится критическим условием состоятельности экономик, корпораций, бизнесов и личных карьер. Актуальным требованием политики дня сегодняшнего оказывается поддержка и наращивание инноваций. Кроме этого, конкурентность, будучи связанной с многосторонностью, формирует среду интенсивного создания нововведений. Наконец, непрерывность означает необходимость постоянного осуществления конструктивных изменений. Если раньше цели развития были конечны, а диаграмма управления — дискретной (модель фабрики Фуко: «расставлять в пространстве, упорядочивать во времени»), то сейчас развитие стремится к перманентности. Примером может служить переход от системы квалификаций к непрерывному образованию. Организационной формой, воплощающей принципы новой политики развития, является систематрансформер, или децентрализованная (мультиперспективная) полития с функциональными (неполитическими) властями (ср. ЕС).

5. Неравномерность развития. Все намеченные особенности современного развития проявляются в действительном политическом процессе весьма неоднозначно. Как отмечает М.В. Ильин, «конкретные политики и даже целые разновидности политик формируются на основе комбинации основных идеальных типов с добавлением ряда специфических историко-эволюционных или культурно-цивилизационных характеристик»¹. Это означает, что в современных процессах глобализации вполне закономерно проявляются черты колонизации и вестернизации. В последнее время были усовершенствованы технологии «внешнего управления» политическими транзитами, использующие эффекты социетальной, экономической, информационно-культурной глобализации. При этом действительной модернизации и демократизации транзитных обществ не происходит. Скорее, формируется стратегия «перманентной демократизации», зачастую прямо противоположная смыслу устойчивого развития. Это лишь усугубляет неравномерность развития, вызывая к жизни различные формы семейно-кланового, этнического, национального самосознания. В нынешних условиях такие элементы также оказываются высокомобильными и активно мигрируют, в свою очередь замедляя темпы политического развития. Противоположный смысл получает влияние средовых изменений на политику. Вместо формирования динамичных децентрализованных политий наблюдается выстраивание закрытых систем, озабоченных проблемами национальной безопасности. Это затрудняет современное развитие, хотя и является, по всей видимости, его необходимым условием. В русле сказанного можно интерпретировать и российскую внутриполитическую реформу.

¹ Ильин М.В. Типы и разновидности политик мирового развития // Состязание старых и новых политик мирового развития: Международная интернет-конференция. 13 мая — 10 июня, 2003: Сб. материалов / Под ред. Е. Лобза и К. Костюка. М., 2003. С. 21.

Исследование понятия хронополитики, места, роли и функций хронополитики в современной политической науке позволяет сделать следующие выводы.

Хронополитика представляет собой концепцию политического времени как изменчивости политических отношений и форм их организации. Изменчивость является результатом совокупной деятельности субъектов политики, участников политических отношений.

Хронополитика подразумевает субстанциальную-реляционную трактовку политического времени. В стабильно функционирующих политических системах время представляет собой субстанцию, неизменную и не зависящую от деятельности субъектов динамическую основу политической системы. Политические изменения при этом подчинены правилам системы, образуют ритм, соответствующий режиму ее функционирования. Однако подобные формы политической организации образуются в результате структурирования, систематизации, закрепления оптимальных итогов взаимодействия субъектов, в чем проявляется реляционный характер политического времени. (В строгом философском смысле политическое время даже в данной трактовке, очевидно, исключительно реляционно. Сочетание субстанциальности и реляционности используется для иллюстрации различия форм времени.)

Существующие концепции хронополитики можно различать по лежащему в их основе пониманию формы времени, масштаба и вида изменчивости. В некоторых концепциях время понимается как последовательность событий, ряд эпизодов. В других — как ритм функционирования политического процесса. Третьи понимают время как изменчивость политических систем. Наконец, имеет место также понимание времени в политике как всеобщего процесса развития форм политической организации, подчиненного общему закону, логике непрерывного совершенствования или определенной итоговой цели. Можно также говорить о понятии трансформационного времени, фиксирующего переход от одной формы политической организации к другой.

Хронополитическое знание должно синтезировать, включать в себя все уровни изменчивости и основываться на их различии. Выделение различных уровней темпоральности дает возможность выявления временной определенности политического процесса.

Понятие качественной временной определенности политического процесса позволяет говорить о хронополитике как о концепции деятельности, учитывающей временную специфику протекания политических процессов. В серии событий временная определенность заключается в субъективных временных отношениях «раньше — позже», хронополитика здесь выступает в качестве оперативно-тактической деятельности, связанной с необходимостью опережения других субъектов политики или реагирования на определенные действия. В рамках устойчивого функционирования политической системы хронополитика становится тактико-стратегической деятельностью, основанной на выявлении социальной и политической конъюнктуры. Трансформационное время создает условия для творческой политической активности,

связанной с поиском альтернативных стратегий и организационных форм взаимодействия.

Исследование исторической и научной обусловленности хронополитического знания позволяет говорить о том, что на различных этапах развития историко-политического процесса востребуются различные парадигмы изменчивости.

В исследованиях мировых политических процессов сегодня особенно значимым оказывается трансформационное, кайрологическое время. Современный этап развития политического процесса России, напротив, воплощает парадигмы стабильности и преемственности, что позволяет выдвинуть гипотезу о стабилизирующей роли России в перспективе развития мировой ситуации.

Возможно сопоставление формам времени соответствующих форм пространства: если событийно-эпизодическому времени соответствует локус или микрорегион, то системно-структурному — макрорегиональное (континентальное) или глобальное (межконтинентальное, трансокеаническое) пространство, построенное по принципам структуры (центр — ядро — периферия, римленд — хартленд — офшор¹). Циклическое время отражает смещение центров внутри ядра. Трансформационное пространство создает многомерную картину множества полей, в которых осуществляется взаимодействие многообразных субъектов. Структурирование и иерархизация этих полей как внутри каждого, так и между собой, позволяют говорить о новой форме организации политических отношений на глобальном уровне.

Хронополитика выполняет в политической науке ряд значимых теоретико-методологических функций: позволяет определить политику как особую реальность и объект научного изучения, выделяя в общесторическом и социальном времени кризисные периоды, в которые политическая деятельность оказывается связующим звеном между различными историческими эпохами; расширяет мировоззренческую основу политического исследования, говоря о необходимости выявления фундаментальных предпосылок политических явлений и их стратегических, долгосрочных последствий; исключает нормативную, оценочную трактовку политической динамики, рассматривая политическое время в качестве непредопределенного результата совокупной деятельности субъектов политики.

Научная значимость, актуальность хронополитики обусловлены масштабностью сегодняшних политических трансформаций, сущностным динамизмом современного политического процесса, социальных и средовых изменений, требующих новых комплексных исследовательских программ и системных политico-управленческих подходов. Хронополитика отражает процесс развития политической науки, протекающий в виде взаимосвязанных процессов дифференциации и интеграции. С точки зрения первого, появление самостоятельной дисциплинарной области, изучающей политическую темпоральность, можно рассматривать как вполне оправданную в условиях увеличения масштаба и

¹ Терминология Спайкмана.

динамизма политических перемен специализацию знания. С другой стороны, хронополитика играет интегрирующую роль, так как интересующее данную дисциплину временное измерение политики вмещает все регионы мира политического. И здесь речь идет уже не об абстрактном обобщении политического знания, но о вполне осозаемом объекте — мировой политике и ее темпоральных параметрах. В этом отношении хронополитика приобретает значение для развития политической науки в целом.

2. ХРОНОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

2.1. ХРОНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Настоящая работа исходит из понимания мировой политики как находящейся в процессе становления области научно-теоретического знания. Базовые параметры этого знания, такие, как представления об объекте, предмете, методологии, а также ключевые категории и понятия теории мировой политики, на сегодняшний момент до конца не определены и претерпевают развитие. Так, М.М. Лебедева в статье, затрагивающей проблемы становления мировой политики как учебной и научной дисциплины, говорит о развитии ее предмета следующее: «Поздние по сравнению с исследованиями международных отношений сроки возникновения новой научной дисциплины, по-видимому, сказались на том, что очертания ее предметной области довольно размыты»¹. Ей же принадлежит такая точка зрения на специфику исследования тенденций и закономерностей мировой политики: «Каждый день приносит новые факты о развитии событий в мире, некоторые из которых не совпадают с прежними представлениями и побуждают к переосмыслению тех или иных закономерностей... Для самой же мировой политики все эти факты и события означают одно: она никогда не может быть «дописана»². Аналогичным образом Э.А. Поздняков, понимающий мировую политику прежде всего как межгосударственные отношения, утверждает, что «отличительной чертой теоретических представлений в данной области и связанной с ней системе понятий является в большей мере расхождение мнений, нежели согласие»³.

Характерным является также то, что сегодня в научном сообществе мировая политика рассматривается скорее как определенная практика, в большей степени прикладном, а не теоретическом ключе. Приведем мнение М.М. Лебедевы:

¹ См.: Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей // Полис. 1999. № 4.

² Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003. С. 332.

³ Поздняков Э.А. Философия политики. М., 1993. С. 356.

девой: «Мировая политика — новая научная область, возникшая только во второй половине XX столетия, но быстро получившая распространение во многих странах. В фокусе ее внимания — политические процессы, происходящие в мире сегодня, но с перспективой их дальнейшего развития. В этом смысле мировая политика (в отличие, скажем, от истории) ориентирована на сегодняшний и завтрашний дни и самым тесным образом связана с политической практикой»¹. Подобной точки зрения придерживается и П.А. Цыганков: «Мировая политика ближе к политической практике, чем ТМО (теория международных отношений. — И.Ч.). Хотя она не чурается теоретических проблем, но в большей мере имеет дело с выходом на проблемы сегодняшнего дня, с выработкой стратегии, поиском и принятием решений в политической области... Чаще мы имеем здесь дело не столько с теориями, сколько с доктринаами, которые претендуют на то, чтобы стать основой международной политики»². Теоретические основы и категориальный аппарат мировой политики заимствуются по большей части у теории международных отношений. Все это позволяет говорить о мировой политике как о дисциплине, находящейся в научно-теоретическом отношении в стадии становления. Тем не менее в отечественной и зарубежной науке уже сложился своего рода каркас мировой политики как учебной и научной дисциплины, сформировались определенные рамки, в которых осуществляются исследования. В частности, существует утвержденная примерная программа дисциплины «Мировая политика»³. Цель настоящей работы — не только определить место хронополитики в данных рамках, но и критически рассмотреть складывающиеся параметры научно-теоретического знания о мировой политике с точки зрения современных хронополитических представлений. Исследование исходит из того, что время представляет собой значимый компонент теоретического знания. От содержания концепции времени зависит направление реализации главных функций научной теории — описания идеализированного объекта теории, объяснения и предсказания.

В частности, в естественно-научных теориях можно выделить следующие классы принципиально общих познавательных процедур:

О-компонент состоит в описании идеализированной структуры элементарного объекта теории;

S-компонент заключается в перечислении допустимых состояний объектов теории. О компоненте S говорят как о пространстве состояний исследуемой системы;

C-компонент фиксирует способы изменчивости объектов;

¹ Лебедева М.М. Цит. соч. С. 4.

² Цыганков П.А. Происходит ли конвергенция политологии, Международных отношений и Мировой политики? // Материалы научного семинара «Международные отношения, мировая политика и сравнительная политология: эволюция предметных областей». МГИМО(у). 25–26 мая, 2002. <http://www.mgimo.ru/rf1/index.asp?KOD=186>

³ Лебедева М.М. Примерная программа дисциплины «Мировая политика». Утв. Министерством образования РФ 11 октября 2001 г. <http://humanities.edu.ru/db/msg/23759>

T-компонент теории состоит во введении «часов» и параметрического времени в описание функционирования систем. Параметрическое время предлагается понимать как образ меняющихся объектов при отображении процесса изменчивости в линейно упорядоченное, обладающее метрикой (как правило, числовое) множество;

L-компонент теории представляет собой формулировку закона изменчивости, выделяющую реальную изменчивость из всех возможных движений;

I-компонент охватывает интерпретационные процедуры, устанавливающие соответствие теории описываемому фрагменту реальности¹.

Непосредственно концепции времени относятся к С- и Т-компонентам теории, однако очевидно, что направление их разработки состоит в зависимости от представления о первых двух – О и С. Поэтому основой систематизации хронополитических концепций в контексте проблематики теории мирового политического процесса будет поиск общего и особенного (дополнительно-го) в представлениях об изменчивости «политических объектов» различного уровня: например, «миросистемы», «глобальной политии», различного рода локализованных политических систем. Такого рода ход оправдывается применением в работе *принципов системной методологии* – в настоящем контексте использованием принципа иерархичности систем. Последовательное применение системной методологии и названного принципа, в частности, видится адекватным задаче синтеза знания о глобальной политической трансформации.

На Т- и L-компоненты, в свою очередь, влияют представления о политическом времени и о принципах изменчивости. В силу этого хронополитика выступает не только компонентом, но и фактором формирования теории мирового политического процесса. Современные хронополитические представления сами по себе играют активную роль в формировании методологии мировой политики как теоретической дисциплины и обосновывают деятельность, направленную на конструктивное участие в процессе политической трансформации. Такого рода деятельность, обладание объектов политической теории субъектными свойствами предопределяют нелинейный, вероятностный характер исхода политической трансформации, что обосновывает использование нетривиальных методологических принципов построения теории в данной работе. Речь идет, в частности, о развиваемом авторами серии «Теоретическая политология» взгляде на современную теорию политики, в которую, по их мнению, должны входить: «1) фундаментальная теория (политическая хроногеометрия, теория элит, теория политических структур, geopolитических ядер, монолитов и т.д.); 2) антропоцентричная теория двух уровней: а) описание типов – ареалы субъективности; б) описание лиц – дея-

¹ Левич А.П. Мотивы и задачи изучения времени // Конструкции времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени. Ч. 1. Междисциплинарное исследование: Сб. научных трудов / Под ред. Гисленко Б.В. М., 1996. С. 15–19.

ния индивидов»¹. Следует назвать также современную методологическую концепцию «воронки причинности», которую применяет к исследованию мировых политических процессов М.М. Лебедева. «Рискнем предположить, — пишет она, — что особенностью кризисного или «переходного» развития мира является то, что большое значение при объяснении направления или пути посткризисного развития приобретают процедурные факторы (зависимые или субъективные переменные), т.е. те, которые связаны с процессом принятия решения, личностными особенностями и т.п., в отличие от структурных (независимых или объективных переменных)»².

Мировая политика — дисциплина, генетически связанная с глубокими изменениями в мире политического, затрагивающими столь фундаментальную для классической политической науки реальность, как национальное государство. Межгосударственная система и международные отношения (International Relations) — понятия, тесно сплетающиеся с категорией национального государства — в силу этого также утрачивают свое эвристическое значение. Меняются мировоззренческие основы науки, в том числе представления о пространстве-времени. А.П. Кабаченко пишет: «На международной арене появилась совершенно новая политическая реальность. Может быть проведена своеобразная аналогия: возникла новая форма движения материи — в виде мирового политического процесса. Старые инструменты познания применяются и сейчас. Мир рассматривается по сути как неизменившийся. Сложилась такая ситуация, когда в нашей области науки мы пользуемся своеобразной евклидовой геометрией, в то время как уже возникли новые формы бытия, которые мы не в состоянии осмыслить, выявить закономерности их развития и функционирования»³.

Проблема осмыслиения мировых политических изменений сегодня остается весьма актуальной. «Независимо от того, какой именно точки зрения придерживаются исследователи, большинство из них подчеркивает, что в конце XX столетия мир переживает некий критический период, который определяется как «точка бифуркации» (Rosenau), «переходный возраст» (Лебедева и Мельвиль), эпоха неопределенности, переломности и т.п. Речь идет о периоде, когда происходят качественные изменения, трансформирующие саму суть политической системы мира. Замечу, что подобные взгляды присущи не только сторонникам неолиберальной традиции в международных исследованиях, которые особо подчеркивают это, но и тем, кто скорее разделяет неореалистические взгляды. Г. Киссинджер пишет, что мировой порядок и его составные

¹ Ильин В.В., Панарин А.С., Бадовский Д.В. Политическая антропология / Под ред. Ильина В.В. М., 1995. С. 14.

² См.: Лебедева М.М. Мировая политика: проблемы и тенденции развития // Мировая политика и международные отношения на пороге третьего тысячелетия / Под ред. Лебедевой М.М. М., 2000.

³ Кабаченко А.П. История мирового политического процесса (к постановке проблемы) // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1998. № 1. С. 43.

части никогда еще не менялись так быстро, глобально и глубоко»¹, — отмечает М.М. Лебедева. При этом ряд исследователей говорит о неадекватности большинства современных концепций задаче осмыслиения глобальной политической трансформации. «Осмысление глубоких изменений, производящих подлинный переворот в привычной картине международных отношений, присуще практически всем крупным работам последних лет, — пишет П.А. Цыганков. — Указывается, что фактически все известные теоретические направления политической науки оказались дискредитированными, поскольку не сумели предсказать наступления ни одного из крупных событий, символизирующих переход к новой эпохе в мировой политике, например падения Берлинской стены и воссоединения Германии, окончания холодной войны или распада Советского Союза»². Подобной точки зрения придерживается и сам Цыганков. Он утверждает, что «крупномасштабные политические перемены плохо поддаются адекватному описанию языком наиболее авторитетных теорий международных отношений, ни одна из которых не может претендовать на роль теоретической базы прогнозирования и планирования политической деятельности»³.

Очевидно, что осмысление изменений в мировой политике затруднительно без углубления представлений о времени. В современной теории время остается слабо разработанной категорией. В современной международно-политической науке преобладает интуитивное понятие времени, которое фактически сводит время к простой последовательности событий. Эту проблему анализировали, в частности, такие исследователи, как Джордж Модельски и Джон Рагги. «Как современные подходы справляются с проблемой времени, — задается вопросом Модельски. — Говоря кратко, не очень хорошо. Проблема, если взглянуть глубже, заключается в излишне краткосрочном кругозоре практиков, занятых текущими проблемами и политикой, которая может принести им дивиденды. Но теоретики не лучше. Реалисты в основной массе игнорируют время. Их мантра «государства являются основными акторами мировой политики» запутывает больше, чем проясняет, и делает сложным сам подход к институциональному изменению, не говоря об объяснении этого явления»⁴. «Темпоральность играет незначительную роль в современных теориях международных отношений, а когда все-таки затрагивается, то обозначает немногим более, чем «ушедшее время», — пишет Рагги. В большинстве теорий между-

¹ Лебедева М.М. Формирование новой политической структуры мира и место в ней России // Полис. 2000. № 6. С. 40–41.

² Цыганков П.А. Мировая политика: содержание, динамика, основные тенденции // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 138.

³ Цыганков П.А. Глобальные политические тенденции и социология международных отношений // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. Цыганкова П.А. М., 1998. С. 29–30.

⁴ Modelska G. Time, Calendars and International Relations: Evolution of Global Politics in the 21st Century. Paper presented at the 37th annual convention of the International Studies Association in San Diego. April 16–20, 1996. <http://faculty.washington.edu/modelska/>

народных отношений «время рассматривается как последовательность событий», — отмечает он также¹.

Точкой отсчета сегодняшних дискуссий по проблемам мировой политики как научной дисциплины стало утверждение в 2001 г. ее программы и появление первого подготовленного на этой основе учебника². Важными этапами диспута стали обсуждение предмета на страницах журнала «Международные процессы»³, а также публикация в «Полисе» серии статей, посвященных проблемам развития мировой политики⁴. Подготовлена монография, обобщающая ключевые теоретические положения современной теории мировой политики⁵. Прошли конференции и семинары по ряду значимых научных и методических вопросов, касающихся данной области политологии⁶. Можно утверждать, что эти выступления образуют основную на сегодня сферу научного диалога по проблемам мировой политики. Поэтому дальнейшее обсуждение обозначившихся в ходе дискуссии вопросов видится важным условием для кумулятивного развития дисциплины.

Конечно, отмеченные события не отражают всего объема интеллектуальной работы, проводимой научным сообществом в данном направлении. Стоит упомянуть и опубликованные в журнале «Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки» статьи ученых отделения политологии МГУ им. М.В. Ломоносова — А.И. Костина, Ю.М. Павлова, А.П. Кабаченко, Б.А. Богомолова и др., а также проводимые на протяжении ряда лет конференции «Глобальный кризис и проблемы мировой политики», материалы которых также публиковал «Вестник»⁷. Нельзя не отметить, что современные дискуссии опираются как на зарубежный опыт, так и на исследования, проводимые еще в советский период и продол-

¹ Ruggie J.G. Constructing the World Polity: Essays on International Institutionalization. L.; N.Y., 1998. P. 133–134.

² Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003.

³ Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1; Лебедева М.М. Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2; Чепиков М.А. Понятие мировой политики в общенаучном контексте // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 3; Цыганков П.А. Мировая политика и ее содержание // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 1; Фельдман Д.М. О том ли мы спорим? // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 1.

⁴ Лебедева М.М. Проблемы развития мировой политики // Полис. 2004. № 5; Мельвиль А.Ю. Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике // Полис. 2004. № 5; Ильин М.В. Слуги двух господ. О пересечении компетенций политической науки и международных исследований // Полис. 2004. № 5; Барабанов О.Н. Между Клинтоном и Бушем, или Как преподавать мировую политику? // Полис. 2004. № 6; Песков Д.Н. Мировая политика, или Бег на месте // Полис. 2005. № 1; Чихарев И.А. Многомерность мировой политики (К современным дискуссиям) // Полис. 2005. № 1; Мировая политика: повестка дня на завтра (Виртуальный «круглый стол») // Полис. 2005. № 4.

⁵ Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / Отв. ред. Кокопин А.А., Богатуров А.Д. М., 2005.

⁶ В отношении новизны подходов к исследованию мирового политического процесса выделю интернет-конференцию «Состязание старых и новых политик мирового развития» // Состязание старых и новых политик мирового развития. Международная интернет-конференция. 13 мая – 10 июня, 2003: Сб. материалов / Под ред. Е. Лобза и К. Костюка. М., 2003.

⁷ См.: Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 6; 2001. № 3. 2002. № 3. 2003. № 3, 4.

жившееся в 1990-е гг. в крупнейших научных центрах — ИМЭиМО РАН, МГУ, МГИМО, ряде региональных институтов. Отдельного упоминания заслуживают подготовленные во второй половине 1990-х гг. работы¹, непосредственно предвосхитившие нынешнее поколение программ, учебников и инновационных исследований.

Заметим, что научные споры в последние годы проходили на фоне ряда значимых политических событий в мире. К ним можно отнести начало процесса реформирования ООН, подписание Соглашения о Конституции ЕС, крупнейшие террористические акты, военные действия в Афганистане и Ираке и др. Столь же значительными стали первые годы XXI века и в политическом развитии России. Поэтому дискуссия о проблемах становления мировой политики как научной дисциплины имеет не только академическое звучание, но тесно связана с современным мировым и российским политическим процессом.

Дискуссии о предмете дисциплины тесно связаны с различием точек зрения на вопрос о месте мировой политики в современном научном знании. А.Ю. Мельвиль и М.В. Ильин относят мировую политику к области политической науки и полагают, что мировая политика по-новому определяет саму политическую сферу, или мир политического. А.Д. Богатуров соотносит мировую политику по преимуществу с исследованиями международных отношений, настаивая на тесном контакте этих областей знания. М.М. Лебедева отстаивает тезис о необходимости интеграции политической науки и знания о международных отношениях; от успешности такого синтеза, по ее мнению, зависит развитие мировой политики. Наметились и другие подходы, вполне справедливо, на мой взгляд, связывающие мировую политику с глобалистикой как современным междисциплинарным знанием. Необходимость выработки «синтетической науки» для исследования мирового политического процесса подчеркивается Ю.М. Павловым, М.А. Чешковым и др. учеными. Представляется вполне естественным, что в конструировании мировой политики должна использоваться информация всех отраслей современной науки: такой синтез может способствовать выработке оптимальных управлеченческих стратегий на мировом уровне.

Важнейшей чертой дискуссии является внимание исследователей к мета-теоретическим вопросам. Становится очевидным, что проблематика объекта и предмета, а также методов исследования для мировой политики приобретает несколько иное значение, чем для иных субдисциплин политической науки. Дело в том, что предметные сферы и методики последних носят в той или иной мере партикулярный, специальный характер. Осмысление мировой политики, в противоположность этому, требует общен научного подхода. Такая трактовка современного знания о мировой политике нашла отражение в одной из первых

¹ Мировая политика: проблемы теории и практики / Под ред. Цыганкова П.А., Фельдмана Д.М. М., 1995; Павлов Ю.М. Тематика курса «Мировой политический процесс» // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 6. Павлов Ю.М. Мировая политика и международная экономика. М., 1998.

отечественных программ дисциплины. Курс «Мировой политический процесс» основывается на выявлении онтологических и гносеологических ее параметров и предполагает изучение категорий целостности, субъекта и объекта, пространства и времени и их роли в исследовании современной политики¹. О «транстеоретическом» принципе в этой связи упоминает и П.А. Цыганков². Наметилось даже особое направление политико-философских изысканий — философия мировой политики³, значительный вклад в развитие которого внес А.В. Шестopal и его коллеги. Однако в первом учебнике и в официальной программе дисциплины эти аспекты не получили развития — больший упор был сделан на знакомство с накопленным на сегодня и иногда имеющим описательный характер знанием об отдельных феноменах мировой политики. Именно это стало основной причиной некоторых критических замечаний, которые наиболее последовательно были сформулированы группой ученых на страницах одного из номеров журнала «Международные процессы», специально посвященного теме «Философия международных отношений»⁴. А.Д. Богатуров замечает, что в этих разработках было воспроизведено характерное для западных подходов скептическое отношение к общетеоретическим основаниям исследования, «мало интереса к тому, что называется реальной мироцелостностью... к системным аспектам международных отношений»⁵. Необходимо согласится с А.Д. Богатуровым в исходной посылке: задача выявления теоретических параметров знания о мировой политике весьма актуальна. В том же номере «Международных процессов» Э.Я. Баталов отмечает, что «говоря о новизне мира, в котором мы живем сегодня, обычно указывают на конкретные явления» и «гораздо меньше обращают внимание на фундаментальное изменение оснований политического (и не только политического) мира»: «меняются пространственно-временные характеристики политических явлений и процессов», «происходит интенсивное размытие границ между внутренним и внешним» и др⁶. М.В. Ильин в своей статье анализирует онтологические и методологические проблемы современной политологии и международных исследований и предлагает подход к мировой политике с точки зрения определенного понимания пространства и времени⁷.

Поле современных дискуссий приобретает еще одно важное измерение: начинает обсуждаться ряд вопросов из области критической теории политики. Например, М.М. Лебедева в статье, посвященной развитию обсуждаемой научной дисциплины, в качестве одной из основных проблем называет следующую:

¹ Павлов Ю.М. Тематика курса «Мировой политический процесс» // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 6.

² Международные отношения: социологические подходы / Под ред. Цыганкова П.А. М., 1998. С. 8.

³ См.: Философия мировой политики: Актуальные проблемы. М., 2000.

⁴ Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1.

⁵ Богатуров А.Д. Цит. соч.

⁶ Баталов Э.Я. Предмет философии международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1.

⁷ Ильин М.В. Цит. соч.

«продолжаются споры относительно того, что считать системообразующим элементом политической структуры современного мира — сеть межгосударственных образований, активность международных акторов и их взаимодействие с государствами или же разделение мира по принципу доходов»¹. Третий подход к политическому структурированию мира напрямую связан с критической теорией, в частности с неомарксистским анализом мировой политики. Изучение этого направления, наряду с подходами основного течения (реализма, либерализма), а также другими критическими подходами — конструктивизмом и постмодернизмом, предполагается программой дисциплины «Мировая политика».

Названные направления относятся к ветви «либеральной критики». Отдельно стоит упомянуть и радикально-консервативные подходы, отождествляемые с geopolитикой, которая, как уже говорилось, не всегда справедливо рассматривается исключительно в рамках реализма. При этом надо отметить, что основное поле дискуссий формируется вокруг первых двух альтернатив. Теоретические подходы критического направления не оказывают влияния на понимание предмета мировой политики. Тем не менее политическая роль периферии представляется одним из главных пунктов повестки дня не только будущей, но и сегодняшней мировой политики. Именно с этим комплексом проблем связан феномен международного терроризма. Поэтому обоснованным было бы включение в определение мировой политики фактора борьбы за коренной пересмотр миропорядка и деятельности по его поддержанию. Это не означает, что пересмотр вероятен. Более того, на мой взгляд, миросистема сможет справиться с кризисом и даже упрочить механизмы глобальной управляемости. Однако такая борьба, несомненно, окажет существенное влияние на те формы, которые примет глобальная власть. Возможно, обусловит те изменения, комплекс которых принято обобщенно называть демократизацией, невзирая на проблему справедливости такого их обозначения. Этот аспект мирового политического развития намечается в подходе А.Ю. Мельвилля. Говоря об измерениях современного мирового политического пространства, он справедливо упоминает о «противофазах глобализации» — локализации и фрагментации, формировании новых конфликтных потенциалов современной мировой политики. Однако не вполне правомерно связывать эти явления исключительно с субнациональным уровнем. Они имеют место в политике отдельных государств, регионов, метарегиональных пространств. Яркой метафорой идеологической составляющей этих процессов является «столкновение цивилизаций». Продуктивным является также их моделирование в рамках геоэкономического подхода².

Наконец, хотелось бы отметить недостаточное, на мой взгляд, внимание участников дискуссии к конструктивистскому подходу. Конструктивизм опирается на неофункциональные подходы и теорию интеграции. Один из известных исследователей интеграции, Карл Дойч, изучал возможности возникновения

¹ Лебедева М.М. Проблемы развития мировой политики // Полис. 2004. № 5. С. 110.

² Неклесса А.И. Четвертый порядок: принятие постсовременного мира // Полис. 2000. № 6.

международных сообществ безопасности, в которых будет осуществлена реальная гарантия того, что его члены не будут вступать в войну, но станут разрешать свои споры мирными средствами, как правило, с помощью институциональных процедур. Такие сообщества могут быть плюралистическими по характеру (сохраняющими идентичность входящих элементов) или соединенными (образующими более крупные структуры). На исследовании такого соединения как процесса передачи новым и более крупным центрам политических ожиданий, требований и поддержки сосредоточились неофункционалисты, в частности, известный международник Эрнст Хаас, опубликовавший свои работы на эту тему в конце 1950-х – начале 1960-х гг., за десять лет до известных текстов Розенau и Кохейна-Ная¹. В 1980-х гг. А. Вендт, Дж. Рагги, Фредерик Кратокуилл сформировали конструктивистское направление в изучении международной политики. Важным итогом их исследований стало развитие неореалистского подхода, главным образом за счет введения характеристик социального взаимодействия и социальной информации в построение международной структуры. С их точки зрения, возросшая плотность международного взаимодействия на современном этапе в сочетании с изменением представлений о социальной реальности дает качественную трансформацию международной политики.

Таким образом, проблема теоретического осмыслиения глобальных политических изменений является одной из важнейших для современной мировой политики. Важным шагом на пути решения этой проблемы является развитие представлений о политическом времени. Сегодняшняя специфика мировой политики как формирующегося знания заключается в том, что в ней совмещаются традиционные исследования, стремящиеся уложить изменившуюся картину политического мира в рамки привычных теоретических представлений, восстановить «вечную» логику международных отношений и новаторские разработки, которые часто сводятся к простому описанию новых политических реалий.

П.А. Цыганков пишет: «Одна из главных проблем, связанных с мировой политикой, это именно проблема ее идентификации как объективно существующего феномена»². Чаще всего названная проблема сводится к вопросу «разграничения предметов ведения» мировой политики и международных отношений. Это нашло отражение в существующих курсах мировой политики. Ю.М. Павлов в тематическом разделе программы курса мирового политического процесса, посвященном объекту и предмету теории мирового политического процесса, сопоставляет последний с международными отношениями и мировой политикой³. Аналогичным образом М.М. Лебедева в примерной программе дисциплины «Мировая политика» затрагивает тему соотношения предметных областей

¹ См. Ruggie J.G. Constructing the World Polity: Essays on International Institutionalization. L.; N.Y., 1998.

² Цыганков П.А. Мировая политика: содержание, динамика, основные тенденции // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 131.

³ Павлов Ю.М. Тематика курса «Мировой политический процесс» // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 3. С. 63.

мировой политики и международных отношений. Противопоставление этих дисциплин привело к тому, что видение сферы исследований мировой политики, чаще всего, сводится к расширению, «достраиванию» исследовательского поля международных отношений. В целом, определение объекта мировой политики является конвенциональным — им признается взаимодействие как государственных, так и негосударственных акторов на мировой арене. Если объектом теории международных отношений выступали межгосударственные взаимодействия, то объектом теории мировой политики является, по мнению большинства исследователей, новая реальность, сформировавшаяся с возникновением и укреплением позиций на мировой арене таких негосударственных акторов, как международные организации (межправительственные и неправительственные), транснациональные корпорации, этнические и конфессиональные группы, преступные, в том числе террористические, сообщества, внутригосударственные регионы, элиты, бюрократии, СМИ и др. Так, П.А. Цыганков утверждает, что понятие «мировая политика» «смещает акцент именно на ту все более заметную роль, которую играют в формировании международной среды нетрадиционные акторы, не вытесняющие, однако, государство как главного участника международных отношений»¹, а М.М. Лебедева отмечает, что «большинство авторов склоняется к мнению, что... в исследовательскую зону мировой политики необходимо включить более широкий спектр проблем, сделав акцент на новых (негосударственных) политических акторах, а также новых тенденциях развития мира»².

Тенденции, которые можно выделить во взаимодействии разнообразных акторов на мировой арене, представляют собой предмет мировой политики: именно определение тенденций, обнаружение направленности совокупной деятельности участников мировой политики оказывается общей, генеральной целью исследований в данной области³. Важной предметной стороной теоретических исследований мировой политики выступает также описание структуры современного политического мира.

Существенной особенностью сложившегося в современной науке понимания объекта и предмета мировой политики, является, на наш взгляд, акцент именно на *новизну* мировой политической ситуации, описание *сегодняшних* тенденций и перспектив политического развития. Эта особенность ярко выражена в определениях мировой политики, принадлежащих, в частности, М.М. Лебедев-

¹ Цыганков П.А. Цит. соч. С. 132.

² Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей // Полис. 1999. № 4. С. 130–141.

³ Ср. названия работ: Киршин Ю.А. Мировая политика: сущность, основные черты и тенденции // Вопросы философии. 1982. № 12; Цыганков П.А. Мировая политика: содержание, динамика, основные тенденции // ОНС. 1995. № 5; Мировой политический процесс: современные тенденции и пути их изучения // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 5; Мегатренды мирового развития. М., 2001; Ирхин Ю.В. Теоретические основы и тенденции мировой политики в эпоху глобализма // Авторские программы учебных курсов по политологии / Под общ. ред. Ирхина Ю.В.. М., 2001.

вой. Она считает, что мировая политика «занимается проблемами *современного состояния*, а также тенденциями развития мировой политической системы»¹ (курсив мой. — И.Ч.), «ориентирована на сегодняшний и завтрашний дни»². Приводимые Лебедевой характеристики действительно применимы к основному течению разработок под рубрикой «мировая политика», где рассматриваются в основном отдельные современные проблемы и новейшие исторические тенденции.

Если проанализировать это понимание объекта с точки зрения выделенных нами принципов хронополитики, то оно оказывается ограниченным масштабом повседневно-реального времени, «эпизодико-геополитического» пространства-времени. Так, Ю.В. Ирхин дает следующее определение мировой политики в пространстве и времени: «Сфера мировой политики как поле мировых политических отношений, единое мировое политико-временное пространство, на протяжении которого или в основных частях которого развертываются основные международные политические действия»³, то есть предлагает видеть мировую политику исключительно в синхронном срезе. Подобным образом можно охарактеризовать и точку зрения С. Моргачева: «Чем теснее взаимозависимость субъектов политики и экономики, тем в более едином пространстве-времени они существуют. Это пространство-время не признает государственных границ и идеологических различий»⁴.

Объяснение тому парадоксу, что глобальные процессы рассматриваются в реальном времени, в повседневности, может быть найдено в создаваемой современными средствами массовой коммуникации непосредственной очевидности мировых событий, эффекте «глобальной деревни». Кроме того, как пишет канадский политолог-международник К. Холсти, «международные события, отраженные в сегодняшних заголовках СМИ, создают ощущение изменения потому, что они не идентичны вчерашним новостям. Массмедиа, возможно, в большей степени, чем когда бы то ни было, функционируют в рамках 24-часового цикла, который препятствует выделению преемственности и акцентирует новизну»⁵. Мы можем без труда различить именно такое восприятие мировой политики, в частности, в уже приводившемся суждении М.М. Лебедевой. «Мировая политика — дисциплина, в поле зрения которой сегодняшние политические реалии и тенденции будущего развития мира. Это составляет определенные сложности для ее изучения. Каждый день приносит новые факты о развитии событий в мире, некоторые из которых не совпадают с прежними представлениями и побуж-

¹ Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2002. С. 56.

² Там же. С. 4.

³ Ирхин Ю.В. Теоретические основы и тенденции мировой политики в эпоху глобализма // Авторские программы учебных курсов по политологии / Под общ. ред. Ирхина Ю.В.. М., 2001. С. 249.

⁴ Моргачев С. Пространство, время и поле в мировой политике // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 7. С. 120.

⁵ Holsti K.J. The Problem of Change in International Relations Theory // Institute of International Relations. The University of British Columbia. Working Paper. № 26, December 1998. P. 4.

дают к переосмыслению тех или иных закономерностей¹. Как бы то ни было, такого рода синхроническое ограничение, на наш взгляд, не позволяет различить некоторые существенные аспекты объекта.

Хронополитический подход позволяет предложить расширить понимание объективного содержания мировой политики. Во-первых, участники мировой политики, которые сегодня воспринимаются как «новые», могут рассматриваться с противоположной точки зрения: в «довестфальской» европейской политике самостоятельную роль играли церковь, университеты, корпорации, цеха и т.д. Надо отметить, что в современных исследованиях мировой политики и международных отношений находится место историческим экскурсам, возвращающим к временам складывания Вестфальской системы. В этой связи М.М. Лебедева обращает внимание на книгу «Изгнание призрака Вестфалии» (*Exorcising the Ghost of Westphalia*) Ч. Кегли и Г. Раймона: «Они определяют середину XVII и конец XX в. как поворотные точки в истории, когда одни модели международного взаимодействия сменяются другими. Для обоих периодов характерны изменения в политической жизни, появление многих новых проблем. Для того и другого периодов типичны и «столкновение цивилизаций», и столкновение моральных ценностей, и столкновение взглядов. И тогда, и сейчас наблюдается также распад больших национальных образований на более мелкие². Возможен и более углубленный хронополитический анализ³.

Так, Дж. Модельски рассматривает мировую политику в «историческом диапазоне темпоральности», если воспользоваться терминологией М.М. Ильина, или в «структурном» и «цикличко-идеологическом» пространстве-времени, по Валлерстайну. Возникновение глобальной политики он связывает с подписанием в 1494 г. договора между Испанией и Португалией, оформившего сферы контроля этих стран над недавно открытыми заокеанскими территориями. «Значимость этого, — пишет Модельски, — заключается в создании режима управления взаимодействием на глобальном уровне, первого глобального политического режима⁴. Последние три десятилетия XX века, с которыми сегодня большинством исследователей связывается возникновение мировой политики, Модельски обозначает как фазу очередного длинного цикла в мировой политике, характеризующуюся делегитимацией глобального лидерства США. Обратим внимание, что Модельски четко различает глобальную и мировую политику. Он выделяет уровни политического взаимодействия: локальный, национальный, региональный и глобальный. Свои длинные циклы он называет процессом *глобальной политики*, тогда как «*мировая политика*» характеризует политику мировой системы в целом (от глобального к локальному уровням)⁵

¹ Лебедева М.М. Цит. соч. С. 332.

² Там же. С. 154–155.

³ См.: Ланкин В.В. Пантин В.И. Поздняя античность и современность: опыт сравнительного политического анализа // Полис. 2003. № 4. С. 82–93.

⁴ Modelske G. Long Cycles in World Politics. Seattle; L., 1987. P. 69.

⁵ Ibid. P. 9.

(курсив в оригинале. — И.Ч.). Логичным следствием этих тезисов представляет-
ся видение объекта мировой политики как всеобщего процесса формирования и
трансформации политических образований различного уровня.

Эту логику прослеживает, в частности, А.П. Кабаченко, который считает, что «политический процесс имеет всеобщее распространение и существует как общемировое явление с момента возникновения политических отношений»¹. «За время своего существования он преодолел три глобальные эпохи перехода количественных изменений в качественные, которые сопровождались возникновением новых циклов в процессе развития политических отношений»². Таковыми стали «локальный, национальный, региональный и глобальный циклы»³. В каждом цикле выделяется несколько фаз, которые характеризуются возрастанием роли общественности и убыванием полномочий централизованной власти. Рассматривая мир как политическую целостность, Кабаченко отмечает, что «каждый цикл не только формирует новые элементы политических отношений, но и преобразует прежние, и в снятом виде они выступают на новой качественной ступени»⁴. На нынешнем витке своего развития мир проходит, по мнению Кабаченко, государственный уровень национального цикла и имперский уровень регионального цикла, а также завершает структурную fazу цикла глобального⁵.

Аналогичным образом хронополитический анализ современного мира, проделанный М.В. Ильиным, заставляет его «отождествлять международную систему с прихотливым узором, образованным довольно неровной, со множеством перепадов, конфигурацией наползающих друг на друга прерывающихся слоев»⁶. «Нижний пласт, своего рода основу, — пишет Ильин, — образует geopolитическая подстилка... Этому уровню соответствует дополитическое состояния первобытности или «преддверье хронополитики»... Второй пласт составляют культуры... Они представлены племенными и квазиплеменными, например мафиозными, политиями, которые фактически уклоняются от действительной интеграции с современностью... Третий пласт является собственно цивилизационным. Он связан с устойчивыми структурами вписывания культур, с одной стороны, в geopolитическое пространство, а с другой — в пространственные конфигурации, образованные коммуникативными инфраструктурами исторических империй». Наконец, «четвертый слой образуют нации»⁷.

Такого рода анализ позволяет, в частности, иначе рассмотреть ключевую для современной мировой политики проблему появления так называемых но-

¹ Кабаченко А.П. Политический процесс и политическая система: источники саморазвития // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 3. С. 110.

² Там же.

³ Там же. С. 111.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 115.

⁶ См.: Ильин М.В. Глобализация политики и эволюция политических систем // Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени: Международный симпозиум, посвященный 110-летию со дня рождения Питирима Сорокина. М.—СПб., 1999. С. 210—224.

⁷ См.: Там же.

вых акторов. Многие из них в хронополитической ретроспективе оказываются уже известными: террористические сообщества, внутригосударственные регионы, этнические группы и диаспоры со всей очевидностью могут быть отнесены к локальному уровню, «пласту культур», а, например, за региональными интеграционными объединениями можно разглядеть имперские ореолы. Таким образом, в важнейшем предметном поле современной мировой политики — изучении политической структуры современного мира — обнаруживаются новые значимые аспекты, смысловые связи. Образно говоря, структура современного политического мира понимается не одномерно-поверхностно, а «археологически». Как отмечает М.В. Ильин, «действительно научный анализ политического изменения связан не с фиксированием небывалого (оно заметно невооруженным глазом любому обывателю в режиме его повседневности), а с различием довольно тонких нюансов того, как, почему и зачем воспроизводится старое»¹. Н.А. Косолапов в курсе «Введение в теорию мировой политики и международных отношений» в качестве одного из главных признаков объекта теории выделяет протяженность во времени. Он предлагает отличный от нашего взгляда на временную определенность предмета исследования. «На всех качественно разных фазах и уровнях развития МО (международные отношения. — И.Ч.) неизменно существовали, проявляли себя, эволюционировали и оказывали многообразные влияния как бы в трех временных плоскостях сразу: как нечто историческое, надвременное; как один из важнейших отличительных признаков определенной эпохи, периода, социально-экономического уклада и как весьма конкретный, уникальный комплекс текущих, современных проблем международной жизни и мирового развития. Мало есть других сфер жизнедеятельности человека и общества, в которых история, эпоха и сиюминутное переплетались бы столь нерасторжимо в реальном масштабе времени. Исследователь МО оказывается перед最难нейшей методологической и теоретической задачей: какой бы период МО он не изучал, возникает проблема вычленения из этого нераздельного комплекса отношений «истинно сегодняшних», текущих»². Однако, несмотря на иной акцент в понимании предмета исследования, Косолапов в своем рассуждении учитывает более масштабные диапазоны темпоральности; более того, именно их познание служит основой выделения определенности современных международно-политических отношений. Кроме того, историческое и эпохальное в сегодняшней мировой политике присутствуют не подспудно, а непосредственно — это происходит в ситуации кризиса системы.

Реинкарнацию исторических форм политических отношений и политической организации возможно рассматривать в связи с критическим периодом в динамике мировой политической системы. Например, М.А. Чешков считает

¹ Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами Повседневности и Истории // Полис. 1996. № 1. С. 57.

² Косолапов Н. Тема 3. Международные отношения: энциклопедия и методы исследования // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 3. С. 64.

«взрыв исторического полиморфизма» значимым элементом картины «альтернативного бифуркационного процесса трансформации» глобальной общности. «Это явление, парадоксально присущее завершению социальной стадии эволюции, — пишет Чешков, — вытекает из особенностей пространственно-временных измерений глобальной общности. Если для ее исходного типа (глобальной общности эпохи индустриализма и модернизма. — И.Ч.) были характерны время-стрела и подчиненное, так сказать, ей планетарное пространство, то принципиальная разнородность состава создает новый хронотоп. Для него характерны множественность времени и пространства и их пульсирующий характер. Пульсация пространства проявляется в том, что оно одновременно раздвигается за пределы планеты и сужается до субнациональных локусов; социальные явления как бы отрываются от пространства, обретая планетарный масштаб (детерриторизация и глобализация капитала), и вместе с тем сужаются, локализуясь в миниатюрных этногосударствах. Пульсация времени усложнена наложением двух временных механизмов — синхронного и диахронного. Работа первого из них задается полисистемной организацией и целостностью глобальной общности; работа второго имеет основанием тенденцию к «развитию через равноразличия». Разворот синхронности в диахронность... становится одной из задач любого локального социума, особо сложной для социалистических стран. Одновременно с разворотом временной оси пространственная ось тоже поворачивается — и так же медленно — из вертикали (отношения неравенства) в горизонталь (отношения равенства)»¹. Иными словами, если на протяжении Нового времени более или менее однозначно доминировала одна из исторических форм политической организации — национальное государство и межгосударственная система, то с ее кризисом политический реликт теряет свой музейный статус и становится активным участником мировых процессов.

Рассмотрение современного этапа мировой политики как кризисного периода в динамике мировой политической системы позволяет также специфики трактовать такую предметную сторону исследований мировой политики, как выделение тенденций политического развития мира. Для некоторых исследований мировой политики является характерным рассмотрение процессов глобализации или демократизации как ее магистральных трендов — такова, в частности, точка зрения сторонников либерального подхода, например Ф. Фукуямы, Дж. Модельски и др. Противоположный взгляд выделяет обратные течения, включающие локализацию, столкновение культур, цивилизаций и др. В хронополитическом аспекте эти противоречивые тенденции можно осмыслить как противоборствующие стратегии; исход борьбы этих стратегий остается неопределенным. Глобализация может рассматриваться как хронополитическая стратегия современных национальных государств и нынешних интеграционных образований.

¹ Чешков М.А. О видении глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4. С. 53.

Основной темой сегодняшних дискуссий является определение предметного поля мировой политики. При общем утвердительном ответе на вопрос, имеет ли мировая политика предмет, существуют различные подходы к пониманию последнего. В концепции М.М. Лебедевой предметом мировой политики выступает политическая структура современного мира, образуемая интегральным взаимодействием как государственных, так и негосударственных субъектов. Описание этой структуры является, с ее точки зрения, важнейшей задачей дисциплины. Кроме того, основным предметом исследования становятся политические тенденции развития мира. На другом полюсе — подход А.Д. Богатурова, который относит совокупность явлений, трактуемых как «мировые политические» (новые субъекты, взаимозависимость), к среде международных отношений. Политика в его понимании остается сконцентрированной в государственных институтах, а мировая политика выступает новым измерением деятельности государств, образуемым за счет взаимного проникновения импульсов влияния в традиционно внутриполитические сферы, которому способствует новое качество среды. Это новое качество возникает в результате распространения новых технологий, в том числе — военных, усиления экономической и экологической взаимозависимости, распространения единых культурных стандартов. Надо обратить внимание, что мировая политика понимается как привилегия сильных государств, которые, ограничивая посредством властных импульсов суверенитет других, сами остаются практически непроницаемыми.

А.Ю. Мельвиль и М.В. Ильин предлагают иной подход к проблеме, принимая за основу не международное взаимодействие, но стремясь охватить все уровни политики в современном мире — индивидуальное участие, локальные сообщества, политические сообщества и сети, государства, межгосударственные организации, транснациональные структуры. Различия во взглядах этих ученых также существенны. А.Ю. Мельвиль при построении онтологии мировой политики избегает априорных суждений о политической структуре мира, ограничиваясь выделением множественных уровней и трактовкой их как переменных возможного сравнительного исследования. В этом смысле его подход не исключает ни позиции Лебедевой, ни точки зрения Богатурова. Обе могут рассматриваться как конкурирующие гипотезы, подлежащие проверке. Открывается более широкая сфера научного поиска, однако в строгом смысле предмет как общая целевая установка исследований мировой политики остается размытым. Позиция М.В. Ильина имеет свою специфику. Он, в частности, говорит об утрате сравнительной политологией предмета (что позволяет связывать только что выделенную особенность точки зрения А.Ю. Мельвилля с самой сущностью компаративистского подхода). Поэтому Ильин, разделяя идею многоуровневости мировой политики, формулирует важные презумпции относительно онтологического единства в этом многообразии. Он считает, что мировая политика связана «с углублением модернизации и вступлением ее в фазу глобализации». Вне ее «остаются относительно изолированные политики, а также архаичные

или традиционные политические институты и процессы¹. Таким образом, взаимодействие осуществляется не между всеми субъектами мировой политики, а с участием лишь наиболее модернизированных из них, разделяющих если не представления о конкретных путях политического развития, то его «генеральной линии». В некотором приближении здесь можно говорить об отождествлении мировой политики и «демократического мира», а также об исторической аналогии с возникновением международной системы, которая также в течение длительного времени (по крайней мере, до второй половины XX века) оставалась партикулярной, европоцентричной. В силу этого можно предположить, что мировая политика также в результате продвижения модернизации будет охватывать все большую сферу.

На мой взгляд, предметному определению мировой политики препятствует концептуальная неполнота ее современного понимания. Для ее характеристики используются термины *world politics* и *world policy*, которые в русском языке не различаются, но могут быть переведены соответственно как борьба субъектов за власть и как общий курс мирового политического развития. При этом, если первый смысл развернут в полной мере, то *world policy* – очень условное понятие, которым обычно обозначают помочь беднейшим странам, политику «демократизации» или стратегию «устойчивого развития». Однако перечисленные обозначения спорны: борьба развитых стран с бедностью напоминает корпоративные программы «социальной ответственности бизнеса», то есть PR-акции, «демократизацию» многие исследователи связывают с интересами США, а устойчивое развитие можно ассоциировать с целями постиндустриальных стран. Таким образом, все это – частные политические курсы, сводимые к *world politics*, которые не могут претендовать на обозначение «мировая внутренняя политика². Эти аспекты мирового политического развития несложно рассмотреть с помощью концептуального аппарата международных отношений, что и делает, к примеру, Богатуров и многие другие авторы. Заметим, что политика каждого из субъектов международных взаимодействий относительно внутренних проблем и ситуаций – не новое явление, а обычная практика международных отношений как Вестфальской эпохи, так и предшествующих исторических периодов. Это отмечает и сам Богатуров.

Обретение политикой мирового развития концептуальной и, хотелось бы верить, реальной полноты связано с осмыслением процесса конструирования мировой политики, *world polity*. В отличие от системных концепций международной политики, полития заключает в себе смысл не абстрактного синергетического эффекта, но вполне сознательного согласования политики определенных участников мирового общения. Оно уже утвердилось в исследованиях европейской интеграции – многие ученые используют понятие

¹ Ильин М.В. Цит. соч.

² См.: Хабермас Ю. Постнациональная конstellация и будущее демократии // Логос. 2003.

№ 4–5. С. 109.

«Европолития»¹. Представляет интерес рассмотрение современной Европы как модели глобальной и региональных политий². С другой стороны, под понятием политической системы мира многими подразумевается структура силовых отношений, в центре которой находятся США. Эта конструкция является, по мнению сторонников данной точки зрения, основой современного глобального регулирования.

Однако и концепция Европолитии, и модель американского мирового порядка не вполне соответствуют смыслу мировой политии. Речь не о том, что европейский политический «консорциум» — образование регионального уровня. Напротив, Европолития — достаточно глобализированный, по меньшей мере — «метарегиональный» актор. При этом Европа политически партикулярна, ориентирована на согласование своего курса не в мировом масштабе, но на внутренний, а также (традиционно) — на трансатлантический консенсус. Политика Европейского Союза в отношениях с Ираном, некоторые области взаимодействия с Россией и другими регионами мира обнаруживают некоторые признаки становления «мирополитийности» ЕС. Что касается американского мирового порядка, то он в еще меньшей степени соответствует понятию «мировой политии». Модель глобального лидерства (гегемонии) как формы организации международных отношений не является новацией США. Сходные принципы глобальной организации просматривались в политике Португалии еще в XVI в., а в дальнейшем были развиты Нидерландами, Великобританией и некоторыми другими странами. Большой размах гегемонии США — еще не повод для прознаменования их историко-политической исключительности. С тем же успехом, что и США, могла быть названа «мировой политией» любая из исторических империй, если бы объединила континенты. Поэтому речь должна идти о новом качестве политической организации.

На сегодняшний момент сложно говорить о создании единой глобальной политии. Исходя из логики современных интеграционных процессов, вырисовываются контуры не глобальной, а ряда метарегиональных политических суперсистем. Критическим фактором мирового развития является успешность интеграции этих политий в измерении Север—Юг. В принципе, такое понимание близко цивилизационному подходу, который также предполагает становление региональных систем вопреки единой логике глобализации. Однако в данном случае «цивилизационность» не являются системообразующей характеристикой: на первый план выходят прагматические, функциональные соображения, связанные с необходимостью более эффективного управления глобальными процессами. Наиболее вероятно, что создание суперсистем в ближайшей перспективе пойдет по линии установления информационного кон-

¹ Шmittler Ф. Будущее демократии: можно ли рассматривать его через призму масштаба? // Логос. 2004 № 2. С. 146.

² Jorgensen K.E. Rosamond B. Europe: Regional Laboratory for a Global Polity? // CSGR Working Paper. Warwick. 2001. № 71.

ля, с помощью которого будет смягчаться неизбежная экономическая диспропорция сегментов. Цивилизационность, культурно-историческая общность тем не менее станут важными условиями создания информационного пространства метарегиональных консоциаций. Новейшие экономические технологии будут использовать организационный потенциал традиционных форм социальной организации¹, а социокультурная интеграция будет происходить по линии взаимодействия «постматериальных» ассоциативных групп (NGOs) и групп, сформированных обычаем. Таким образом, организационное закрепление может получить политика устойчивого развития как компромисс между экономическим ростом и сохранением окружающей природной, социальной и культурной среды. Можно согласиться и с исследователями, считающими важной составляющей строительства интегрированных политий деятельность научного сообщества². В течение длительного времени сохранят значимость постгосударственные институты, которые станут основой новых образований. Вполне вероятно, что метарегиональные политии будут предлагать конкурирующие модели управления глобальными процессами, что обозначит новые конфликтные области и одновременно будет способствовать тестированию возможных форм будущей глобальной политической системы. Эта перспектива в целом соответствует концепции многополярного мира. Есть основания рассчитывать на то, что участие в дальнейшем конструировании одной из мировых политий примет Российская Федерация, продвигаясь по направлению интеграции в регионе СНГ.

Здесь обрисована лишь потенциальная и достаточно отдаленная перспектива мировой политики. В любом случае правомерно характеризовать современный этап мирового развития как трансформационный, связанный с поиском оптимальной формы организации усложнившегося глобального взаимодействия. С этих позиций можно рассмотреть некоторые предлагаемые подходы к мировой политике.

Суть противоречия позиций М.М. Лебедевой и А.Д. Богатурова в том, что последний воспринимает основные параметры мировой политики, которые Лебедева считает структурообразующими, как средовые. Систему мировой политики образует межгосударственное взаимодействие, которое, в силу специфики среды, становится более взаимопроникающим. Это способствует широкому вмешательству США во внутренние дела государств и образованию сферы мировой политики. С другой стороны, Богатуров отмечает контратенденцию к восстановлению суверенитета, которая как бы отрицает формирование мировой политики. Можно согласиться с Богатуровым в том, что многие параметры мировой политики, выделяемые сегодня, относятся к среде политики, а для качественного определения мировой политики требуется прослеживание систем-

¹ Э.Г. Кочетов называет такое взаимодействие «этноэкономикой» // Кочетов Э.Г. Геоэкономика. М., 1999. С. 131.

² Drori G., Meyer J., Ramirez F., Schofer E. Science in the Modern World Polity: Institutionalization and Globalization. Stanford, 2003.

но-политических последствий. Однако нельзя принимать за мировую политическую систему американский мировой порядок. Это приводит к иной крайности — игнорированию мирового гражданского общества, не говоря о тех субъектах, которые в новом мировом порядке гражданских прав лишены. Последнее, конечно, находит отражение не только в теории, но и на практике. Следствие этого — контратенденции восстановления суверенитета, которые опять же будут подавляться попытками установления жесткого порядка.

Такие колебания курса мировой политики не будут способствовать устойчивому развитию: рано или поздно природная и социальная среда потребует более конструктивных форм регулирования. М.М. Лебедева, будучи сторонницей той точки зрения, что появление новых акторов и усиление взаимозависимости — структурообразующие факторы, склоняется к описанию создаваемой ими структуры мировой политики с помощью либеральной микроэкономической логики, т.н. логики «двуухровневых игр», взаимовыгодного взаимодействия государств и негосударственных субъектов. Однако такие игры, на мой взгляд, создают положительную сумму только в том случае, если ведутся в правовом пространстве. Современная мировая политическая среда правовому регулированию поддается с трудом. Поэтому повсеместно наблюдается «недобросовестная конкуренция». М.В. Ильин также вполне однозначно утверждает, что мировая политическая среда обретает системные качества. Говоря об отличительных чертах новой системы, он отмечает, что «типичные для архаичной и традиционной политики (отчасти и для политики не вполне зрелого модерна) «вечные» институты и процессы, предзаданные алгоритмы поведения и процедуры по мере формирования мировой политики начинают превращаться в институты-проекты и в процессы-эксперименты, в альтернативные и комбинируемые политические курсы (политики, policies)». Актуальной, по мнению ученого, «стала проблема «синхронизации», то есть по крайней мере сочленения, а то и согласования политических практик и институтов различных цивилизационных и geopolитических образований. Неизбежным стало изменение самой природы политического всех вовлеченных во всемирное взаимодействие политий и политических образований вплоть до племен и прочих малых сообществ. В этих условиях внешняя среда чужаков или варваров начинает превращаться в среду и систему партнерства и соревнования, которая по определению изменчива»¹.

Здесь мы также видим по сути сугубо либеральную трактовку. Сложно представить, каким образом может строиться конкуренция и партнерство, к примеру племен и ТНК, в отсутствие институциональных и процедурных рамок. Хотя, по всей видимости, племена будут в постоянном проигрыше. Здесь, очевидно, абсолютизируется динамический аспект развития. До логического завершения эту мысль доводит Д.Н. Песков, развивая проект мировой политики как современного знания о сверхдинамичном информационном пространст-

¹ Цитируется не публиковавшийся текст выступления М.В. Ильина на методическом семинаре в МГИМО(У) по проблемам мировой политики, прошедшем в конце 2004 г.

ве¹. «Процессы-эксперименты» и «институты-проекты» могут свободно реализовываться в пределах информационно-политического пространства западных обществ. Вне его они будут отзываться кризисами и жестокими конфликтами. Поэтому требуется создание мировых политий, в рамках которых подобные противоречия могут найти разрешение.

Такое понимание мировой политики позволяет предложить некоторые подходы к разрешению актуальных проблем новой дисциплины, суммированных, в частности, в статье М.М. Лебедевой². Возникновение новых субъектов не означает появления мировой политики, но лишь требует ее конституирования, выработки рамок взаимодействия. В этом же ключе надо понимать и проблематику, связанную с противостоянием «Север—Юг»: это измерение мирового социально-экономического конфликта также требует новых форм регулирования. В том, что знание о мировой политике на сегодня описывает не столько политику, сколько мировую социально-экономическую среду, видится объективная причина его междисциплинарности (некоторые вопросы о месте мировой политики в общенациональном контексте будут рассмотрены ниже). Противоречивые тенденции мирового развития следует рассматривать как встречные стратегии, в которых проявляется основополагающее для стадии становления политических систем противоречие между «порядком» и «свободой». Американский миропорядок можно рассмотреть как вариант абсолютизации полицейского начала в мировой политике, доминирование регулятивной составляющей. В ближайшее время стоит ожидать ослабления американского миропорядка с параллельным усилением активности ЕС, мирового гражданского общества, а также, возможно, активизацией государств-изгоев. За этим, возможно, вновь последует полицейская фаза. Наряду с колебаниями противоречивых тенденций будут упрочиваться конструктивные модели мировой политии, авторитет которых будет увеличиваться с каждым циклом колебаний.

Таким образом, основу видения объекта и предмета мировой политики с точки зрения хронополитических принципов составляет то, что «каждой темпоральной форме соответствует специфическое понимание элементов, которые используются для конструирования социальной действительности. Событийная временная рама расчленяет социальное время на последовательность дискретных и бесконечно делимых частиц. Соответствующее видение социального универсума визуализирует его элементы в терминах отдельных и разделенных акторов, непосредственно осязаемых свойств и разрозненных событий. Коньюнктурная рамка времени, напротив, изображает основные единицы социального времени как циклы или иные подобные образы темпорального движения. Корреспондирующийся с этим взгляд на социальную действительность фокусирует внимание на процессах, которые лежат в основе поведения акторов, свойств и событий. Эпохальное время еще дальше отодвинуто от повседневного опыта».

¹ Песков Д.Н. Мировая политика, или Бег на месте // Полис. 2005. № 1. С. 157–158.

² Лебедева М.М. Цит. соч. С. 110–112.

та... большая длительность должна рассматриваться не только как продолжающееся длительное время, но и «как вмещающее структуру системы», возникающую в один момент и рассеивающуюся в другой»¹. Эти концепции времени должны, на наш взгляд, рассматриваться синтетически, то есть как взаимодополнительные, чтобы формировать целостное динамическое представление об объекте мировой политики. Такое временное восприятие современного политического мира адекватно задаче теоретического исследования трансформации в современной мировой политике. В исследовании трансформации важными являются и темпоральные характеристики трансформирующейся системы, то есть современной мировой политической (межгосударственной) системы, и предшествовавшие ей (конкурировавшие с ней) формы всемирной политической организации (имперские) и множественные новые субъекты современного мирового взаимодействия с их инновационными практиками.

Вообще же представляется, что определение мировой политики не должно отталкиваться исключительно от глобальности, указания на географически-планетарный характер мировой политики. Исторические политики были в своем смысле *мировыми*. Иными были как географические, так и социально-политические представления о *мире*. В этом отношении можно обратиться за аргументами и к современным миросистемным теоретикам, утверждающим, что объект их исследований существует пять тысяч лет². У племенных протополитических структур был свой мифический мир, исторические империи мыслили себя *мировыми*, даже универсальными. «Политика» Аристотеля — это «мировая» политика, поскольку в полисе он видел «высшее завершение» и «наивысшее существование» политики. Вполне убедительно звучит и тезис о том, что мировая политика стала таковой в эпоху Великих географических открытий. Например, Модельски упоминает в данной связи договор между Испанией и Португалией в Тордесильясе в 1494 г., оформленный, по его мнению, первым глобальным политическим режим³. Именно подобного рода переделы мира и расширение доли Германии в них подразумевались немецкой *Weltpolitik*, концептуализированной в конце XIX века⁴. Указания на большую культурную разнородность, высокую сложность структуры современных обществ по сравнению с теми, что входили в состав империй, носят количественный характер. Качественно различается именно способ организации: племя, империя, международная система.

Значение хронополитики для мировой политики не исчерпывается изучением эволюционных форм политической организации. Хронополитика может пониматься как конструктивная деятельность, направленная на обеспечение

¹ Ruggie J.G. Constructing the World Polity: Essays on International Institutionalization. L; N.Y., 1998. P. 157.

² Frank A.G. Gills B.K. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? L, N.Y., 1996.

³ Modelska G. The Study of Long Cycles // Exploring Long Cycles / Ed. by G. Modelska. L, 1987. P. 25.

⁴ Максаковская Е.Д. «Мировая политика» и германский либерализм в конце XIX — начале XX вв. // Международный исторический журнал. 1999. № 4.

социально-политического развития, которая приобретает особую значимость и перспективность в условиях кризиса. В отличие от «монологических» схем классической социальной науки, обосновывавших подобного рода деятельность с позиций объективного познания законов истории, современная хронополитика подразумевает процесс согласования различных политических курсов развития в процессе строительства «общего будущего». В данном смысле позиция М.В. Ильина, который видит в мировой политике *«появление нового аспекта Политического — организации и взаимодействия (конкуренции и согласования) политических курсов (policies), ориентированных на обеспечение альтернатив политического поведения»* (курсив в оригинале. — И.Ч.) вызывает поддержку. С другой стороны, этот аспект политического существует во многом виртуально. В таком качестве можно рассматривать относительно небольшое число государств с их субнациональными элементами (это прежде всего государства, регионы и даже некоторые муниципалитеты стран Европейского Союза), а также сеть международных организаций. В остальном преобладают односторонние курсы, основанные на партикулярных интересах, и их экстремальные альтернативы. В этом отношении нельзя не согласиться с мнением А.Д. Богатурова, который пишет, что «всемирная угроза сетевого терроризма и коррупция транснациональных финансовых сетей, отправленных наркоденьгами, могут самым неожиданным образом создать в мире стимул к союзу всех государств против всех криминализированных трансгосударственных сетевых субъектов, что вряд ли приведет к ослаблению государствоцентризма в международной системе»¹. Бесспорным достоинством хронополитического подхода видится то, что он не отрицает ни одну из форм политической организации, в том числе межгосударственное взаимодействие.

В качестве основных теоретико-методологических подходов к исследованию мировой политики обычно называют реализм (неореализм), либерализм (неолиберализм), а также неомарксизм и постмодернизм. Такие теоретические концепции, как плюрализм и транснационализм иногда выделяются в качестве самостоятельных², но могут рассматриваться в качестве течений в рамках неолиберальной теории или в качестве синонимичных названий последней³. Аналогичным образом конструктивизм рассматривается как одно из направлений постмодернизма в теории мировой политики. В данном разделе рассматривается специфика понимания времени в рамках названных подходов и предлагается синтез теоретических противоречий на основе принципов хронополитики.

Ю.М. Павлов справедливо отмечает, что в современных методологических подходах к исследованию мирового политического процесса время понимается

¹ Богатуров А.Д. Поятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1.

² См.: Павлов Ю.М. Мировая политика и международная экономика. М., 1998. С. 34–49; Цыганков П.А. Мировая политика: содержание, динамика, основные тенденции // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 134.

³ См.: Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003. С. 35–36.

по-разному: «Так, реалисты подчеркивают вневременное качество международных отношений, то есть независимо от времени действуют основные факторы. Плюралисты считают, что природа международных отношений меняется с годами, т.е. они исходят из того, что существует качественное различие между дипломатией XVII века и нынешней¹». Если говорить о представителях неомарксизма и постмодернизма, то они уделяют историческому или темпоральному измерению мировой политики еще больше внимания.

Действительно, как замечает Цыганков, «теоретические позиции политического реализма относительно глобальных перемен подвергаются серьезной критике². Подобные оценки высказывают и зарубежные исследователи. Так, классическая концепция неореализма, представленная в работах К. Уолца³, как отмечает, в частности, Дж. Рагги (Ruggie), содержит только логику воспроизведения, но не логику трансформации. Неореалисты, пишет Рагги, утверждают, что значимого различия между средневековой Европой и современной системой государств не существует, так как конфликтующие группы, стремящиеся получить преимущества, формирующие альянсы и использующие силу для урегулирования споров, существуют в обоих случаях. Другим аргументом неореалистов является то, что и сегодня в мире происходит недостаточно для того, чтобы оправдать необходимость теории трансформации, и Вестфальская система современных государств за редким исключением сохраняется⁴.

С близкой по духу критикой распространенных теорий международной политики выступает Дж. Модельски. «Реалисты, — пишет он, — в основной массе игнорируют время. Их мантра «государства являются основными акторами мировой политики» запутывает больше, чем проясняет, и делает сложным сам подход к институциональному изменению, не говоря об объяснении этого явления⁵. Как ни странно, вечные теоретические оппоненты реализма, сторонники либерального подхода, также не уделяют проблеме трансформации достаточно внимания. Известна атепоральная концепция политической истории Ф. Фукуямы. Менее ортодоксальные версии либерализма, объединяемые рамками «неолиберализма», парадоксальным образом смыкаются с неореалистическими: они представляют международную среду как рынок, на котором действуют различные агенты, а новые реалисты — как поле боя. И в том, и в другом случае делается попытка найти универсальные законы поведения субъектов,

¹ Павлов Ю.М. Цит. соч. С. 49.

² Цыганков П.А. Глобальные политические тенденции и социология международных отношений // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. Цыганкова П.А. М., 1998. С. 25.

³ Краткий обзор концепции см.: Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., научн. ред. и коммент. П.А.Цыганкова. М., 2002. С. 89–110.

⁴ Ruggie J.G. Constructing the World Polity: Essays on International Institutionalization. L.; N.Y., 1998. P. 25–26.

⁵ Modelska G. Time, Calendars and International Relations: Evolution of Global Politics in the 21st Century. Paper presented at the 37th annual convention of the International Studies Association in San Diego. April 16–20, 1996. <http://faculty.washington.edu/modelska/>

не зависящие от той или иной формы организации политических отношений в мире и внутренней структуры субъектов отношений. Дж. Рагги, критикующий такое положение с позиций конструктивизма, на этом основании объединяет неореализм и неолиберализм в единое течение, которое называет неоутилитаризмом. Сторонники этого подхода, как считает Рагги, «мало что могут сказать по вопросу системной трансформации»¹. Модельски также отмечает, что спор реалистов и либералов уводит от понимания трансформации в мировой политике.

Объединение неореализма и неолиберализма в единое течение, формирующее «мейнстрим» теории мировой политики и международных отношений, характерно для представителей «критической теории» — неомарксистов и постмодернистов. По мнению сторонников критической теории, общепринятые теоретико-методологические подходы к исследованию мировой политики и международных отношений попросту игнорируют социально-историческое время. Развернутую критику мейнстрима теории международных отношений с этих позиций можно найти, например, в сборнике «Историческая социология международных отношений». Автор вступительной статьи и один из редакторов сборника Дж. Хобсон (Hobson) утверждает, что для современной теории международных отношений характерны хронофетишизм и темпоцентризм. Однако эти термины означают отнюдь не чрезмерное внимание со стороны теоретиков к временному измерению международной жизни, как может показаться, не рассмотрение времени в качестве центральной категории международно-политических исследований, а как раз обратное. Хронофетишизм на самом деле можно перевести на привычный язык обществоведения как «антиисторизм», а темпоцентризм ближе к понятию «презентизм».

«Хронофетишизм, — в концепции Хобсона, — это допущение того, что настоящее может быть адекватно объяснено только исследованием дня сегодняшнего (и тем самым вынесением за скобки или игнорированием прошлого)². Если хронофетишизм приводит к «изоляции» настоящего, в условиях которой оно оказывается автономной, естественной, спонтанно возникшей и неизменной сущностью, темпоцентризм экстраполирует такое «хронофетишизированное настоящее» назад во времени так, что дисkontинуальные разрывы и различия между историческими эпохами и межгосударственными системами сглаживаются и вследствие этого не учитываются. В данном случае, замечает Хобсон, история оказывается подчиненной регулярному темпу, соответствующему ритмам современной мировой политической системы. Это напоминает исследователю «зависимость от траектории предшествующего развития», взятую наоборот. Темпоцентризм является, таким образом, методологией, применяя которую, теоретики рассматривают историю через «хронофетишистские

¹ Ibidem.

² Historical Sociology of International Relations / Ed. By Stephen Hobden & John M. Hobson. Cambridge, 2002. P. 6.

линзы». Другими словами, реконструируя все исторические системы по образу и подобию современной, они усредняют их, делают гомологичными или «изоморфными» (имеющими одинаковую структуру).

Например, одна из основных теорий МО — неореализм — полагает, что история повторяется, ничто не изменяется, так как анархия присутствует всегда (независимо от времен), или что история принимает форму повторяющихся изоморфных циклов «великих держав или гегемонов» с идентичными фазами, циклов, отличающихся друг от друга лишь тем, *какая именно великая держава* возвышается или приходит в упадок. Так, неореалисты полагают, что соревнование Афин и Спарты как сверхдержав эквивалентно недавней холодной войне между США и СССР или что современная государственная политика Соединенных Штатов в общих чертах идентична историческим примерам политики великих держав, таких, как Испания шестнадцатого века, Объединенные Провинции (Нидерланды) семнадцатого столетия, Франции века восемнадцатого или Британии девятнадцатого (в качестве сторонников последней концепции можно упомянуть Пола Кеннеди и Роберта Гилпина). На наиболее общем уровне, неореалисты темпоцентристски заключают, что «классическая история Фукидида является столь же полезным пособием о поведении государств сегодня, каким была во время написания, в пятом веке до н.э.» (Гилпин), или что «политика баланса сил в форме аналогичной той, что известна нам, проводилась различными политическими образованиями, от античного Китая и Индии до греческих и итальянских городов-государств и по сей день» (Уолл). Это и есть тот теоретических ход, который представляет всех исторических субъектов изоморфными и гомологичными, что приводит неореалистов к выводу, что мировая политика всегда должна управляться вневременной и постоянной логикой анархии, что таким образом самым позволяет им отделаться, по мнению критиков, от историко-социологического исследования.

Темпоцентризм также обнаруживается сторонниками критической теории в неолиберальном институционализме, в теории международных режимов. Неолибералы считают, что государства имеют неизменную сущность (идентичность) и интересы; что они являются рациональными эгоистами и стремятся максимизировать свои долгосрочные выгоды, и что быстрее всего это может быть достигнуто, когда они связывают себя кооперативными нормами, воплощенными в международных режимах, созданных государствами. Несмотря на то, что многое в неолиберальной теории, по мнению критиков, прогрессивно, этого не достаточно для того, чтобы признать, что сотрудничество и международные режимы имеют место просто в силу вневременного предположения о том, что государства — рациональные эгоисты. Если это предположение верно, то почему многосторонние экономические институты и международное экономическое сотрудничество возникли только в XIX веке (а в полной мере только после 1945-го)? — задаются вопросом их оппоненты. Проще говоря, если суверенное государство — рациональный эгоист существовало с 1648 года (что само по себе является проблематичным допущением), почему мы должны были

ждать возникновения подобного рода институтов как минимум двести лет? Так, в типичной темпоцентристской манере, неолиберальный институционализм не признает того, что международная многосторонняя экономическая кооперация уникальна для эры позднего модерна, что подразумевает невозможность его объяснения как простой функции рационального поведения государства¹.

В итоге, главным ограничением мейнстрима теории международных отношений, по мнению сторонников современной критической теории, является сужение международной истории (темпоцентризм) и выхолащивание настоящего (хронофетишизм). Соответственно, обе разновидности антиисторизма успешно вычеркивают вопрос «изменения» из повестки дня теории международных отношений. В качестве альтернативы Хобсон предлагает обратить внимание на «нарушения преемственности и проявления случайности, которые, на самом деле, характеризуют международные отношения прошлого и настоящего»².

В конструктивизме выделяются несколько подходов к проблеме трансформации мировой политики во времени. Один из наиболее ярких представителей конструктивизма, Дж. Рагги, говорит о трех. Первый — чисто теоретическое решение проблемы трансформации, которое основывается на понятии «двойственности структуры» Э. Гидденса. Оно заключается в понимании того, что структура как ограничивает действие, так и служит посредником, с помощью которого акторы действуют и в процессе деятельности изменяют саму структуру (подобный взгляд разделяют, в частности, такие исследователи, как Вендт и Десслер). Второй конструктивистский подход к проблеме времени, которого придерживается и сам Рагги, является более эмпирическим и представляет собой попытку определить «макроструктурное» измерение международной политики, показав ее зависимость от пространства и времени. Задача этого подхода — продемонстрировать, что структура представляет собой комплекс определенных социальных практик, существующих в пространстве и времени, определить формальные характеристики этих практик и исследовать, каким образом они подвергаются изменению. Так, Рагги исследует пространственную организацию территориального государства эпохи модерна и приходит к выводу, что она претерпевает медленную, но глубокую трансформацию. Третьим направлением исследований трансформации в рамках конструктивизма является выделение, описание и определение последствий инновационных «микропрактик» — деятельности неправительственных, например, правозащитных организаций³.

В постмодернизме время, изменения и трансформация выступают центральными категориями. Это следует из основных принципов данного интеллектуального течения — «безграничного релятивизма, приверженности тезису

¹ См.: Ibid. P. 9–12.

² Ibid. P. 12.

³ Ruggie J.G. Op. cit. P. 26–27.

о безраздельном господстве случайности и деструктивных тенденций»¹. Основу работ сторонников постмодернизма составляет критика классических концептуальных подходов. Они считают, что основные концептуальные категории реалистической традиции, например суверенитет и анархия, больше не соответствуют наблюдаемым фактам международной жизни. Р. Уокер (R.B.J. Walker), например, обвиняет основные направления теории международных отношений в том, что они «остаются захваченными внутри дискурсивных горизонтов, выражающих пространственно-временные конфигурации другой эры». Сьюзан Стрендж утверждает, что «...обществоведы, особенно политологи и экономисты, цепляются за устаревшие понятия и неадекватные теории. Эти теории принадлежат более стабильному и упорядоченному миру, чем тот, в котором мы живем». Результатом является «однобокая социальная наука». Для других традиционные понятия являются просто «дискурсивными стратегиями», используемыми для подыгрыша политическим силам. Согласно этим взглядам, мы живем в эру глубоких перемен, но наши способы видеть мир не изменились. Немногие из привычных реалий, скажем девятнадцатого века, остались с нами до сих пор. Мы продолжаем использовать старый концептуальный аппарат на свой собственный страх и риск. На нас возложено разрушить наши интеллектуальные темницы, чтобы уйти от ритуальных заклинаний, когда-то имевших теоретическое и описательное применение, но более неспособных выразить те вещи, которые являются действительно новыми и неизвестными. Нам необходимо обновить наше концептуальное снаряжение и взглянуть на мир по-новому. Сегодня традиционные понятия функционируют скорее как онтологические шоры, чем способствуют пониманию².

Постмодернисты акцентируют значение времени для конструирования новой политической онтологии. «Национальное государство, — пишет П. Вирлио, — растворяется в более обширной глобальной совокупности; этим объясняются нынешние регрессии, конфликты, гражданские войны. Под вопрос ставится статус города: он оказывается больше чем городом. В результате открытия европейских границ, начиная с 1993 года, нации утратят значительную часть своей власти в пользу мегаполисов, таких, как Берлин, Париж, Лондон, в пользу огромных городов-архипелагов... Мы являемся свидетелями не просто распада Советской Империи и феномена одинокой... сверхдержавы (я имею в виду США), мы, по моему убеждению, присутствуем при радикальном изменении отношения к политике в целом. Налицо кризис geopolитики, уступающей место хронополитике, политика реального времени начинает доминировать над политикой реального пространства».

¹ Цыганков П.А. Глобальные политические тенденции и социология международных отношений // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. Цыганкова П.А. М., 1998. С. 26.

² См. Holsti K.J. The Problem of Change in International Relations Theory // Institute of International Relations: The University of British Columbia: Working Paper, № 26. December. 1998. P. 2–3.

Взгляд Вирилио — лишь один из образов перманентного изменения, де-конструкции и фрагментации, характерных для постмодернизма. Государства распадаются не только на «города-архипелаги», но на индивидуальные тела. Впрочем, для постмодернизма распад и хаос являются скорее желаемым, чем действительным, политической программой, но не описанием реальности. В последнем же преобладает пессимизм, коренящийся, в свою очередь, в специфическом взгляде на время. Типичным для постмодернизма является положение о том, что «шоу отменяет историю»¹. Так, Ги Дебор отмечает, что заветным желанием шоу-культуры является устранение исторического сознания: «С блестящим мастерством спектакль организует неведение того, что должно случиться, и тут же после этого забвение того, что было тем не менее понято»². У Ж. Бодрийяра «реальное время» «затягивает петлю времени на нем самом, в мгновении спонтанности, разрушая всю иллюзию прошлого и будущего»³.

А.С. Панарин отмечает: «Постмодернизм... уничтожает будущее время или историю на пути пространственного всесмешения, безбрежного релятивизма и всеядности». Вместо отложенных реплик, в которых заложена энергетика долгого ожидания и тираноборческой морали, постмодерн выстраивает плюралистическое пространство немедленных реплик, само многообразие которых предопределяет их взаимную нейтрализацию и лишает историю вектора. Словом, постмодернизм полон решимости преодолеть время посредством радикального увеличения вместительности пространства, стремящегося стать «всеядным». Если прежде то, что не помещалось в суженном пространстве настоящего, просилось в будущее, откуда оно могло мстить настоящему, не давая ему голоса, то теперь, как ожидается, безгранична поместимость и «многомерность» пространства лишает будущее энергетики ответа»⁴.

Тем не менее для постмодернизма, проповедующего бесконечное цитирование, особая разновидность исторического сознания все же характерна — она проявляется здесь в возвращении историческим формам культуры и, в частности, политической организации. Города Вирилио — очевидное подтверждение. В итоге постмодернизм рисует пеструю картину, на которой разнообразные агенты безуспешно борются за право на различие, незаметно для себя становясь участниками глобального спектакля, за пределами которого ничего не изменяется и властные конфигурации все так же устойчивы. Весьма сходный, хотя иначе обосновываемый взгляд на проблематику политического постмодерна предлагает М.В. Ильин. Он утверждает, что современные процессы глобализации и изменение роли государства надо связывать не с возникновением новой

¹ См.: Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998. С. 177.

² Цит. по: Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998. С. 177.

³ Бодрийяр Ж. Эстетика иллюзий, эстетика утраты иллюзий // Элементы. Евразийское обозрение. М., 1998. № 9. С. 21.

⁴ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000. С. 54.

формы политической организации, а с дальнейшим развитием наций и межгосударственных систем, созданием политических систем-хортик — это нации, создающие вокруг себя информационные ореолы по аналогии с колониальными ореолами раннего модерна. Поэтому говорить о действительном изменении в современном политическом мире не приходится.

Такой взгляд на современный политический мир разделяют и сторонники неомарксизма, хотя исходные положения данного теоретического подхода лежат в иной плоскости — скорее экономической, чем культурологической или политологической. Один из наиболее последовательных адептов неомарксизма в мировых исследованиях И. Валлерстайн считает одним из главных атрибутов современной миросистемы то, что она «оставляет место для множества социальных конструкций времени и пространства». Этот атрибут, по мнению Валлерстайна, «придал ей огромную гибкость и эластичность, но в то же время исключительную способность скрывать от вовлеченных в нее реальность того, что с ними происходит». При этом в марксизме и в «миросистемном» марксизме теория исторической и политической трансформации, как известно, занимает одно из центральных мест и является весьма развитой. Если в среднесрочном плане мировая капиталистическая система демонстрирует способность сохранять равновесие, то в долгосрочном плане существующие противоречия, связанные как с углублением экономических кризисов, так и с консолидацией антисистемного движения, приводят, по мнению неомарксистов, к ее разрушению¹. В литературе по теории международных отношений неомарксизм долгое время являлся чуть ли не единственной концепцией, затрагивающей проблематику формирования современного национального государства и межгосударственной системы (как результата и институциональной формы капиталистического развития), а также вопросы системной трансформации.

Концепция Валлерстайна стоит особняком в нашем анализе теоретических подходов к мировым исследованиям, так как этот ученый сумел синтезировать ряд альтернативных, как ранее казалось, решений проблемы времени в концепции «пространственно-временных реальностей». Суть этой концепции заключается в различении нескольких форм времени (и пространства) — вечного времени, эпизодического (событийного) времени, структурного времени, циклического времени и, наконец, трансформационного времени. Вечное и эпизодическое время — две распространенные концепции времени, которые, по мнению Валлерстайна, легли в основу всех современных общественных наук. На концепции вечного времени основываются классические социальные теории, связанные с поиском всеобщих законов социально-исторического развития. Концепция событийного времени также весьма влиятельна и проявляется в «индивидуализирующих», «идеографических» обоснованиях общественных наук. Очевидно, что именно «вечное время» лежит в основе общих теорий меж-

¹ См., к примеру: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2000. С. 114–117.

дународных отношений — реализма и либерализма. Событийное время предлагаются в качестве основы теории цитированные выше критики мейнстрима международных отношений и постмодернисты. Вечное и событийное время — полярные концепции темпоральности, вокруг которых не прекращается мало-продуктивный, по мнению Валлерстайна, методологический спор. Поэтому он, вслед за Ф. Броделем, различает также структурное время, время циклическое, а также вводит понятие трансформационного времени. Структурное время выражает неизменное существование в течение весьма длительного времени определенной социальной системы (у Валлерстайна — современной миросистемы). Циклическое время соответствует естественным ритмам этой системы (Валлерстайн пишет в данной связи об экономической конъюнктуре, волнах Кондратьева). Трансформационное время ближе к событийному, подразумевает субъектность и спонтанность, но не абсолютизируется, как это происходит с событийным временем. Оно имеет место между двумя эпохами большой длительности, в течение этого времени формируется новая структура.

На наш взгляд, подобное понимание времени может стать основополагающим и для теории мировой политики. Оно позволяет преодолеть существующую сегодня атеоретичную трактовку мировой политики и избежать ограничений, присущих классическим теориям международных отношений. Ученые, чьи мнения были приведены, едины в том, что мировая политика представляет собой новую форму организации политических отношений. Однако, на мой взгляд, из этого следует необходимость научного осмыслиения самой трансформации, то есть появления новых форм политики, возникающих в процессе совокупной деятельности и взаимодействия государств и негосударственных субъектов политики, их преемственности по отношению к традиционным, логики их дальнейшего становления и развития. Именно в таких предметных рамках представляется возможной самореализация мировой политики как научной дисциплины, призванной решать в данном качестве задачи объяснения и предсказания. Решение же этих задач, как было показано выше, зависит от дальнейшего углубления хронополитических представлений.

В современных теоретико-методологических подходах к теории мировой политики соперничают две полярные концепции времени. Первая характерна для общепринятых теорий, заимствованных из традиционных исследований международных отношений. Вторая используется их критиками — неомарксистами, постмодернистами, конструктивистами. Первая неадекватна с точки зрения объяснения и предсказания глубокой трансформации в мировой политике, не учитывает существующие сегодня возможности отдельных субъектов политики коренным образом изменять ситуацию на мировой арене. Вторая, наоборот, уделяет чрезмерное внимание практическим вопросам и текущим событиям, делает акцент на описании и фактфиксаторстве, что не позволяет рассматривать мировую политику как научно-теоретическую дисциплину в полной мере. Синтез этих позиций представляется наиболее продуктивным с точки зрения развития теории мировой политики. Сквозь призму такого синтеза

наблюдаемые сегодня интенсивные изменения на мировой арене обозначивают трансформационный период, в ходе которого будет сформирована достаточно устойчивая структура политических отношений на глобальном уровне. Протекающей сегодня трансформации предшествовал другой структурный период, в рамках которого можно было наблюдать определенные закономерности и проследить конъюнктуры (например, гегемонистские циклы). Такой взгляд на архитектонику современной теории мировой политики позволяет сохранить ее современное прикладное, праксеологическое звучание и приобрести вместе с тем строгие черты теоретического знания.

Выше уже приводилось разделяемое нами мнение Э.А. Позднякова, что отличительной чертой системы понятий в науке о мировой политике является в большей мере расхождение мнений, нежели согласие. Этот взгляд можно уточнить констатацией, что общепринятой *системы* понятий и категорий теории мировой политики и международных отношений до сих пор не сложилось. Еще одной характерной чертой современного понятийно-категориального аппарата мировой политики, который, на наш взгляд, далек от того, чтобы быть окончательно сформированным, является соединение самых различных терминов, относящихся как к теории, так и к практике, характеризующих историю мировой политики, а также заимствованных из концептуального аппарата смежных дисциплин. По крайней мере это справедливо для вокабуляров, которыми снабжаются некоторые современные работы, посвященные мировой политике¹. Более того, в современной терминологии изучающих мировую политику специалистов можно встретить публицистические или даже художественные метафоры, широко использующиеся наряду с научными концептами. Так, известный канадский ученый-международник К. Холсти приводит распространявшиеся в современных исследованиях обозначения новой эры мирового развития: «глобальная деревня», «Земля — космический корабль», «новый миллениум» и др.² Здесь сказывается влияние неклассических и постмодернистских подходов к мировым исследованиям, в которых концептуальная строгость не считается необходимым атрибутом современного научного творчества, а метафоричность, образность, наоборот, приветствуются. Однако наиболее адекватное объяснение такому положению вещей видится в специфике сегодняшнего этапа становления мировой политики, сочетающей теоретические разработки с описанием практики.

Анализ теоретической литературы позволяет сделать вывод, что к основным категориям и понятиям мировой политики как научно-теоретической дисциплины можно отнести такие, как система, структура, процесс и актор. Наиболее употребимыми применительно к мировой политике являются категории системы и структуры — эти категории используются представителями

¹ См., к примеру: Лебедева М.М. Цит. соч. С. 334–349.; Павлов Ю.М. Цит. соч. С. 97–100; Kegley Ch.W(р.), Wittkopf E.R. World politics: Trend and Transformation. N.Y., 1993. P. 575–588.

² Holsti K. Op. cit. P. 3.

практически всех теоретических школ. «Предлагая разные подходы к анализу проблемы, большинство из них привержены (правда, в различной степени) системному подходу», — пишет Цыганков¹. Категория «мировой политический процесс» непосредственно связана с динамическим измерением мировой политики и поэтому представляет в данном контексте особый интерес. В качестве основополагающей для мировой политики категории «процесс» рассматривается Ю.М. Павловым и П.А. Цыганковым. Павлов, в частности, рассматривает в своих исследованиях в качестве объекта не мировую политику, а «мировой политический процесс».

Важным фактором при выборе именно этого ряда понятий для целей нашего анализа является также их взаимосвязь, которая характеризуется исследователями мировой политики следующим образом: «Понятие политического процесса тесно связано с понятием политической системы. В нем отражается динамическое измерение системы и последовательная смена ее состояний. В международных отношениях политические процессы являются результатом взаимодействия их многообразных участников — внешней политики государств, деятельности межправительственных и неправительственных организаций, а также многочисленных новых «акторов вне суверенитета». Подчеркивая указанную взаимосвязь, канадский политолог М. Брехер пишет, что «международная система состоит из совокупности акторов, которые зависят от внутренних (контекст) и внешних (среда) принуждений, находятся по отношению друг к другу в той или иной форме властных отношений (структура) и включены в регулярные сети взаимодействий (процесс)»². Кроме того, нельзя не согласиться с Ю.М. Павловым, который в своих опытах классификации понятий и категорий теории мирового политического процесса относит категории «мировая политическая система, ее структура, мировой политический процесс и мировой политический порядок» к отражающим переход от хаоса к порядку, единству, или же классифицирует их как обозначающие целостность политической жизни общества³. Так как категория политического времени тоже характеризует целостность политической действительности, рассмотрение хронополитики именно в данном концептуальном ряду представляется наиболее оправданным.

Необходимы уточнения относительно нахождения в нашем ряду понятия «актор». В рассматриваемом контексте было бы логичным говорить о порядке в мировой политике, к чему склоняются и некоторые ученые, позицию которых мы приводили. Однако это понятие не отражает реальности мировой политики, сегодняшний день которой более адекватно характеризуется терминами «турбулентность», «бифуркация» и т.п. Альтернативное понятие «хаос» также

¹ Цыганков П.А. Цит. соч. С. 133.

² Мировая политика: проблемы теории и практики / Под ред. Цыганкова П.А., Фельдмана Д.М. М., 1995. С. 16.; Brecher M., James P. Crisis and Change in World Politics. L., 1986. P. 10.

³ Павлов Ю.М. Тематика курса «Мировой политический процесс» // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 6. С. 63–64.

не вполне соответствует рассматриваемым реалиям, так как логика, связанная со стратегиями участников современной мировой политики, все же различима. В конечном счете, применимость понятий «порядок» или «хаос» зависит от доминирующей характеристики деятельности участников мировой политики — или она подчиняется общим правилам, или отклоняется от них, поэтому понятие «актор» связывает эти категории. Кроме того, упорядоченность политических отношений в рассматриваемом нами ряду выражается понятием структуры. Наконец, участники мировой политики (новые, нетрадиционные, негосударственные) чаще всего включаются в само определение этой дисциплины, а их изучение составляет концептуальную основу мировой политики. Характеристика участников мировой политики именно как субъектов подчеркивает самостоятельный характер их стратегий на мировой арене, тогда как понятия «актор» или «агент» подразумевают функциональность, зависимость поведения.

В существующих концепциях международной системы анализируется целый ряд аспектов политической динамики. Может ли хронополитика дополнить и углубить понимание политической изменчивости, предлагаемое системным подходом?

Так, Д. Зиннес в обзорной статье, открывающей сборник «Изменение в международной системе», вычленяет в литературе, посвященной основной проблеме сборника, в том числе в работах таких исследователей, как М. Каплан, Э. Луард, Р. Роузкранс, К. Холсти, два класса переменных, варьирование которых рассматривается как международное изменение. Первый класс образуют «составные», или «композиционные», переменные, которые характеризуют международные системы, суммируя атрибуты составляющих ее государств. Ко второму относятся «конфигурационные» переменные, определяющие систему в терминах связей между государствами. Среди «составных» переменных исследователи уделяют основное внимание таким, как количество государств в системе и распределение власти между ними. Две другие, реже встречающиеся в литературе, — основная характеристика целей государств в международной системе, а также тип правительственной структуры или системы принятия решений в государствах-элементах системы. Из конфигурационных переменных в качестве наиболее важной рассматривается характер связи между нациями — сотрудничество или вражда. Эта переменная характеризует структуру альянсов сформировавшихся внутри данной системы. Еще одна переменная — набор правил и норм, управляющих поведением и взаимодействием наций. И, наконец, третья касается самооценки и взаимной оценки государств, однозначности или неоднозначности их статуса на мировой арене¹.

На наш взгляд, большинство из представленных переменных отражают изменение в рамках мировой системы, но не ее трансформацию, характеризуя собой пространство ее состояний. Исключения — характеристика целей госу-

¹ Подробнее см. Zinnes D.A. Prerequisites for the study of system transformation // Change in the International System. Boulder (Col.), 1980. P. 7–13.

дарств, тип правительственнои структуры или системы принятия решений во входящих в систему государствах, а также правила и обычай, которым подчиняются нации. Заметим, однако, что правилам и обычаям государства подчиняется весьма выборочно и достаточно сложно определить таковые хотя бы при близительно к знакомой нам современной системе. Цели же государств выделены нами не потому, что их изменение означает системную трансформацию — наоборот, их изменение может даже не связываться с изменениями внутри системы, обозначая колебания политического курса отдельных держав, или же, что происходит еще чаще, смену форм идеологического прикрытия целей. То же самое можно сказать и о системе принятия решений. Так, упоминаемые Зиннес учеными говорят о следующих возможностях варьирования этой переменной: принятие решений одним лицом, принятие решений олигархической группой, принятие решений значительной частью населения. Очевидно, что в мировой политической истории эти варианты принятия решений, особенно если речь идет о внешнеполитическом курсе, не могут быть четко идентифицированы и классифицированы по историческим эпохам. Как в имперских системах могли приниматься популистские решения, так и современные «полиархии» зачастую ведомы единоличным решением или еще чаще курсом, вырабатываемым весьма ограниченной группой лиц. Далее заметим, что Зиннес настойчиво использует термин nation как синоним элемента системы, фактически подразумевая этим, что дифференциация элементов системы не рассматривается как переменная. Суть подобного аналитического приема раскрывает Дж. Рагги на примере неореалистской теории международной политики К. Уолца.

Понятие политической структуры, формулируемое последним, включает три компонента: 1) принцип, в соответствии с которым система упорядочивается или организуется; 2) дифференциация элементов и спецификация их функций и 3) степень концентрации или диффузии властных возможностей. В отношении второго компонента международной политической структуры Уолц утверждает, что в системе, основанной на принципе «помоги себе сам», элементы, вынужденные бороться, должны быть функционально идентичны — идентичны в смысле общих задач, которые перед ними стоят. Различаются они исключительно властными возможностями, что характеризуется третьим компонентом определения политической структуры¹. Таким образом, формируется картина вневременного характера международных отношений, о которой говорилось в предыдущем разделе. Исследователи мировой политики Брехер и Джеймс в своем подробном обзоре литературы по теории международных систем, предваряющем исследование кризисов и изменения в мировой политике, определяют изменение как «сдвиг или перемену в существующем образе взаимодействия между двумя или более акторами в направлении усиления конфликта или сотрудничества». «Изменение, — замечают они далее, — может также происходить в структуре системы, а именно как увеличение или уменьшение количества ак-

¹ Ruggie J.G. Op. cit. P. 140—141.

торов и/или смещение в распределении сил среди них¹. Здесь мы также видим, что понимание изменения ограничено рамками системы.

В связи с системными категориями хронополитика уже рассматривалась Дж. Модельски. «Изучение длинных циклов, — пишет Модельски, — это изучение ритма глобальной политики. Прежде всего оно имеет отношение к временному измерению политического процесса и степени, в которой этот процесс изменяется во времени. Так как оно сосредоточено на времени, это изучение принадлежит полю, которое может быть названо «хронополитикой» (*chronopolitics*), но поскольку в первую очередь оно имеет дело с крупномасштабными системами, полным названием может быть «хрономакрополитика» (изучение ритмов крупномасштабных политических систем)². Модельски выделяет четыре измерения глобальной политии, в которых она претерпевает изменения. Это: а) поляризованность, измеряющая распределение сил в глобальной политической системе; б) системное время, описывающее фазу развертывания длинного цикла; в) коалиционность, выражаящая степень сотрудничества и г) макрорешение, определяющее лидера в глобальной политике³. Таким образом, приведенная дефиниция хронополитики Дж. Модельски, а также рассмотренные выше концепции системного изменения оказываются связанными с системным временем, отражающим темпоральные характеристики функционирования определенной системы. Как показано в первой главе, этим пониманием времени, или «диапазоном темпоральности», современная хронополитика не ограничивается. Сам Модельски в своих новейших работах говорит о необходимости «более широкого объяснения» глобальной политической динамики. Он выделяет три эволюционные формы глобальной политической организации — мировую империю, глобальное лидерство и мировую организацию. Если основной организационной единицей для первой является племенной строй, для второй — государство-нация, то третья выступает единым образованием федералистского свойства, полагает Модельски.

Именно внутрисистемная динамика отражается понятием процесса. Это понятие большинство теоретиков связывает с «регулярными взаимодействиями в рамках системы», как в цитированном выше определении Брехера. Французский ученый Ж.-Ж. Роп особо отмечает организующую роль политических процессов: по его мнению, процесс есть доминирующий способ регулирования взаимодействий элементов структуры международной системы, который определяет тип постоянно эволюционирующего поведения акторов и представляет собой в конечном счете инструмент преодоления существующих в ней структурных беспорядков. «Некоторая переоценка роли международно-политических процессов по сути представляет собой последствие преувеличения их дей-

¹ Brecher M. James P. Opt. cit. P. 16.

² Modelska G. The Study of Long Cycles // Exploring Long Cycles / Ed. by G. Modelska. L., 1987. P. 1–2.

³ Modelska G. A system model of the long cycle // Exploring long cycles / Ed. by G. Modelska. L., 1987. P. 126–128.

ствительно системного характера», — характеризует это рассуждение П.А. Цыганков¹. Аналогичное суждение выдвигает Б. Бузан: «Процесс определяется в основном как взаимодействия между элементами, особо прочные и периодически повторяющиеся модели этих взаимодействий. Процесс рассматривает, как в действительности элементы взаимодействуют друг с другом в ограниченных рамках структуры и своих способностей к взаимодействию, и особенно уделяет внимание прочным и периодически повторяющимся моделям динамики взаимодействия»².

М.В. Ильин следующим образом обосновывает дополнительность хронополитики по отношению к понятию политического процесса: «Не стоит ли ограничиться понятием политического процесса? Надо ли плодить сущности, вводя новые понятия? В данном случае — несомненно нужно. Дело ведь не только в том, что рано или поздно приводит к качественно иным состояниям, а значит — и к новой политической системе. Это, пожалуй, с некоторыми ухищрениями можно описать и в терминах политического процесса. Но указанное понятие в данном случае не может работать потому, что накопление различий затрагивает сам режим политического процесса... требуется введение более крупномасштабного понятия, характеризующего смену не состояний, а типов политической системы, не режима смены состояний, а способа перемены самого этого режима»³. В цитируемой статье в качестве такого «более крупномасштабного» понятия у М.В. Ильина выступают «изменение» и «развитие». Они соответствуют историческому диапазону темпоральности. Обращение к ним — этап исследовательской работы Ильина. Позднее он обращается к хронополитическому анализу, как наиболее «крупномасштабному»⁴. Режимы, по М.В. Ильину, варьируются в рамках параметров «концентрация — рассеяние власти», «либеральность — авторитарность» (способ, стиль управления), «тавтология — импровизированность». Отметим сходство параметров «концентрация — дисперсия власти» с измерением «поларизованность» мировой политической системы, которое выделяет Модельски, а также другими переменными системного изменения (см. выше). Тем не менее изменения режима мирового политического процесса по этим параметрам не являются качественными. Таким образом, для хронополитических исследований мирового политического процесса важнейшим является вопрос масштаба, глубины изменений. Ильин полагает, что политическое изменение может быть описано по двум параметрам: «поверхностность — радикализм» и «формальность — содержательность». Основной мотив рассуждений М.В. Ильина — подчеркивание того, что в ряде случаев, несмотря на бросающие-

¹ Цыганков П.А. Цит. соч. С. 136.

² Бузан Б. Уровни анализа в международных отношениях // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. Цыганкова П.А. М., 1998. С. 139.

³ Ильин М.В. Ритмы и масштабы перемен. О понятиях «процесс», «изменение» и «развитие» в толитологии // Полис. 1993. № 2. С. 58.

⁴ Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами истории и повседневности // Полис. 1996. № 1. С. 57.

ся в глаза «новшества», содержательно воспроизводятся инвариантные модели политического взаимодействия. Действительное изменение происходит только в хронополитическом масштабе, как постепенное складывание «эволюционной формы» политических систем, среди которых выделяются протополитии, политические системы городов-государств, макросистемы империй-цивилизаций, системы наций и межгосударственные системы, и, наконец, — окруженные информационными ареалами системы «эрлого модерна».

Аналогичным образом И. Валлерстайн вслед за Ф. Броделем говорит о том, что действительные изменения сопутствуют смене «исторических систем», чье неизменное существование измеряется периодами «большой длительности». Флуктуации в процессе функционирования системы, по Валлерстайну, «характеризуются повторяемостью и в конечном счете лишь показывают контуры системы»¹, что позволяет ему сделать утверждение, что в рамках существования исторических систем «ничто никогда не изменяется». И. Валлерстайн отмечает: «При рассмотрении проблемы социального изменения применительно к какой-либо конкретной исторической системе не следует смешивать три совершенно самостоятельные темы. Во-первых, генезис системы. Как произошло, что историческая система, например капиталистическая мировая экономика, появилась в определенное время и в определенном месте и именно таким образом, а не иначе? Во-вторых, вопросы системной структуры. По каким правилам данная система, или данный тип исторических систем, функционирует? Какие институты обеспечивают соблюдение этих правил? Каковы сквозные тенденции системы? В-третьих, период конца системы. Каковы противоречия системы и на каком этапе они выходят из «повиновения», способствуя системной бифуркации, вызывая смерть системы и возникновение одной новой или нескольких систем?»² Таким образом, в исследовании мирового политического процесса Валлерстайн говорит о самостоятельности метаисторического («генезис» и «конец» системы) и исторического («функционирование системы») подходов, что требует для каждого из них «особой методологии»³.

Понятие политического процесса на сегодня является основополагающим в характеристике мировой политической динамики. Надо признать, что оно не исчерпывается представленной «внутрисистемной» трактовкой. Во-первых, следует указать на то, что это понятие в современной политологии может характеризовать множественные событийные ряды, связанные с развитием тех или иных политических ситуаций — в этом смысле говорят о *политических процессах*⁴. Именно так понимает «политический процесс» М.В. Ильин, говоря о том,

¹ Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не меняется? // Социс. 1997. № 1. С. 14–15.

² Валлерстайн И. Цит. соч.

³ Там же.

⁴ См., к примеру: Лебедева М. Международные процессы // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. Цыганкова П.А. М., 1998. С. 139.

что он развертывается в реальном времени¹. Во-вторых, политический процесс может характеризовать тотальность мировой политики. «В большинстве современных научных исследований и в учебной литературе, — отмечает А.П. Кабаченко, — политический процесс традиционно рассматривается в качестве характеристики всей полноты политической жизни². С помощью современного понятия хронополитики, принципа различения уровней темпоральности можно взаимоувязать и «масштабировать», подвергнуть параметризации существующие концептуализации политического процесса. Хронополитика позволяет говорить о временной определенности политического процесса, связывая его с отдельными событиями, конкретной политической ситуацией или же характеризуя как режим функционирования определенной политической системы. Кроме того, на этом основании возможно выделение кризисно-трансформационных политических процессов, связанных с качественным изменением политических систем.

В современных исследованиях мировой политики понятия системы и процесса вновь приобретают влияние, однако ставится вопрос о поиске новых, постсистемных подходов исследования мировой политики как целостности. Так, говоря об объекте политических исследований, М.В. Ильин излагает концепцию трех измерений Политического, предложенную М. Шмидтом и Х. Кеманом³. Она заключается в триедином понимании политики: в качестве системы (*polity*), в виде взаимодействия акторов по поводу власти (*politics*) и, наконец, как множества политических курсов (*policies*). Международные отношения — это «межполитийные» отношения. Общая же их характеристика передается термином *politics*. Мировая политика приобретает, по Ильину, качество *policies — организации политических практик как взаимодействия (конкуренции и согласования) политических курсов* (курсив в оригинале. — И.Ч.)⁴. Можно сделать вывод, что объект международных исследований не обладает, как минимум, одним из измерений — *polity*.

Как *world politics* или *world policy* — взаимодействие акторов по поводу власти или стратегия (стратегии) мирового развития — понимается мировая политика и в большинстве других трактовок. П.А. Цыганков принимает позицию, трактующую мировую политику как деятельность, взаимодействие государств и нетрадиционных акторов, хотя и переносит на мировую политику некоторые понятия, связанные с международной системой в неореалистской интерпретации⁵. Подобной точки зрения придерживаются М.М. Лебедева и

¹ Ильин М.В. Цит. соч.

² Кабаченко А.П. Политический процесс и политическая система: источники саморазвития // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 3. С. 102.

³ Ильин М.В. 2004. Слуга двух господ. О пересечении компетенций политической науки и международных исследований // Полис. 2004. № 5. С. 125–126.

⁴ Там же. С. 129.

⁵ Цыганков П.А. Мировая политика: содержание, динамика, основные тенденции // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 131–132, 135.

А.Ю. Мельвиль¹. Ю.В. Ирхин рассматривает мировую политику также в качестве, связанном с концептом policy, развивая «понимание мировой политики как производной от борьбы ее субъектов за свои (национальные) интересы, а также назревшие актуальные общие цели и задачи, стоящие перед всем человечеством»².

В свою очередь, А.Д. Богатуров полагает, что в политико-социологической версии мировой политики, которая нашла воплощение в учебнике «Мировая политика», «мало интереса к тому, что называется мироцелостностью, к системным аспектам международных отношений». Однако определение мировой политики, которое предлагает А.Д. Богатуров, также не содержит указания на системность и акцентирует иные аспекты политики: «Мировая политика — это сфера нерасчлененного взаимодействия между субъектами международных отношений по поводу как их действий в отношении друг друга (world politics. — И.Ч.) и решения общемировых проблем (global development policies. — И.Ч.), так и политики каждого из них в отношении собственных внутренних проблем и ситуаций»³. Это тем более интересно, что буквально несколькими абзацами выше приводится характеристика современной теории международных отношений, где в качестве объекта изучения названы и «автономные свойства системы международных отношений в целом (качества системного уровня)». Почему этот важный аспект столь неожиданно исчезает? Скорее всего потому, что система международных отношений и мировая политическая система — совершенно различные понятия.

Это объяснение подтверждается выводами М.М. Лебедевой, которая в Заключении к учебнику по мировой политике пишет о необходимости введения новых концептов в мирополитические исследования. «Одной из таких категорий может стать политическая система мира, означающая подход к политике с целостных позиций, без жесткого разделения на внутреннюю и внешнюю. Политическая система мира позволяет анализировать политические институты и процессы глобального уровня; показывать, как этот уровень «задает коридор» функционирования более низких политических уровней — регионального, национального и локального»⁴. То есть «интерес к мироцелостности», очевидно, присутствует, однако сталкивается с недостаточной разработанностью концепции мировой политической системы, относительной ее новизной. В то же время теория международной системы весьма развита, однако применимость ее в мирополитическом исследовании ограничена. Так, теория международной системы и ее структуры, ассоциируемая, в частности, с именем К. Уолца, с точки

¹ Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. 1999. Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей // Полис. 1999. № 4.

² Ирхин Ю.В. Теоретические основы и тенденции мировой политики в эпоху глобализма // Авторские программы учебных курсов по политологии / Под ред. Ирхина Ю.В. М., 2001. С. 251.

³ См.: Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1.

⁴ Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003. С. 333.

зрения его критиков, неприменима для анализа современной трансформации в мировой политике, а миросистемный подход Валлерстайна, как отмечает Лебедева, сосредотачивает внимание на экономической составляющей мировой целостности.

Надо отметить, что очерченную исследовательскую программу введения концепции политической системы мира в широкий научный оборот М.М. Лебедева уже начала реализовывать. Однако ее оценка перспектив существующих подходов в духе притчи о трех слепцах¹ кажется излишне пессимистичной. Можно согласиться с констатацией известной ограниченности теории структурного реализма, однако интегративный потенциал конструктивизма (во многом преодолевающего издержки неореализма) и миросистемной теории (и ее политологических интерпретаций) все же значителен. Так или иначе, с их помощью можно попытаться наметить подход к поставленной М.М. Лебедевой проблеме.

В книге с характерным названием «Constructing the World Polity» известный конструктивист Дж. Рагги публикует свое более раннее эссе (1983), в котором критикует концепцию международной структуры К. Уолца. Критика основывается на указании отсутствия в этой модели логики трансформации международной системы, что не позволяет Уолцу объяснить столь значимые процессы, как переход от средневековой системы к современной системе наций-государств, а также сегодняшние международные изменения. Теория Уолца предполагает лишь два вида перемен: переход от многополярной к биполярной системе (1) и движение от анархии к централизованной власти (2). Пытаясь преодолеть недостатки концепции Уолца, Рагги развивает представление о множественности элементов (units) средневекового мироустройства, приводя список Хедли Булла (*civitates, principes, regni, gentes, respubliecae*) и дополняя его городами, торговыми ассоциациями, коммерческими лигами, университетами, папством и империей. Эти элементы образовывали лоскутное одеяло накладывающихся друг на друга юридических компетенций². Современная же система характеризуется иным уровнем дифференциации – исключительностью компетенций наций-государств, которая основывалась на идее взаимного признания суверенитетов³.

Вводя таким образом концепт дифференциации в теорию международной политики, Рагги также полагает, что в измерении, которое он очерчивает, и будет иметь место возможная грядущая трансформация современной системы в постсовременную⁴.

¹ Лебедева М.М. Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2; Лебедева М.М. Проблемы развития мировой политики // Полис. 2004. № 5.

² Ibid. P. 145–146.

³ Ibid. P. 147–149.

⁴ Ibidem.

Серьезной модификации подвергает Рагги теорию Уолца и на уровне процесса. Эта категория тесно связана с концептом системы и подразумевает, по Уолцу, взаимодействие, обусловленное, ограниченное и закрепощенное структурой системы. Однако это понимание процесса Рагги предлагает заменить адаптированным из социологии Дюркгейма понятием динамической плотности системы — общего количества, скорости и разнообразия взаимодействий, переход которых «в качество», по его мнению, может определить будущую системную трансформацию¹.

В этом понятии проявляется конструктивистская основа концепции Рагги. Мировая система и структура трактуются не столь строго в том плане, что значительная часть взаимодействий выходит за их рамки и подвергается «структурации» и систематизации, чтобы вновь выйти за системные пределы. Концепция мирового политического процесса, разработанная учеными отделения политологии МГУ², делает больший акцент на процессе именно как взаимодействии, которое в каждый конкретно-исторический момент выходит за пределы системы, однако в дальнейшем «осваивается» ею. Эта концепция находится между теорией системы и неупорядоченной «мировой политикой вообще».

Дифференциация, с точки зрения современных политологов, выступает ключевым параметром развития политических систем. Дифференциация выступает одним из главных процессов структурного изменения для Парсонса и Эйзенштадта. Алмонд и Пауэлл выделяют функциональную дифференциацию в качестве одного среди двух главных измерений политического развития. Она же является одной из составляющих конвенционального понимания политического развития, которое выработано группой авторитетных западных политологов³. В рамках научного поиска причин политического изменения и развития происходит обращение к динамической плотности. Например, М.В. Ильин говорит о такой переменной в их объяснении, как объем (массивность) и плотность политического общения⁴.

Рагги, однако, в свою очередь исторически ограничивает собственную концепцию, не затрагивая вопрос о возникновении, к примеру, самой средневековой системы. Поэтому его концепция оставляет неполное впечатление. В частности, из нее можно вывести ложное заключение, что уровень диффе-

¹ Ibid. P. 151–152

² Павлов Ю.М. Мировая политика и международная экономика. М., 1998.; Павлов Ю.М. Мировой политический процесс: современные тенденции и пути их изучения // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 5; Павлов Ю.М. Тематика курса «Мировой политический процесс» // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 6.; Кабаченко А.П. История мирового политического процесса (к постановке проблемы) // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1998. № 1; Кабаченко А.П. Политический процесс и политическая система: источники саморазвития // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 3.

³ Binder L. et al. Crises and Sequences in Political Development. Princeton, 1971.

⁴ Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. Ч. I. Основания хронополитики. М., 1995. С. 92.

ренциации в позднюю предсовременную эпоху был выше, чем в рамках Вестфальской системы.

Надо заметить, что для международников обращение к истории даже предвестфальской эпохи явилось в свое время значительной исследовательской новацией. Исключение составляет, пожалуй, лишь миросистемный анализ. Рагги отмечает, что в свое время работы Валлерстайна представляли собой чуть ли не единственный научный ресурс по проблеме возникновения межгосударственной системы¹. Упрек в экономическом уклоне справедлив лишь отчасти и применим только к марксистскому направлению, которое, конечно, не исчерпывает его потенциала. Кроме того, существуют политологические интерпретации миросистемного подхода, которые оперируют концептом «мировая политическая система».

Наиболее яркий пример подобного рода — теория эволюции глобальной политики Дж. Модельски. Определяя основные концепты своей известной книги, ученый дефинирует глобальную политическую систему как «функционально обоснованную совокупность отношений, связанных с определенным кругом проблем, которая служит организации коллективного действия на глобальном уровне»². Характерно следующее высказывание ученого: «Как все политические системы, она частично представляет собой борьбу за власть (politicking), частично — политический курс (policy)». Модельски, используя парсонианский подход, четко отделяет политическую систему от других функциональных подсистем, входящих в систему глобальную (см. Табл. I).

Ниже он проводит важное различие между глобальной и мировой политикой. Первая ограничивается полем (2). Вторая охватывает поля (2), (6), (10) и (14) (см. Табл. I).

Таблица I.

Уровни взаимодействия	Функциональные субсистемы (горизонтальная дифференциация)			
	Экономика	Политика	Социальность	Поддержание образца
Глобальный	1	2	3	4
Региональный	5	6	7	8
Национальный	9	10	11	12
Локальный	13	14	15	16

Дифференциация лежит в основе мирового системного процесса. Происходит разделение имперской организации, характерной для предсовременного мира (Рим, империи Ближнего Востока, а также Индия и Китай), и состоящей из двухуровневой системы «центр-периферия» на четырехуровневую (см. левое

¹ Ruggie J.G. Op. cit. P. 132.

² Models G. Long Cycles in World Politics. Seattle; L., 1987. P. 7–8.

поле таблицы). Появление наций, а также глобального уровня взаимодействия понимается в контексте углубления функциональной обособленности в мировой системе. В современную эру происходит процесс дифференциации уже на глобальном уровне: появляются глобальная финансовая, культурная, социетальная подсистемы. Основанием для рассмотрения глобальной политической системы как автономной служит политика мировой державы-лидера. Названные же империи были региональными (действовали в рамках континента). С географическими открытиями были созданы условия для политизации всего мира. Однако доминирует не географический, а политологический критерий: управление осуществлялось не по имперскому принципу, а державой-лидером и коалицией, на которую она опиралась.

В современную эпоху происходит дальнейшее усложнение миросистемы: формируется транснациональный уровень, метарегиональный уровень, субнациональный и персональный уровни. Объяснение этому в духе возрастаания плотности взаимодействий кажется адекватным: каждый из существующих уровней организации взаимодействия (и прежде всего – национальный) становится критическим¹ и требует преодоления с точки зрения современного развития – экономического, культурного, человеческого в широком смысле.

Однако приближение к этой отметке дает не эволюционный прорыв, а кризис. Увеличение объема и плотности взаимодействия в различных подсистемах, которые выступают для политической системы средой, требуют адекватного ответа, который пока носит односторонний характер и опирается на организационные формы прошлого (империя и мировое лидерство), что вызывает и будет вызывать дисфункции. Кризис требует решения. Последнее стоит понимать как требование разработки теории и выработки стратегии. Объект мировой политики тем самым превращается в проект, а она приобретает статус науки, изучающей политическую реальность, которой только предстоит возникнуть, и тем самым ее формирующей.

Одной из причин сомнений в реальности мировой политической системы является отсутствие видимых институтов, что и делает спорным правомерность самого понятия. Организация Объединенных Наций, как и G-8, представляют собой международные институты, фиксируют межгосударственные отношения в большей степени, чем мирополитические. Определение статуса организаций глобальных элит (среди них обычно называют Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб, Трехстороннюю комиссию) на сегодняшний момент затруднительно. В данном отношении традиционные концепции политической системы опирались на предметную данность институциональной структуры государств. Предмет мировой политики в системном аспекте должен быть соткан тоньше. Значительное внимание привлекла идея «governance without government», управления без правительства, выдвинутая Дж. Розенау. Либеральный уклон этой идеи очевиден, однако можно взглянуть на нее иначе.

¹ Ильин М.В. Цит соч. С. 91–93.

Так, эта идея перекликается с постструктураллистской концепцией «бессубъектных стратегий», созданной Мишелем Фуко¹. Он утверждает: «власть — это отношения, это пучок — более или менее пирамидальный, более или менее согласованный — отношений». Говоря «gouvernement» (фр.), Фуко имеет в виду не «правительство» как институт, но деятельность по организации подчинения. Власть не локализована на уровне государства, но рассредоточена по всему «социальному телу».

Таким образом, для целостной характеристики современной мировой политики можно использовать концепт «мировая полития», некоторые направления исследования которого уже намечены учеными². В отличие от международной системы, это понятие подразумевает включенность негосударственных акторов, учитывает другие уровни политической организации, помимо государства и межгосударственной системы. Мировая полития представляется более точной концептуализацией целостности современной политики в отличие от понятия «мировая политическая система», которое подразумевает выделение достаточно самостоятельной сферы глобального политического управления. Вводимое понятие фиксирует, кроме глобального, иные уровни политической организации — индивидуальный, локальный, национальный, наднациональный, региональный, метарегиональный; также оно отражает слабую дифференцированность политической сферы от других «подпространств» — экономики, культуры, социальности в сегодняшних мировых условиях.

Мировая полития конструируется взаимодействием различных субъектов мировой политики, которое может приобретать динамически устойчивые формы. Динамический аспект является существенным для ее концептуализации. Стоит также сказать о полиструктурности как о важной характеристике. В структурировании мировой политии ключевыми представляются медиативные уровни организации, в связи с чем правомерно говорить о мировых политических сетях (*world policy networks*). Множественное число употребляется здесь не случайно. Понятие «политическая сеть» относится не только к глобальному уровню, но в определенных областях соединяет различные уровни мировой политики, постепенно образуя единую ткань. Например, М.М. Лебедева приводит концепцию О.Е. Андерссона, описывающую, «как внутригосударственные регионы и мегаполисы вписываются в процесс глобализации, фактически выстраивая ее»³. Таким образом, сетью объединяются субнациональный и глобальный уровни. Л.В. Сморгунов подробно описывает применение сетевых подходов в современной компаративистике, также указывая на их многомерность в отношении взаимосвязи государства и гражданского общества, соединения персонального, локального, национального и транснационального уровней. Таблица Модельски вполне наглядно позволяет представить, что промежуточ-

¹ Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 365–367, 373–376.

² Ougaard V., Riggot H. (eds.) Towards a Global Polity. Routledge, 2002.

³ Лебедева М.М.. Проблемы развития мировой политики // Полис. 2004. № 5. С. 112.

ные уровни появляются благодаря переплетению политики с другими сферами жизнедеятельности мирового сообщества — экономикой, культурой, социальностью. Проведение культурно-образовательной и социальной политики, стратегическое управление в экономике создают общие сферы деятельности государств, негосударственных акторов и отдельных людей. Несомненно, важную основу этой «ткани» создает управление окружающей средой, действия по совместному решению экологических проблем, а также технологическое развитие и распространение информации.

Понятие развития охватывает многие аспекты изменчивости, о которых говорилось в связи с хронополитикой. Однако, как уже говорилось, понятие политического времени связано с попыткой отойти в политическом исследовании от нормативизма или детерминизма, которые присущи понятию развития в современном политическом дискурсе. Понятие развития весьма спорно, если используется, в частности, для характеристики современных процессов глобализации — очевидно, что они во многом противоположны развитию, понимаемому как повышение разнообразия или усложнение. Глобализация вполне может рассматриваться как упрощение и унификация. Мы видим также, что глобализация далеко не синонимична демократизации — существуют тенденции ужесточения контроля как в мировом масштабе, так и в рамках отдельных обществ, связанные, в частности, с появлением новых угроз глобальной безопасности. При этом речь идет не об отрицании понятия развития, а о его конкретно-исторической применимости. Ю.М. Павлов пишет: «Характеризуя основные представления о развитии современного мира, мы полагаем, что сложилось неверное представление о движении мира к полному единству и унификации. Бессспорно, происходит накопление универсальных элементов структуры социального бытия. Но наряду с конвергенцией, интеграцией, сближением систем существуют и процессы дивергенции. Говорить только о конвергенции, не допуская дивергенции — значит отрицать наличие прогресса. Например, если мы говорим о биологической форме движения материи, то там сближение, слияние, унификация означают прогресс, поскольку разнообразие свойств и качеств признаков способствует развитию. Когда мы говорим о единобразии, то должны иметь в виду, что оно подрывает дальнейшие основы развития общества»¹.

В рамках рассматриваемого нами ряда категорий, кроме понятия «актор», используются такие «синонимичные» термины, как элементы, единицы (*unit*) системы, участники мировой политики. Все они в большей или меньшей степени подразумевают пассивность, подчиненность поведения называемых этими именами политических образований системным принципам. Единственным существенным исключением из этого правила в концепциях мировой политической системы оказываются сверхдержавы — только они имеют основания

¹ Павлов Ю.М. Мировой политический процесс: современные тенденции и пути их изучения // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 5.

именоваться субъектами политики, тогда как остальные участники обладают, скорее, признаками объектов. Как пишут Брехер и Джеймс, «изначально попытки интегрировать системные концепции в теорию международных отношений имели результатом исключительное или преобладающее внимание к великим державам в мировой политике: Каплан, Хоффман, Роузкэнс, Арон, МакКлиланд (McClelland), Уолц и другие подразумевали под понятием международной системы или глобальную систему, или, чаще, доминантную систему... то есть “наиболее сильных, индустриализированных и дипломатически активных членов межгосударственной системы”»¹. Модельски в качестве первого компонента глобальной политики называет «отношения между мировой державой и ее главным конкурентом»². Э.А. Поздняков также отмечает: «Именно центросиловые отношения определяют превалирующий тип структурных отношений, порождающих на каждом этапе развития системы присущий только ему комплекс системно-структурных противоречий и существенно детерминирующих внешнеполитическую деятельность государств не только центросилового, но и других уровней структуры»³. Понимание времени в рамках хронополитических принципов, в частности принципа дискретности, позволяет говорить о том, что в периоды нестабильности активная и творческая роль участников мировой политики позволяет говорить о них как о субъектах, в противоположность их функциональной концептуализации как акторов. Отношения субъектов политики создают в такие периоды силовое поле мировой политики, которое лишь в последствии структурируется, упорядочивается и институционализируется.

Таким образом, можно обнаружить дополнительность хронополитики по отношению к базовым понятиям современной теории мировой политики, отражающим целостность политической жизни, а также мировую политическую динамику. Очевидно, что хронополитика является более общей концепцией, связанной с предельными измерениями существования политической действительности. Это позволяет выделить ограничения в применимости понятий система, структура и актор к исследованию реалий мировой политики. Хронополитика позволяет пересмотреть понимание участника мировой политики и определить его не как актора, а именно как субъекта, активного преобразователя политической действительности.

Политическое время является, наряду с политическим пространством, одной из наиболее общих категорий политической науки, выраждающих целостность политической жизни. Определение этих категорий, как было показано, влияет на концептуализацию центральных для современной политологии понятий политической системы и политического процесса. Далее, в движении от абстрактного к конкретному, их разработка позволяет уточнить

¹ Brecher M. James P. Op. cit. P. 6.

² Modelska G. Long Cycles in World Politics. Seattle; L., 1987. P. 12.

³ Поздняков Э.А. Философия политики. М., 1993. С. 360.

понимание состояний мировой политики (мировой порядок, динамическое равновесие, деконцентрация), концептуализировать статус субъектов на мировой арене и, наконец, осмыслить содержание конкретных микропроцессов и политических действий. Хронополитика представляет собой концепцию политического времени, а также понимается как политическая деятельность, связанная с учетом временных характеристик политического процесса. Ее современная значимость обусловлена изменением свойств политического времени, новыми требованиями теории и политической практики. Аналогичным образом изменяются характеристики политического пространства. Рассмотрение пространственно-временного континуума современной мировой политики является необходимым условием формирования ее целостной концепции.

2.2. ХРОНОПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Сопоставление хронополитики и геополитики как дополняющих друг друга или альтернативных представлений об измерениях, в которых существует политическая деятельность, видится ключевой задачей на нынешнем этапе становления хронополитики. Это подразумевается прежде всего неразрывностью категории пространство-время для современной картины мира, важной для научного мировоззрения идеей пространственно-временного континуума. Кроме того, в политической науке геополитика сегодня является одним из наиболее разработанных направлений, традиционно привлекающим внимание самого широкого круга исследователей. Хронополитика, наоборот, находится на начальном этапе формирования. Важнейшим мотивом выступает возможность восприятия и переработки хронополитикой опыта становления и структурирования геополитического знания, а также, хотелось бы надеяться, придания нового импульса развитию и геополитических идей.

Выше уже говорилось о влиянии на развитие хронополитики представлений о глобальном кризисе, который сформировал понимание пределов экспансии современных обществ. Этот же фактор оказал на геополитику обратное воздействие: расширение «жизненного пространства» с целью приобретения новых ресурсов для развития общества потеряло перспективу. Были сформированы новые стратегии, ориентированные на интенсивное использование имеющихся возможностей. Геополитика как расширение жизненного пространства за счет других наций была несовместима с духом и буквой (правовым режимом) послевоенных международных отношений. Эти обстоятельства приве-

ли к развитию «нетерриториальных» форм экспансии и контроля. Получило развитие такое направление прикладных исследований, как геостратегия — в самом его названии отразилось соединение пространства и времени в единую перспективу.

Геополитика также не могла отразить новых реалий международной жизни, связанных с усилением роли негосударственных (а значит, нетерриториальных) участников транснациональной политики. Заметим, что геополитику некоторые ученые¹ рассматривают в русле традиции политического реализма, считающего государства непрекращающимися основными акторами мировой политики.

Такой фактор, как НТР, также упомянутый в качестве «творческой среды» хронополитики, в свою очередь изменил отношение к реальному, физическому пространству. Новейшие виды вооружений, политически значимые средства массовой коммуникации в своем развитии превратили географию из главного ресурса политической мощи во вспомогательную, второстепенную величину, выдвинув на первый план время — быстроту военного реагирования или оценки того или иного факта в СМИ. Так, К.С. Гаджиев отмечает: «Появляются новые транснациональные формы контроля над территорией, проявляющиеся в их экономической, технологической, телекоммуникационной, информационной и т.п. разновидностях. Сила проникновения современных технологий такова, что они делают несостоительными почти любые барьеры, заграждения, стены, занавесы, границы. При таком положении вряд ли можно применить к современному миру в какой бы то ни было форме маккиндеровскую формулу: кто контролирует хартленд — контролирует мир. По этой формуле североамериканский да и азиатско-тихоокеанский центры силы оказались бы перифериями, что звучит чуть ли не как издевательство над реальным положением вещей»².

Намечается два варианта соотнесения геополитики и хронополитики. Во-первых, это разрабатываемая М.В. Ильиным «геохронополитическая парадигма», попытка соединения эвристического потенциала геополитики с возможностями хронополитической типологии. Во-вторых — это путь взаимного отрицания, который «со стороны хронополитики» сегодня выражается тезисом П. Вирилио: «геополитика уступает место хронополитике, политика реального времени начинает доминировать над политикой реального пространства». «Со стороны геополитики», области знаний достаточно консервативной, может последовать не менее острый полемический ответ. Существует также точка зрения, которая связывает сравнительную значимость геополитики и хронополитики со специфическими историческими обстоятельствами. «Геополитическая доминанта, связанная с переделами пространства, наступает тогда, когда терпит фиаско хронополитика, направленная на эффективное проектирование будущего. Открытие качественно иного будущего (формационный

¹ Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003. С. 29.

² Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997. С. 35.

рывок) обесценивает борьбу за пространство; не случайно в пике новых формационных надежд геополитика становится маргинальным занятием и осуждается как варварство. Напротив, фиаско исторического проекта будущего, ощущение «конца истории» и окончательности однажды найденных решений, приводит к обесцениванию времени по отношению к пространству. Словом, хронополитика связана с интенсивным развитием, геополитика — с экстенсивным. Бывают моменты в жизни человечества, когда предложить ему новый проект будущего, вернуть веру истории — значит избавить его от искушений новых геополитических переделов мира. Возможно, сегодня человечество переживает именно такой момент¹, — пишет А.С. Панарин. Кроме систематического рассмотрения этих альтернатив для нас является важной проработка возможности построения хронополитики в соответствии с концептуальной структурой, аналогичной той, что присуща геополитическому знанию. Наконец, существует путь включения самой геополитики в хронополитическую перспективу, рассмотрение геополитики как изменчивого и способного претерпевать качественную трансформацию видения политики и политического действия.

Геохронополитическая парадигма, над фундаментом которой трудится М.В. Ильин, основывается на мировоззренческих принципах различия масштабов или размерности видения политической действительности в пространстве и времени — «микро-, мезо- и макрополитик». По аналогии с «диапазонами темпоральности» — Повседневностью, Историей и Хроносом, выделены пространственные горизонты: месторазвитие («пространство политики в его первом и ближайшем масштабе является непосредственно обозримым»), регион («обобщенные пространства — земли, края, страны») и, наконец — глобальный мир («планетарный масштаб человеческой ойкумены в целом»). Каждой эволюционной форме политической организации сопоставлена соответствующая сфера распространения, а также определенный горизонт видения или восприятия пространства, определяющий уровень сложности политической стратегии. В результате реконструируется следующая логика: географический детерминизм опосредован политической системой. Естественные средовые факторы трансформируются в управляемые решения (цели, ответы, стратегии) не напрямую, а благодаря политической организации. И чем более развитой является эта организация, тем изощреннее стратегия. Средовые факторы определяют политическую эволюцию, но принципиально важным оказывается момент политического творчества. Именно в этом заключается значение паузы, соединяющей геополитический Вызов и управляемый Ответ².

Парадоксальность данного взгляда в том, что идеальным типам политий здесь сопоставлена реальная география. Представляется, что, несмотря на

¹ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000. С. 16.

² Ильин М.В. Геохронополитика — соединение времен и пространств // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 2. С. 32.

очевидное расширение масштаба при переходе от места к региону, а затем и к глобальному миру, мы имеем дело с одним и тем же *реальным* пространством. Основанием укрупнения масштаба является не нарастание идеализации, что соответствовало бы размерности интеллектуального обобщения в понимании самого М.В. Ильина, но всего лишь расширение круга все того же «непосредственно очевидного». Или по крайней мере мы переходим лишь на «вторую ступень» идеализации. Концептуально категория политического пространства до сих пор проработана слабо.

Позволим себе утверждать, что география представляет собой пространство политики, но не политическое пространство. Последнее, на наш взгляд, более корректно понимать как распределение власти, силовых возможностей субъектов политики. Это распределение лишь находит воплощение в физическом пространстве, в географии. Другое дело, что на протяжении значительного отрезка мировой истории те или иные конфигурации сил достаточно устойчиво воспроизводились, порождая иллюзию вневременного характера принципов geopolитики. Но объяснение этому в том, что раз закрепленная в пространстве власть приобретает это пространство в качестве дополнительного ресурса. В отвлечении от контуров материков и их рельефов geopolитики не существует.

Можно предложить, что хронополитике могла бы соответствовать «хорополитика» — исключительно концептуальная проработка политического пространства, рассматривающая распределение не геомассы, но специальных политических ресурсов, или власти, понимаемой не как концентрация материальных ресурсов, но как «идеократическая» способность их мобилизовать. «Политическое пространство и время выступают... как среда формирования и циркуляции идей. Одни идеи могут сужать пространство (современная либеральная идея России как национального государства), другие — способствовать его расширению (Россия как тип цивилизации); одни делают его открытым, иные, напротив, способствуют тенденциям изоляционизма. То же самое касается и времени: есть идеи, ускоряющие ход времени, интенсифицирующие процесс истории, и есть иные — замедляющие его; одни вводят в логику поступательного линейного времени, другие — в логику прерывно-циклического, инверсионного времени. Словом, «традиционным дихотомиям натуралистической geopolитики (хартленд — римленд, океанические державы — континентальные) противостоит ноосферная политология, исследующая взаимосвязь территориальной динамики от идейной эволюции человечества в различных регионах планеты, мире в целом»¹.

Категория власти шире категории суверенитета над определенной территорией, власть приобретает нетерриториальные формы. Однако появление нетерриториальных форм власти — феномен второй половины XX века. Сказанное перекликается с намечаемыми М.В. Ильиным контурами новой эволю-

¹ Реформы и контрреформы в России / Под ред. Ильина В.В. М., 1996. С. 294–295.

ционной формы политий — т.н. «хоритик». Хорологическое видение пространства в рамках парадигмы Ильина становится возможным на определенном этапе политического развития. Геополитику предлагается рассматривать как мезоуровень видения пространства, соответствующий историческому эону и надстроенный, скажем, над микроуровнем — «повседневности» и «месторазвития». Такой взгляд подкреплялся бы и тем, что многие категории геополитики несут отпечаток миссионерства и цивилизаторства, типичных, в концепции Ильина, атрибутов исторического эона. Рассматривая подобный сюжет, И. Валлерстайн сопоставляет термин «геополитическое пространство» с эпизодическим, событийным историческим временем (*l'histoire evenementielle* Броделя), называя их сочетание «*episodic geopolitical TimeSpace*». А более масштабные «пространственно-временные реальности» именует «циклической», «структурной», «вечной» и «трансформационной».

Сквозь призму сказанного совершенно иначе воспринимается тезис о том, что «геополитика уступает место...» Речь идет об уменьшении значимости исключительно категории «реального пространства», пространства географического, физического. Политическая география дополняется виртуальным пространством, которое вырастает над географией.

При решении нашей основной задачи — структурирования хронополитики как области знания — может быть продуктивной аналогия со структурой геополитического знания. В качестве наиболее последовательного опыта реконструкции последней возьмем статью В.Л. Цымбурского, вошедшую в публикацию журнала «Полис» рубрики о пространстве и времени политики. Основной идеей статьи, в самом общем виде, является выделение в геополитике двух элементов — перцептуального (геополитика как мировоззрение) и прикладного, проектного (геополитика как род занятий). «В первом аспекте геополитика представляет собою восприятие мира в политически заряженных географических образах. А во втором — ее можно определить как специфическую деятельность, которая, вырабатывая такие образы, часто не совпадающие с границами существующих государств, имитирует процесс принятия политических решений, а иногда и прямо включается в этот процесс¹. Отдельно рассматривается политическая география, как тесно связанная с геополитикой и часто воспринимающаяся в качестве составной части геополитики дисциплина.

Классическому пониманию геополитики в русле географического детерминизма соответствовала бы политическая хронография, понимающая время прежде всего как реальное, или астрономическое. К этой области относится значительный массив исследований, посвященных политическим циклам и волнам, релевантным количественной шкале астрономического времени. В современной науке речь чаще всего ведется о кондратьевских циклах. Хронополитика сегодня принципиально шире интерпретации такого рода. Скажем,

¹ Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. 1999. № 4. С. 19.

Модельски следующим образом описывает роль циклов лидерства в эволюции мировой политики: «Наследование лидерства — промежуточный этап эволюции глобальной политики, вероятной следующей значимой ступенью которой, достигающей наивысшей точки в XXI веке, станет постепенный переход от неформальной роли глобального лидерства к сетям более формальных позиций в рамках возникающей глобальной организации федеративного порядка»¹. В современных хронополитических концепциях время рассматривается не как количественная мера процесса, но как его качественная определенность. Даже если и признается обоснованность конструкций такого рода, то оговаривается ее качественная определенность как ритма, характерного для ограниченной во времени политической системы, главным образом — миросистемы или мировой политической системы.

Подчеркиваемому Цымбурским пониманию геополитики как разновидности политического проектирования попытаемся сопоставить соответствующий взгляд на хронополитику. Вопреки обсуждавшемуся выше мнению Цымбурского, существуют взгляды на хронополитику как основание стратегии. Модельски понимает хронополитику как выделение фаз мирового политического процесса и проведение политики, соответствующей этим fazam. То есть хронополитика становится проектированием, базирующимся на познании политических циклов. М.В. Ильин видит основание хронополитической стратегии в определении наиболее оптимальных путей проживания и осуществления непрожитых в Повседневности и неосуществленных в Истории хронополитических возможностей. Его же положение: хронополитика как творчество, создание новых форм политической организации в ответ на вызовы истории и природной среды.

Выделим объединяющую и отличную от геополитической мировоззренческую основу этих подходов. Хронополитика сегодня является знанием, принципиально отвергающим волонтизм и прожектерство, часто присущие геополитическому мировидению и планированию. Если геополитика оказывается проектированием политической воли на географические контуры, то хронополитика видит основание политической деятельности прежде всего в ее *своевременности* с точки зрения историко-политических обстоятельств. Кроме того, если проектирование в хронополитике понимается как оптимизация, совершенствование политических институтов или трактуется *интенсивно*, то геополитика скорее проектирует, понимает политическое развитие *экстенсивно*, в качестве ресурсного и идеологического подпитывания часто не отвечающих требованиям современности политических структур. Для иллюстрации данной мысли приведем слова самого В.Л. Цымбурского о российской национальной идее, которые, кстати, по признанию М.В. Ильина, стали для него отправной точкой хронополитических исследований: «Такая идея должна бы сделать упор

¹ Modelska G. From Leadership to Organization: The Evolution of Global Politics // Journal of World Systems Research. 1995. Vol. 1, № 7.

не на пространство, как было часто в российской историософии, а на время. Не на «связывание храмины континента», не на «мост между Востоком и Западом», не на «евразийский диалог культур», а на само осуществление России во времени, на благоустройство и упрочение российского «Китежа» в сменяющихся годах и десятилетиях, на будущих возвращениях России со своего «острова» в мир Евро-Азии тогда, когда такое возвращение для России будет необходимо и (или) благоприятно¹.

Сопоставление хронополитики с геополитикой² позволяет в особом контексте рассмотреть значение хронополитики для современного политического знания. Во-первых, геополитические идеи, которыми открывался двадцатый век, отражали зрелость и завершенность эпохи политического модерна, которая ассоциируется с национальным территориальным государством³. Хронополитика, сформированная историко-политическим опытом двадцатого века, знаменует в начале века двадцать первую новую эпоху, содержанием которой становится появление новых политических форм, а с другой стороны, возрождение старых, досовременных структур политической организации. Важнейшей задачей хронополитики, определяющей ее значимую роль в сегодняшней политической науке, становится концептуальное оснащение стратегий выработки жизнеспособных форм политической организации на глобальном уровне, решение проблем глобального политического развития. Во-вторых, если геополитика выступала политической программой экспансии индустриальных обществ, то хронополитика является видением политической деятельности в условиях общества информационного, опирается на новые технологии осуществления власти. Наконец, хронополитика базируется на мировоззренческих основаниях, отличных от тех, что поддерживают геополитическое знание. Последнему присущи претензия на всеобщность объяснения политических явлений географическими факторами и детерминантами и связанное с этим понимание политического развития как развертывания пространственной экспансии. В современной хронополитике, напротив, преодолевается детерминистское понимание времени, а политическое развитие подразумевает совершенствование форм политической организации, интенсивное развитие.

В то же время противопоставление геополитики и хронополитики, на наш взгляд, нецелесообразно. Более осмысленным представляется рассмотрение

¹ Цымбурский В.Л. Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 4. С. 38.

² Заметим, что под геополитикой в данном контексте понимается «классическое» ее толкование, связывающее политику с реальной географией. Современные тенденции в развитии этой области знания во многом преодолевают ограниченность указанной трактовки. Сегодня рядом учных геополитики рассматривается как знание о «многослойной и многоуровневой» глобальной политике. (См., к примеру: Сорокин К.Э. Геополитика современного мира и Россия // Полис. 1995. № 1. С. 9; Сорокин К.Э. Геополитика современного мира и геостратегия для России. М., 1996. С. 16; Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997. С. 17, 38.)

³ См., к примеру: Гаджиев К.С. Геополитика. М., 1997. С. 5–39.

геополитики как одного из пространственных измерений политического, которое в процессе трансформации политических отношений дополняется другими пространствами (измерениями), только комплексный анализ которых позволяет создать целостную картину современной мировой политики.

В этой связи любопытно рассмотреть концепции постструктураллистской геополитики, которые весьма фрагментарно представлены в отечественной литературе. Постструктурализм, а также пересекающиеся с этим течением концепции деконструктивизма и постмодернизма составляют основу геополитических разработок таких исследователей, как Джон Эгню (Agnew), Саймон Дэлби (Dalby), Джерард О'Тоал (O'Tuathail) и др.

Джерард Тоал в своей книге «Критическая геополитика», в статьях «Состояние постмодерна в геополитике», «Смещение геополитики» создал, пожалуй, наиболее разработанную концепцию постструктураллистской геополитики¹.

Основным тезисом приверженцев рассматриваемого направления является положение о субъективном, конъюнктурном, обусловленном политическими интересами характере «ортодоксальной», традиционной геополитики. К ортодоксальной геополитике постструктураллисты относят не только классические построения Хаусхоффера и Маккинdera, но и стратегические разработки времен холодной войны.

Раскрывая в геополитических построениях политическую подоплеку, постструктураллистская геополитика критикует методологию ортодоксальной геополитики, которая заключается в проецировании на географическую карту собственных культурных и политических предубеждений субъектов мировой политики. Традиционная геополитика, как утверждает этот критический подход, оперирует «взглядом из ниоткуда», точкой зрения, которая отказывается видеть саму себя и учитывать отношения власти, которые делают возможной ее саму. Тоал пишет, что геополитика как бездумно евроцентрическая и узкорационализированная деятельность экспертов могущественных западных организаций (от университетов до военных и бюрократических структур и стратегических аналитических центров) не исследует политику и власть, а сама представляет собой политику власти. Для постструктураллистской геополитики любой взгляд является социально и политически обусловленным, а любое знание отражает перспективу определенных культур и субъектов и маргинализирует других. Критики осознают, что в связи с этим и сама критическая геополитика должна рассматриваться в подобном ключе. Тоал считает, что критическая геополитика выражает интересы транснационального сообщества граждан, скептически настроенных по отношению к власти государственной и военной бюрократии и выступающих за открытые демократические дебаты по проблемам международной безопасности.

Концепция постструктураллистской геополитики не исчерпывается подобными идеалистическими построениями. Как указывает Тоал, сегодня она

¹ См.: <http://www.nvc.vt.edu/toalg/Website/Publish%5Cpublish.html>

приобретает вполне определенное практическое значение. С приходом к власти таких фигур, как Йошка Фишер, Вацлав Гавел и других представителей бывших «новых социальных движений», она может стать реальным инструментом международной политики. Кроме того, в сферу ее интересов попадают такие актуальные проблемы современной политики, как глобализация, информатизация, становление «общества риска». Как считают постструктуралисты, эта концепция обладает большим потенциалом для понимания современных реалий, чем привычное геополитическое знание, в котором центральным является территориальное государство, сегодня уступающее место в мировой политике другим субъектам.

Постструктуралисты не отказываются от тезиса, что геополитика исследует влияние географии на политику, однако они радикально переосмысливают значение термина «география». География — это не догма, а историческая и социально обусловленная форма знания. Понимать географию исторически не означает «наблюдать естественный природный ландшафт», но значит «читать книгу», считает Тоал. Это утверждение вполне согласуется с общим постструктуралистским пониманием мира как текста.

Джерард Тоал выделяет три разновидности геополитики, которые являются объектом критического исследования.

Первая — формальная геополитика. Ее объектом является научная геополитическая мысль и ее критический анализ. Так, Тоал проводит исследование концепции Халфорда Маккиндерса с точки зрения ее обусловленности интересами британского колониализма.

Вторая разновидность — практическая геополитика. Ее проблематику составляет анализ практического геополитического мышления, отраженного во внешнеполитических доктринах, озвучиваемых, в частности, в выступлениях политиков и отраженных в международно-политических документах.

Третья разновидность — популярная геополитика. Ее интересуют зафиксированные в обыденном знании и трансформируемые СМИ географические образы, восприятие национальной идентичности, места самого сообщества и других стран в мире.

Четвертая разновидность — структурная геополитика, которая исследует современные геополитические реалии, глобальные процессы, тенденции и противоречия. В этом русле — проведенное Тоалом исследование глобализации, информатизации и появления новых планетарных рисков в их влиянии на современную геополитическую практику.

Практическая геополитика использует методологию семиотического подхода, анализа текстов. Это весьма характерно для постструктурализма и постмодернизма. Популярная геополитика эксплуатирует также весьма типичную для постмодернистского мышления тему «общества спектакля», «шоу-власти» и пр. Эти два уровня современной геополитики в наибольшей степени интересуют и

отечественного исследователя Д.Н. Замятин¹, который разделяет понимание современной практической геополитики как проведения PR-кампаний с целью внедрения в сознание массового общества определенных пространственно-географических образов.

Наконец, структурная геополитика отражает, как ни парадоксально, конструктивную основу постструктуралистской геополитики, анализируя актуальные с политической точки зрения глобальные тенденции и создавая оригинальное видение современной подвижной и трансформирующейся политической структуры мира.

Таким образом, дополнением к исследованиям хронополитического измерения мировой политики, важной задачей видится дальнейшая разработка категории политического пространства. Геополитика на сегодняшний момент является весьма противоречивым знанием, сочетающим в себе мифологические, философские и позитивно-научные элементы. По этой причине, а также из-за сохраняющейся приверженности «территориальному императиву» геополитика отторгается исследователями мирополитического направления. М.М. Лебедева связывает геополитику с реалистической традицией в изучении международных отношений, которая, как известно, наиболее скептически оценивает перспективы формирования мировой политики. А.Д. Богатуров критикует школу «вульгарной геополитики» как затрудняющую понимание мирополитического подхода, выделяя в положительном смысле ряд геополитиков «академического направления» — Н. Мироненко, В. Колосова, Н. Замятин, М. Ильина. Однако и это «направление» весьма неоднородно. Все ученые сходятся в недостаточности физико-географической трактовки политического пространства и настаивают на необходимости изучения информационного пространства. Общим же недостатком современных подходов является трактовка информационного пространства исключительно как пространства образов, а также потеря связи с «почвой», излишняя виртуализация.

Мне представляется продуктивным обсуждение категории политического пространства концептуальной составляющей. Можно различать реальную, перцептуальную и концептуальную геополитику. Первая тесно связана с Realpolitik и подразумевает географический передел мира, как он известен нам на протяжении значительного отрезка человеческой истории. Реальная геополитика отталкивается от натуралистического, физического понимания пространства. Вторая, перцептуальная геополитика связана с XX веком, эпохой великих идеологий. Она подразумевает передел мира на основании «панидей» — либеральной, социалистической или радикально-консервативной. Современное перерождение свободного мира также вписывается в рамки перцептуальной, идеологической

¹ Замятин Д.Н. Геополитика: основные проблемы и итоги развития в XX веке // Полис. 2001. № 6; Замятин Д.Н. Геополитика образов и структурирование метапространства // Полис. 2003. № 1; Замятин Д.Н. Российские политики мирового развития: образы и их интерпретации // Полис. 2004. № 4.

геополитики. Многие подходы из области постструктураллистской (или «критической») геополитики можно рассматривать как завершающий этап идеологической геополитики — весьма симптоматичным здесь является превращение многих идеологических символов в рекламные образы. Концептуальная геополитика связана с системным описанием социального пространства, учитывая экономическое, культурное, социальное, политическое подпространства в мировом, региональном, национальном, локальном масштабе. Получаемая таким образом информация служит основой для выработки комплексных управлений стратегий. Выходя на новый уровень понимания пространства, этот подход остается тесно связанным с первыми двумя. Реальная география сохраняет свое значение в отношении экологических, ресурсных факторов, а также в связи с устойчивостью традиционных этнических, культурных, цивилизационных и национально-государственных географических ниш. При этом необходимость управления глобальными экономическими и социальными процессами и появление новых технологических возможностей создает основу для формирования более широких политических пространств взаимодействия. Поэтому и складывается потребность в выработке новых пространственных образов, а также, что еще более важно — научных концепций интеграции во всех функциональных пространствах. Концептуальная геополитика уже используется в качестве основы политических стратегий США, ЕС, Японии.

Современным является понимание геополитики как геоинформационной политики. Это понятие учитывает сохраняющееся значение географической среды при возрастающей роли информационных факторов. Важнейшим аспектом геоинформационной политики является кросскультурное взаимодействие¹. Основой ключевых геополитических проблем современности (Ближний Восток, Чечня) являются культурные конфликты, и их конструктивное разрешение может способствовать выработке метарегиональных интегративных форм.

Несмотря на полиструктурность, динамизм и многомерность мировой политики, нельзя уйти от ответа на вопрос об «общем знаменателе» структуры мировой политики. На мой взгляд, ответ на этот вопрос связан с определенным пониманием политического пространства. Исследователи мировой политики критически относятся к геополитике как области знания, не оставляющей места для нетрадиционных акторов, многие из которых нетерриториальны. Геополитическая структура мира обусловлена распределением геомассы. В теории неореализма структурные характеристики связываются с распределением силовых возможностей, куда включается военная мощь, экономическое влияние и опять же геополитические факторы. Современное понимание политического пространства могло бы сделать акцент на информации как основе структурирования современного мира. В этом направлении работают ряд российских и зарубежных ученых — Дж. О'Тоал, Д.Н. Замятин, В.А. Колосов и др. Здесь, ко-

¹ См. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994. С. 110–163.

нечно, очень важны такие факторы, как плотность информационных потоков, контроль над ними, циркуляция в них определенных геополитических образов. Однако помимо этого принимается во внимание научная и культурно значимая информация, распределение знаний. Влияние в современных мировых взаимодействиях приобретают субъекты, располагающие информацией о происходящих процессах, оказывающиеся в состоянии сформулировать видение их перспектив, которое может быть разделено другими участниками. Именно это придает вес в современной мировой политике общественным организациям, чьи оценки сильно влияют на легитимацию государственной политики и деятельности крупного бизнеса, а также образованным людям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование понятия хронополитики, ее места, роли и функций в современной политической науке, а также значения в контексте развития современных теоретических представлений о мировой политике позволяет сделать следующие выводы.

Хронополитика, если характеризовать эту область знания с точки зрения ее научного статуса, представляет собой *концепцию политического времени и программу исследования политической изменчивости*. О хронополитике не вполне справедливо говорить как о самостоятельной *дисциплине* в рамках современной политической науки. Причина этого заключается не в том, что данная область знания недостаточно разработана. Определение хронополитики в качестве отдельной дисциплины требовало бы выделения предмета, методов, собственных законов хронополитики. Это субстанциализировало бы время, превращая его в самостоятельную сущность, которая оказывает реальное влияние на политические процессы. По гносеологическим основаниям здесь может быть проведена аналогия с географическим детерминизмом, присущим geopolитическим представлениям на начальном этапе их становления. Такая трактовка времени в политике присуща, например, подходам, устанавливающим зависимость политических процессов от смены астрономических явлений (это могут быть факторы лунной или солнечной активности или даже астрологические конstellации), а также более научообразным подходам, эмпирически обосновывающим наличие периодичности или возрастной стадиальности в политических процессах без экспликации природы, сущности, причин такого рода темпоральных феноменов. Если же хронополитика будет претендовать на исследование закономерностей изменения и развития действительных политических процессов, основываясь на реляционном понимании времени, то фактически будет охватывать предмет политической науки в целом, теряя собственную специфику. С другой стороны, хронополитика, в отличие от иных *дисциплин* и *субдисциплин*¹ поли-

¹ Здесь имеются в виду политологические субдисциплины, связанные с анализом «отдельных сторон и элементов политической сферы». (См.: Дегтярев А.А. Предмет и структура политической науки // Политология: Курс лекций / Под ред. Марченко М.Н. М., 1997. С. 38.)

тической науки, не может быть связана с анализом какого-то определенного фрагмента политической действительности, так как все политические явления существуют во времени.

По этой причине не оправдана также трактовка хронополитики как одного из направлений или подходов, сложившихся в современной политической науке. Хронополитика не может развиваться в отрыве от основного ядра теории политики. Это превращало бы хронополитическое знание в отвлеченное, самодовлеющее теоретизирование.

Представляется, что хронополитика как концепция политического времени должна быть непосредственно интегрированной в общую структуру политической теории, выполняя в политической науке прежде всего функцию формирования представлений о политической изменчивости. Знание об изменчивости, с точки зрения методологии науки, выступает необходимым структурным компонентом научной теории наряду с общим пониманием объекта, предмета (описанием идеализированного объекта), специальных методов, базовых представлений о природе, сущности рассматриваемой области действительности, формулируемым теорией знанием о закономерностях и тенденциях развития в данной области. Представления об изменчивости тесно связаны с этими обозначенными компонентами научно-теоретического знания, на практике неотделимы от них. Любое теоретическое знание, если даже не концептуализирует изменчивость специально, всегда подразумевает определенное понимание времени. В свою очередь, понимание времени определяет характер объяснительного и предсказательного знания, формируемого научной теорией.

Хронополитика выступает *политико-философской* концепцией, выполняя в политической теории мировоззренческие и методологические функции¹. Выделение категорий политического времени выступает отражением значимого этапа научного самоопределения политического знания в целом. Речь идет об углублении функциональной дифференциации политической подсистемы в системе социальных связей и сопутствующем этому процессу росте автономности знания². Представление о политическом времени как о форме существования политической действительности позволяет обозначить границы, собственные измерения сферы политического, определив место политической динамики в общем «потоке» исторического времени. Этот аспект развития хронополитических представлений выступает особенно важным в контексте становления отечественной политической науки.

¹ Автор разделяет точку зрения, согласно которой основная функция политико-философского знания в современной политологии заключается в том, что оно разрабатывает «общеметодологические подходы, инструменты и стиль политического анализа, углубляя и расширяя его зону, поскольку политика, в силу обобщающего характера, рассматривается в контексте гораздо более широких объемов — «мира», «общества» и «человеческой культуры» в целом». (Там же. С. 37.)

² «Политология как самостоятельная наука стала возможной в результате вычленения политической сферы из целостного человеческого социума, отделения мира политического от экономической, социальной и духовной подсистем». (Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1995. С. 13 и далее.)

Другая функция хронополитики как политico-философской концепции заключается в том, что она расширяет зону политического анализа, говоря о необходимости познания глубоких предпосылок политических феноменов, а также выявления стратегических, далеко идущих последствий политических действий. Эта составляющая хронополитического знания важна в силу необходимости коррекции преобладающей в настоящее время в отечественной и мировой политологии прикладной, сиюминутной, эмпирической ориентации исследовательских интересов и усилий¹.

Выступая политико-философской концепцией, хронополитика основывается на современных общеначальных методологических принципах познания мира. В частности, важными для хронополитического знания на нынешнем этапе выступают ключевые для современной картины мира принципы нелинейности, открытости будущего, альтернативности путей развития сложных систем, признаками которых обладают формы политической организации. Применение этих принципов к пониманию политической изменчивости позволяет ориентировать политическое исследование не на поиск всеобщих законов, но на выявление временной определенности, этапов развития политических систем, на каждом из которых действительны особые правила и принципы политической деятельности, не имеющие при этом универсальной применимости².

Хронополитика также подразумевает отказ от нормативной, оценочной или телесогической трактовки политической изменчивости³, вводя в науку категорию времени в дополнение к таким понятиям, как модернизация, развитие, усложнение, реформа, революция. Это не означает отрицания названных концепций, но призвано ограничить их абсолютизацию в политической теории и на практике. Время, выступая более общей категорией, позволяет уточнить их содержание, область и условия применимости. Так, реформа или революционные изменения должны быть обоснованы с точки зрения своевременности как характеристики текущего этапа развития социальной и политической системы. Правомерность использования таких понятий, как модернизация, усложнение, развитие определяется контекстом исторических представлений об оптималь-

¹ См.: Ильин М.В. Десять лет академической политологии – новые масштабы научного знания // Полис. 1999. № 6; Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994. С. 4.

² П.А.Цыганков вслед за французским историком Диорозелем отмечает: «Наряду с закономерностями, отражающими повторяемости и подобия типов событий, независимо от социального или технического уровня общества, политического режима или географического региона, существуют также «временные правила» и «реквизиты». «Временные правила» отражают уровень менее общего порядка, чем совокупная история человечества. Они касаются одной из «структур», то есть «одной из фаз длительной исторической эволюции, которую прошел мир» – данной эпохи, данного географического региона или данного политического режима» (Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. М., 1994. С. 104).

³ Автор полагает, что политико-философское знание также претерпевает развитие и функциональную дифференциацию. Поэтому политическая философия, в свою очередь, движется от ценностной рефлексии (в этом аспекте философии политики понимает, например, К.С. Гаджиев. Цит. соч. С. 239–243) к поиску объективных оснований политики (Ильин В.В., Панарин А.С. Цит. соч. С. 4–5), выводя ценностную рефлексию в область политической идеологии.

ных формах политической организации и деятельности. Кроме того, совершенствование форм политической жизни не является предопределенным итогом политического взаимодействия.

Если характеризовать хронополитику как концепцию политического времени с точки зрения ее содержания, необходимо отметить, что время в политике выступает в качестве *изменчивости отношений между субъектами политической деятельности и форм организации политических отношений (политических систем)*. Это общее определение заключает в себе базовое различие уровней политической изменчивости, которое представляется основой структурирования хронополитического знания. Понятие изменчивости политических отношений конкретизируется в различии событийной изменчивости, простой смены явлений в процессе деятельности субъектов, с одной стороны, и процессуально-ритмологических характеристик изменений в структуре политических отношений — с другой. Понятие изменчивости форм организации политических отношений имеет два аспекта и предполагает, во-первых, принципиально неизменное существование определенных форм политической организации, в рамках которых и происходит изменение политических отношений как смена позиций в структуре системы. Во втором аспекте, смена форм политической организации происходит в результате кризисного перехода, трансформационного периода.

Обозначенный подход к структурированию хронополитического знания представляет собой основу систематизации разработанных на сегодняшний день различными учеными и исследовательскими школами представлений о политическом времени. Кроме этого, важным прагматическим следствием этого подхода видится выделение на его основе качественной временной определенности политического процесса, что позволяет сформулировать общие принципы хронополитики как оперативной, тактической и стратегической деятельности, а также креативного фактора в развитии социальных процессов.

Хронополитика, выполняя обозначенные функции, приобретает особое значение в контексте развития современных теоретических представлений о глобальной политике. Теоретическое знание в этой области находится в стадии становления, актуальна проблема концептуализации изменчивости политических отношений на глобальном уровне. Хронополитика позволяет рассматривать современный этап развития мировой политики как трансформационный, связанный с переходом от организации политических отношений на глобальном уровне, принимавшей на протяжении Нового времени форму межгосударственного взаимодействия. Таким образом, исключаются крайности традиционалистского подхода к международной политике, абсолютизирующего неизменность роли государств и принципов структурирования международных отношений, а также атеоретичность постмодернистских подходов, настаивающих на спонтанности и хаотичности изменений как всеобщей характеристике мировой политической динамики.

Выполняя функцию расширения сферы политического исследования, хронополитика позволяет выйти за пределы синхронического понимания ми-

ровой политики, рассматривая ее как всеобщий процесс формирования и трансформации политических систем. Интегрируя общенаучные методологические принципы в исследование мировых политических процессов, хронополитика исключает линейное, детерминистское или финалистское видение этого всеобщего процесса, создавая основания для конструктивной, созидательной политической активности. Выступая политико-философской концепцией, она также дополняет и развивает понятийный аппарат теоретических исследований мировой политики.

Говоря о приоритетах дальнейших исследований, отметим, что развитие и институционализация этой области исследований возможны на основе повышения уровня коммуникации между различными разработками «переднего края», а также установления связей хронополитики с традиционными дисциплинами политологии, включая geopolитику, теорию модернизации, сравнительную политологию. Фактором успеха хронополитики представляется развитие ее прикладного потенциала, связанного с концептуальным оснащением формулирования действенных национальных, международных и внешнеполитических стратегий.

Важнейшей задачей представляется также изучение соотношения динамики, изменчивости политических систем различного уровня — локальных, национально-государственных, региональных форм политической организации и глобальной политической системы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алюшин А.Л.** Разрывы правовой преемственности в истории России XX в. // Полис. 2005. № 3.
- Андреев С.С.** Политическое время и политическое пространство // Социально-политический журнал. 1993. № 3.
- Анисов А.М.** Темпоральный универсум и его познание. М., 2000.
- Аронов Р.А., Терентьев В.В.** Существуют ли нефизические формы пространства и времени? // Вопросы философии. 1988. № 1.
- Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л.** Постмодерн или постмодернизация? Опыты концептуализации ценностных изменений // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2003. № 2.
- Ахиезер А.С.** Россия: критика исторического опыта. Ч. I–II. М., 1991.
- Барабанов О.Н.** Между Клинтоном и Бушем, или Как преподавать мировую политику? // Полис. 2004. № 6.
- Богатуров А.Д.** Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1.
- Баталов Э.Я.** Предмет философии международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1.
- Бодрийяр Ж.** Эстетика иллюзий, эстетика утраты иллюзий // Элементы. Евразийское обозрение. М., 1998. № 9.
- Бродель Ф.** История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977.
- Бродель Ф.** Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992.
- Бузан Б.** Уровни анализа в международных отношениях // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. Цыганкова П.А. М., 1998.
- Валлерстайн И.** Америка и мир: сегодня, вчера и завтра // Свободная мысль. 1995. № 2, 4.
- Валлерстайн И.** Социальное изменение вечно? Ничто никогда не меняется? // Социс. 1997. № 1.

- Валлерстайн И.** Глобализация или переходная эпоха? Взгляд на долгосрочное развитие мир-системы // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 4.
- Валлерстайн И.** Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2000.
- Валлерстайн И.** Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем // Время мира: Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, geopolитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск, 2001.
- Василенко И.А.** Политическое время на рубеже культур // Вопросы философии. 1997. № 9
- Василенко И.А.** Политическая глобалистика. М., 2000.
- Васич В.Н., Ширинянц А.А.** Политика. Культура. Время. Мифы. М., 1999.
- Венгеров А.Б.** Политическое пространство и политическое время (Опыт структурирования понятий) // Общественные науки и современность. 1992. № 6.
- Вирилио П.** Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002.
- Вернадский В.И.** Размышления натуралиста. Кн. 1. Пространство и время в живой и неживой природе. М., 1975.
- Волны и циклы политического развития (Заочный круглый стол) 2002 // Полис. 2002. № 4.
- Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи: Антология современной классической прогностики, 1952–1999. М., 2000.
- Гаджиев К.С.** Политическая наука. М., 1995.
- Гаджиев К.С.** Геополитика. М., 1997.
- Глаголов В.С.** Современные представления о социальном пространственно-временном континууме в анализе современного международного процесса // В.И. Ленин и диалектика современных международных отношений. М., 1982.
- Глобальное сообщество: новая система координат. СПб., 2000.
- Глобальные социальные и политические перемены в мире. М., 1997.
- Гобозов И.А.** Проблема времени в историческом материализме // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1986. № 4.
- Дегтярев А.А.** Предмет и структура политической науки // Политология: Курс лекций / Под ред. Марченко М.Н. М., 1997.
- Зарубин А.Г.** Социальное время и особенности изменения его свойств в периоды общественно-политических кризисов // Вестник Академии. 2000. № 2.
- Зарубин А.Г.** Вопросы динамики социального развития: Темпорализм истории и современность. Ростов н/Д, 1991.
- Ильин В.В., Панарин А.С.** Философия политики. М., 1994.
- Ильин В.В., Панарин А.С., Бадовский Д.В.** Политическая антропология / Под ред. Ильина В.В. М., 1995.

Ильин В.В. Политическая власть // Политология: Курс лекций / Под ред. Марченко М.Н. М., 1997.

Ильин В.В. Политология. М., 1999.

Ильин В.В. Новый миллениум для России: путь в будущее. М., 2001.

Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998.

Ильин М.В. Ритмы и масштабы перемен. О понятиях «процесс», «изменение», «развитие» в политологии // Полис. 1993. № 2.

Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. Ч. I. Основания хронополитики. М., 1995.

Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. Ч. II. Хронополитическая перспектива. Ч. III. Тенденции и перспективы отечественной хронополитики. М., 1995.

Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами истории и повседневности // Полис. 1996. № 1.

Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.

Ильин М.В. Геохронополитика — соединение времен и пространств // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 2.

Ильин М.В. Глобализация политики и эволюция политических систем // Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени: Международный симпозиум, посвященный 110-летию со дня рождения Питирима Сорокина. М.—СПб., 1999.

Ильин М.В. Десять лет академической политологии — новые масштабы научного знания // Полис. 1999. № 6.

Ильин М.В. Идеальная модель модернизации и пределы ее применимости. М., 2001.

Ильин М.В. Типы и разновидности политик мирового развития // Состязание старых и новых политик мирового развития: Международная интернет-конференция. 13 мая — 10 июня, 2003: Сб. материалов / Под ред. Е. Лобза и К. Костюка. М., 2003.

Ильин М.В. Слуга двух господ. О пересечении компетенций политической науки и международных исследований // Полис. 2004. № 5.

Ильин М.В. Феномен политического времени // Полис. 2005. № 3.

Ирхин Ю.В. Теоретические основы и тенденции мировой политики в эпоху глобализма // Авторские программы учебных курсов по политологии / Под общ. ред. Ирхина Ю.В. М., 2001.

Кабаченко А.П. История мирового политического процесса (к постановке проблемы) // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1998. № 1.

Кабаченко А.П. Политический процесс и политическая система: источники саморазвития // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 3.

Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // Полис. 2001. № 4.

- Киршин Ю.А.** Мировая политика: сущность, основные черты и тенденции // Вопросы философии. 1982. № 12.
- Коваленко В.И., Голошумов Е.В.** Национальная идея как научная проблема современной российской политологии // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1998. № 4.
- Концепция внешней политики Российской Федерации // Российская газета. 11 июля, 2000.
- Косолапов Н.** Тема 3. Международные отношения: эпистемология и методы исследования // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 3.
- Косолапов Н.** Явление международных отношений: историческая эволюция объекта анализа // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 4.
- Косолапов Н.** Теоретические исследования международных отношений (Современное состояние науки) // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 12.
- Лапкин В.В., Пантин В.И.** Поздняя античность и современность: опыт сравнительного политического анализа // Полис. 2003. № 4.
- Лапкин В.В. Пантин В.И.** Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // Полис. 2005. № 3.
- Лебедева М.** Международные процессы // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. Цыганкова П.А. М., 1998.
- Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю.** Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей // Полис. 1999. № 4.
- Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю.** «Переходный возраст» современного мира // Международная жизнь. 1999. № 10.
- Лебедева М.М.** Мировая политика: проблемы и тенденции развития // Мировая политика и международные отношения на пороге третьего тысячелетия / Под ред. Лебедевой М.М. М., 2000.
- Лебедева М.М.** Формирование новой политической структуры мира и место в ней России // Полис. 2000. № 6.
- Лебедева М.М.** Современные технологии и политическое развитие мира // Международная жизнь. 2001. № 2.
- Лебедева М.М.** Примерная программа дисциплины «Мировая политика». Утв. Министерством образования РФ 11 октября 2001 г. <http://humanities.edu.ru/db/msg/23759>
- Лебедева М.М.** Мировая политика. М., 2003.
- Лебедева М.М.** Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира // Космополис. 2003. № 1 (3).
- Лебедева М.М.** Предметное поле и предметные поля мировой политики. // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2.
- Лебедева М.М.** Проблемы развития мировой политики // Полис. 2004. № 5.

Левич А.П. Мотивы и задачи изучения времени // Конструкции времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени. Ч. 1. Междисциплинарное исследование: Сб. научных трудов / Под ред. Гнеденко Б.В. М., 1996.

Малинова О.Ю. Другой взгляд на «транзит», или О пользе и вреде повествовательных схем // Космополис. 2002/2003. № 2.

Мегатренды мирового развития. М., 2001.

Мельвиль А.Ю. Внешние и внутренние факторы демократических переходов. М., 1999.

Мельвиль А.Ю. Методология «воронки причинности» как промежуточный синтез «структурь и агента» в анализе демократических транзитов // Полис. 2002. № 5.

Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 2.

Мельвиль А.Ю. Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике // Полис. 2004. № 5.

Международные отношения: социологические подходы / Под ред. Цыганкова П.А. М., 1998.

Мир и Россия на пороге XXI века. М., 2001.

Мировая политика: проблемы теории и практики / Под ред. Цыганкова П.А., Фельдмана Д.М. М., 1995.

Мировая политика и международные отношения накануне третьего тысячелетия / Под ред. Лебедевой М.М. М., 2000.

Мировая политика: повестка дня на завтра (Виртуальный «круглый стол») // Полис. 2005. № 4.

Мировая политика: Теория, методология, прикладной анализ. М., 2005.

Моргачев С. Пространство, время и поле в мировой политике // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 7.

Мощелков Е.Н. Переходные процессы в России: Опыт ретроспективного и компаративного анализа социальной и политической динамики. М., 1996.

Мощелков Е.Н. Парадигмальные модели социальной динамики в общественной науке XVIII–XIX вв. // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1999. № 1.

Неклесса А.И. Конец эпохи большого модерна. М., 1999.

Неклесса А.И. Четвертый порядок: пришествие постсовременного мира // Полис. 2000. № 6.

Обновление и стабильность в современном обществе. М., 2000.

От редакции // Полис. 1999. № 4.

Павлов Ю.М. Мировая политика и международная экономика. М., 1998.

Павлов Ю.М. Мировой политический процесс: современные тенденции и пути их изучения. // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 5.

Павлов Ю.М. Тематика курса «Мировой политический процесс» // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 6.

- Павлов Ю.М., Смирнов А.И.** Пространство и время Востока и Запада // Третий международный философский симпозиум «Диалог цивилизаций: Восток—Запад». М., 1997.
- Панарин А.С. Философия политики. М., 1996.
- Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998.
- Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999.
- Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000.
- Пантин В.И.** Глобальная политическая история // Общественные науки и современность. 2002. № 5.
- Пантин В.И., Лапкин В.В.** Эволюционное усложнение политических систем: проблемы методологии и исследования // Полис. 2002. № 2.
- Песков Д.Н. Мировая политика, или Бег на месте // Полис. 2005. № 1.
- Поздняков Э.А. Философия политики. М., 1993.
- Политологический словарь. Ч. II. М., 1994.
- Пономарева Е.Г.** Хронополитическое измерение модернизационных процессов в современной Сербии // Полис. 2005. № 3.
- Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. Сб. 1—2. М., 1999.
- Пространство и время в современной социологической теории. М., 2000.
- Реформы и контрреформы в России / Под ред. Ильина В.В. М., 1996.
- Рыклин М.** Великий автомат. Беседа с П. Вирилио. <http://www.gelman.ru/critics/virilio.htm>
- Рябова Н.В.** Проблема социального времени в современной западной философии // Общество и современный социокультурный процесс. М., 1993.
- Семенов С.И.** Хронополитические аспекты кризисов культуры // Общественные науки и современность. 1993. № 4.
- Сергеев В.М.** Посткоммунизм: от метафоры к теории. М., 1999.
- Сергеев В.М.** Инновации, демократия и логика конкуренции // Полис. 2000. № 1.
- Сергеев В.М., Сергеев К.В.** 2003. Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети // Полис. 2003. № 3.
- Сморгунов Л.В.** Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. № 3.
- Современная картина мира: общество, время, пространство. Саратов, 2001.
- Сорокин П.** Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000.
- Состязание старых и новых политиков мирового развития // Международная интернет-конференция, 13 мая — 10 июня, 2003: Сб. материалов / Под ред. Е. Лобза и К. Костюка. М., 2003.
- Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., научн. ред. и comment. П.А. Цыганкова. М., 2002.

Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. М., 1998.

Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2001.

Философия мировой политики: Актуальные проблемы. М. 2000.

Фельдман Д.М. О том ли мы спорим? // Мировая политика и ее содержание. 2005. Т. 3. № 1.

Фомичев П.Н. Современные социологические теории социального времени: научно-аналитический обзор. М., 1993.

Фурсов А. Колокола истории. Ч. II. М., 1996.

Хабермас Ю. Постнациональная конstellация и будущее демократии // Логос. 2003. № 4–5.

Хрестоматия по геополитике и хронополитике. <http://www.i-u.ru/biblio/archive/geopolitika/hrestomatia.aspx>

Цыганков П.А. Мировая политика: содержание, динамика, основные тенденции // Общественные науки и современность. 1995. № 5.

Цыганков П.А. Глобальные политические перемены и язык теории // Глобальные социальные и политические перемены в мире. М., 1997.

Цыганков П.А. Глобальные политические тенденции и социология международных отношений // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. Цыганкова П.А. М., 1998.

Цыганков П.А. Происходит ли конвергенция политологии, Международных отношений и Мировой политики? // Материалы научного семинара «Международные отношения, мировая политика и сравнительная политология: эволюция предметных областей». МГИМО (У). 25–26 мая, 2002. <http://www.mgimo.ru/rf1/index.asp?KOD=180>

Цымбурский В.Л. Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 4.

Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. 1999. № 4.

Цымбурский В.Л. Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над глобусом XXI века) // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 3.

Чеснавская М.Н. Нелинейные подходы к мировой политике // Философия мировой политики: Актуальные проблемы. М., 2000.

Чешков М. Мироцелостность и ее история // Вопросы истории. 1995. № 2.

Чешков М.А. Глобальное видение и новая наука. М., 1998.

Чешков М.А. О видении глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4.

Чешков М.А. Понятие мировой политики в общенаучном контексте // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 3.

Чихарев И.А. Хронополитика: к мировоззренческим основаниям политики мирового развития // Состязание старых и новых политик мирового разви-

тия: Международная интернет-конференция. 13 мая – 10 июня, 2003: Сб. материалов / Под ред. Е. Лобза и К. Костюка. М., 2003.

Чихарев И.А. 2003. Хронополитические исследования: опыт синтеза // Полис. 2003. № 6.

Чихарев И.А. Хронополитика: к пониманию трансформации в мировой политике // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2004. № 3.

Чихарев И.А. Многомерность мировой политики (К современным дискуссиям) // Полис. 2005. № 1.

Чихарев И.А. Хронополитика в политической науке XX – начала XXI вв. // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 4.

Чихарев И.А. Хронополитика: развитие исследовательской программы // Полис. 2005. № 3.

Шмиттер Ф. Будущее демократии: можно ли рассматривать его через призму масштаба? // Логос. 2004. № 2.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993.

Beck U. The Reinvention of Politics: Rethinking Modernity in the Global Social Order. Cambridge, 1997.

Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. Sage, 1998.

Brecher M., James P. Crisis and Change in World Politics. L., 1986.

Caporaso J.A. Continuity and Change in the Westphalian Order. Oxford, 2000.

Change and the Study of International Relations: The Evaded Dimension / Ed. by Buzan B., Jones R.J.B. L., 1981.

Change in the International System. Boulder (Col.), 1980.

Dark K.R. The Waves of Time: Long-Term Change in the International Politics. N.Y., 1998

Elias N. Time: An Essay. Oxford, 1992.

Falk R.A. A Study of Future World. N.Y., 1975.

Farkas A. State Learning and International Change. Ann Arbor, 1998.

Ferguson Y.N., Mansbach R.W. The State, Conceptual Chaos and the Future of International Relations Theory. Boulder, 1989.

Fierke K.M., Jorgensen K.E. Constructing International Relations: The Next Generation. Armonk, 2001.

Fukuyama F. The End of History? // National Interest. 1989 (Summer).

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y., 1992.

Fukuyama F. Second Thoughts. The Last Man in a Bottle // National Interest. 1999 (Summer).

Gill S. Reflections on Global Order and Sociohistorical Time // Alternatives. 1996. Vol. 16. № 3.

Gilpin R. War and Change in World Politics. N.Y., 1981.

Global Changes and Theoretical Challenges: Approaches to World Politics for the 1990's / Ed. by Czempiel E.-O., Rosenau J.N. 1989.

Global Transformations: Politics, Economics and Culture. Cambridge; Oxford; Blackwell, 2000.

- Goldstein J.** Long Cycles. New Haven, 1988.
- Hall S.S.** Mapping the Next Millennium. N.Y., 1992.
- Historical Sociology of International Relations / Ed. By Stephen Hobden & John M.Hobson. Cambridge, 2002.
- Holsti K.J.** The Problem of Change in International Relations Theory // Institute of International Relations: The University of British Columbia: Working Paper. № 26. December 1998.
- Hopkins T.K., Wallerstein I.** The Age of Transition: Trajectory of the World-System 1945–2000. L., N.J., 1996.
- Hughes B.B.** Continuity and Change in World Politics: Competing Perspectives. Upper Saddle River, N.J., 1999.
- Huntington S.** Political Development and political Decay // World politics. 1965. № 17 (April).
- Huntington S.** Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968.
- Huntington S.** The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, 1981.
- Ikenberry G.J.** The Myth of the Post-Cold War Chaos // Foreign Affairs. 1996 (May-June)
- Jorgensen K.E. Rosamond B.** Europe: Regional Laboratory for a Global Polity? // CSGR Working Paper. Warwick. 2001. № 71.
- Kaplan M.** System and Process in International Politics. N.Y., 1957.
- Katzenstein P.J., Keohane R.J., Krasner S.D.** International Organization and the Study of World Politics // International Organization. 1998. Vol. 52. № 4.
- Kegley Ch.W.(jr.), Wittkopf E.R.** The Global Agenda: Issues and Perspectives. N.Y., 1984.
- Kegley Ch.W.(jr.), Wittkopf E.R.** World politics: Trend and Transformation. N.Y., 1993.
- Kegley Ch.W.(jr.), Wittkopf E.R.** World politics: Trend and Transformation. N.Y., 1999.
- Kennedy P.** The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1987.
- Kennedy P.** Preparing for the Twenty-First Century. N.Y., 1993.
- Keohane R.** After Hegemony. Princeton, 1984.
- Keohane R.O., Nye J.S.** Transnational Relations and World Politics. Cambridge, 1972.
- Keohane R.O., Nye J.S.** Power and Interdependence. World Politics in Transition. Boston, 1977.
- Koslowski R., Kratochwill F.** Understanding Change in International Politics: The Soviet Empire's Demise and the International System // International Organization. 1994. № 48.
- Kumon S.** The Theory of Long Cycles Examined // Exploring Long Cycles / Ed. by G. Modelska. L., 1987.
- Kenichi Omae.** The End of The Nation-State. N.Y., 1995.

- Laslett P.** Social Structural Time. An Attempt at Classifying Types of Social Change by their Characteristic Paces // The Rythms of Society / Ed. By Young M., Schuller T. L.; N.Y., 1988.
- Lasswell H.D.** The Future of World Politics and Society // Communication and Change: The Last Ten Years and the Next. Honolulu, 1978.
- Luard E.** Types of International Society. N.Y., 1976.
- MacClelland C.A.** Teory and the International System. N.Y., 1966.
- Mansbach R.W., Vasques J.A.** In Search of Theory: New Paradigm for Global Politics. N.Y., 1981.
- Modelski G.** A system model of the long cycle // Exploring long cycles / Ed. by G. Modelska. L., 1987.
- Modelski G.** The Study of Long Cycles // Exploring Long Cycles / Ed. by G. Modelska. L., 1987.
- Modelski G.** Long Cycles in World Politics. Seattle; L., 1987.
- Modelski G.** From Leadership to Organization: The Evolution of Global Politics // Journal of World Systems Research. 1995. Vol. 1. № 7.
- Modelski G.** Time, Calendars and International Relations: Evolution of Global Politics in the 21st Century. Paper presented at the 37th annual convention of the International Studies Association in San Diego. April 16–20, 1996. <http://faculty.washington.edu/modelski/>
- Modelski G.** Ancient World Cities 4000–1000 BC: Centre/Hinteland in the World System // Global Society. 1999. Vol. 13. № 4.
- Neustadt R.E., May E.R.** Thinking in Time: The Uses of History for Decision-Makers. N.Y., 1986.
- Now Here: Space, Time and Modernity. Berkley, 1994.
- Ougaard V., Riggot H. (eds.)** Towards a Global Polity. Routledge, 2002.
- Osborne P.** The Politics of Time // Radical Philosophy. 1994. № 68.
- Progress in International Relations / Ed. by Adler B., Crawford B. N.Y., 1991.
- Rosecrance R.N.** Action and Reaction in World Politics. Boston, 1963.
- Rosenau J.N.** Turbulence in World politics: A Theory of Change and Continuity. N.J., 1990.
- Rosenau J.N.** Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in the Turbulent World. Cambridge, 1997.
- Ruggie J.G.** Continuity and Transformation in the World Polity: Toward a Neorealist Synthesis // World Politics. 1983. № 35.
- Ruggie J.G.** International Structure and International Transformation: Space, Time and Method // Global Changes and Theoretical Challenges: Approaches to World Politics for the 1990's / Ed. by Czempiel E.-O., Rosenau J.N. N.J., 1989.
- Ruggie J.G.** Constructing the World Polity: Essays on International Institutionalization. L.; N.Y., 1998.
- Snow D.M.** The Shape of the Future: World Politics in a New Century. Armonk, 1999.

- Spillman K.R., Wenger A., Mockli D.** Towards the 21st Century: Trends in Post-Cold War International Society. N.Y., 2000.
- Strange S.** The Retreat of the State. Cambridge, 1996.
- The Future of Global Conflict. L., 1999.
- The Rythms of Society / Ed. By Young M., Schuller T. L. N.Y., 1988.
- Therborn G.** Time, Space and Their Knowledge: The Times and Place of the World and Other Systems // Journal of World Systems Research. Summer/Fall 2000. VI. № 2.
- Thompson W.R.** On Global War: Historical-Structural Approaches to World Politics. Columbia, 1988.
- Evolutionary Interpretations of World Politics / Ed. by Thompson W.R. N.Y., 2001.
- Toffler A.** The Third Wave. N.Y., 1980.
- Vasques J.A., Mansbach R.W.** The Issue Cycle: Conceptualizing Long-Term Global Political Change // International Organization. 1983. № 3 (Spring).
- Waltz K.N.** Theory of International Politics. Reading, Mass. 1979.
- Wallerstein I.** Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World-System. <http://binghamton.edu>
- Wallerstein I.** SpaceTime as the Basis of Knowledge. Keynote address at Convergencia // World Congress of Convergence, Cartagena, Colombia. May 31 – June 5, 1997. <http://binghamton.edu>
- World System History: The Social Science of Long-Term Change. N.Y., 2000.
- Young O.R.** Political Discontinuities in the World System // World Politics. 1968. № 20 (April). 1982. № 36 (Spring).
- Young O.R.** Regime Dynamics: The Rise and Fall of International Regimes // International Organization.
- Zinnes D.A.** Prerequisites for the study of system transformation // Change in the International System. Boulder (Col.). 1980.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПРОГРАММА КУРСА «ХРОНОПОЛИТИКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ»

I. Организационно-методический раздел

1. Цель курса

Целью курса «Хронополитика в исследованиях мировой политики» является: сформировать у студентов представление о новом направлении политической науки – хронополитике, ознакомить их с современным знанием о темпоральном измерении политических явлений и процессов, ввести в проблематику научного поиска в области хронополитики и мировой политики. Назначение курса также состоит в том, чтобы выработать у студентов творческое видение перспектив развития исследований мировой политики и конструктивное понимание основ политico-управленческой деятельности в условиях современной социально-политической динамики.

2. Задачи курса

Задачами курса «Хронополитика в исследованиях мировой политики» являются:

- сформировать общее понимание хронополитики, ее роли и функций в политической науке и изучении мировой политики, методологических основ хронополитического знания;
- создать представление о развитии хронополитического знания, дать характеристику его современного состояния, рассмотреть основные хронополитические концепции;
- подготовить к использованию хронополитических подходов в исследовании теоретико-методологических и прикладных аспектов мировой политики, в анализе ее основных явлений и тенденций, в управлении глобальными политическими процессами, планировании и прогнозировании;

— стимулировать творческий подход к изучению перспектив развития хронополитического знания и мировой политики как новых областей политической науки.

3. Место курса в системе профессиональной подготовки

Изучение данного курса базируется на усвоении всего круга общетеоретических и прикладных дисциплин специализации по направлению «Политология».

4. Требования к уровню освоения содержания курса

Требуется освоение основных концепций хронополитики, их базового понятийного аппарата, понимание проблем и возможностей использования хронополитических подходов к исследованию мировой политики. Также необходимо овладеть представлением о роли и функциях хронополитики в современной политической науке, показать способность творчески рассматривать возможности развития хронополитики и научного знания о мировой политике.

II. СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

1. Разделы курса

Раздел 1. Общие основы курса.

Раздел 2. Развитие и современное состояние хронополитического знания.

Раздел 3. Хронополитика в теоретических и прикладных исследованиях мировой политики.

Раздел 4. Перспективы хронополитических исследований.

2. Темы и краткое содержание

Тема 1. Понятие хронополитики. Роль и функции хронополитики в современном политическом знании

Хронополитика — концепция политического времени как изменчивости политических отношений и форм их организации. Мотивы и задачи изучения времени. Реальное и параметрическое время. Проблема параметризации политического времени. Хронополитика как концепция политической деятельности, основанной на познании временной определенности политического процесса. Ее место среди основных категорий и понятий политической науки.

Тема 2. Методологические основы хронополитических исследований

Концепция форм темпоральности. «Большая длительность» Ф. Броделя, пространственно-временные реальности И. Валлерстайна, диапазоны темпо-

ральности М.В. Ильина. Проблема перехода от одного временного масштаба к другому в анализе политики. Теория политической системы и хронополитика. Мировая политическая система и локализованные политические системы.

Тема 3. Исследования мировой политики: предмет и проблематика

Современные дискуссии о мировой политике как научной дисциплине. Проблема осмыслиения изменений или трансформации как ключевая для мировой политики. Проблема новизны явлений мировой политики. Многомерность предмета мировой политики.

Тема 4. Основные хронополитические концепции

Постструктуралистская концепция хронополитики П. Вирилио. Концепция длинных циклов в мировой политике Дж. Модельски. Концепции М.В. Ильина, А.С. Панарина, В.Л. Цымбурского и др.

Общая структура хронополитического знания. Политическое время. Политика времени. Время в политике. Политическая ритмология (циклы, волны, ритмы политической изменчивости).

Тема 5. Исторические и общенаучные предпосылки хронополитики

Основы хронополитического знания в истории общественно-политической мысли. Нефизические формы пространства и времени. В.И. Вернадский и изучение времени в XX в. «Пределы роста» и «общее будущее» — проблемы глобального развития. Кризисные явления конца 1960-х — начала 1970-х гг. Изменения в мировой политике. Переход к постиндустриальному и информационному обществу. Современная трансформация в мировой политике. Постмодернизм и хронополитика. Синергетика и хронополитика.

Тема 6. Хронополитические концепции мирового политического процесса

«Конец истории» и «столкновение цивилизаций»: хронополитическая интерпретация. Концепция эволюции глобальной политики Дж. Модельски. Концепция изменений и преемственности в мировой политике Дж. Розенбаум. Миро-системные теории изменчивости в мировой политике. Историко-политические исследования мировой политики. Прогнозы мирового политического развития. Циклические концепции мировой политики.

Тема 7. Хронополитика и политический процесс в России

Концепции развития политического процесса в России. Реформы и контратреформы. Переходность и кризисность в отечественном политическом процессе. Проблемы обеспечения политической стабильности, национального развития и хронополитика. Проблема соотнесения российского и мирового политического времени.

Тема 8. Соотношение geopolитики и хронополитики

Пространственно-временной континуум в политике. «Геохронополитика». Хронополитика и развитие geopolитического знания.

Тема 9. Хронополитика в теории мировой политики

Проблематика изменчивости как ключевая для современной мировой политики. Хронополитическое видение объекта и предмета мировой политики. Трактовки времени в рамках основных направлений теории мировой политики (неorealизм, неолиберализм, конструктивизм, постмодернизм, неомарксизм). Проблема теоретического синтеза.

Тема 10. Хронополитика в изучении мировых политических институтов и процессов

Сравнительные хронополитические исследования. Современные теории политического развития и модернизации. Транзитология и консолидология. Дискуссии об интеграции сравнительной политологии и мировой политики.

Глобальная (мировая) политическая история и хронополитика. Новые подходы к истории международных отношений и мировой политики. Исторические интерпретации проблемы формирования Вестфальской международной системы и ее трансформации.

Современные тенденции мировой политики и хронополитика. Глобализация, демократизация, интеграция и обратные процессы в свете современных хронополитических представлений. Хронополитический анализ ключевых мировых политических явлений и процессов.

Тема 11. Прикладные хронополитические исследования

Хронополитика как концепция политической деятельности, основанная на познании временной определенности политического процесса. Практическое значение хронополитики в формулировании политических стратегий мирового развития и реформ международных институтов.

Проблема устойчивого мирового политического развития и хронополитика. Проблема мирового политического порядка и управляемости в мировой политике.

Глобальное политическое прогнозирование и хронополитика. Основные прогнозы мирового политического развития в свете хронополитики. «Глобальное политическое прогнозирование» А.С. Панарина.

Стратегическое планирование в политике и хронополитика. Хронополитический анализ внешнеполитических стратегий и программ развития России и основных акторов мировой политики.

Тема 12. Перспективы развития хронополитических исследований

Проблемы «диалога» хронополитики с другими политологическими дисциплинами. Взаимодействие хронополитики с геополитикой. Проблема развития различных уровней хронополитического знания – теоретического, эмпирического и промежуточного. Условия реализации прикладного потенциала хронополитики как концептуальной основы оперативных и долгосрочных политических решений.

3. Перечень примерных контрольных вопросов и заданий для самостоятельной работы

1. В чем суть понятий «хронос» и «кайрос»?
2. Что такое политическое время?
3. Каковы основные задачи изучения времени?
4. Как соотносятся с понятием «политическое время» концепты «изменение», «развитие», «процесс», «трансформация», «динамика», «реформа», «революция»?
5. Как различается реальное и параметрическое время?
6. Почему параметризация политического времени затруднительна?
7. Какова роль понятия времени в формулировании научной теории?
8. В чем суть концепции диапазонов темпоральности?
9. Время в рамках политических систем: основные характеристики.
10. Какие можно выделить подходы к пониманию предмета мировой политики?
11. Что такое «дромология»?
12. Понятие длинного цикла мировой политики Дж. Модельски.
13. Проиллюстрируйте концепцию диапазонов темпоральности на примере конкретного политического явления.
14. Проблемы неоднородности социально-политического времени в концепции А.С. Панарина. Чем обусловлены кумулятивный и инверсионный типы времени?
15. Политическое время, время в политике, политика времени: в чем отличия?
16. Что является предметом ритмологии? Каково место ритмов в хронополитике?
17. Основные подходы к динамике общества и политики в истории мысли.
18. Основные идеи школы исторической морфологии.
19. Что такое финализм? Сторонники этого подхода в истории политической мысли.
20. Прогрессизм, марксизм и историческая реальность XIX — первой половины XX вв.
21. Какие события второй половины XX в. оказали влияние на развитие хронополитических идей?
22. Какое влияние на хронополитику оказали концепции информационного общества?
23. Какое влияние синергетика оказала на хронополитику?
24. Каким образом хронополитика может повлиять на развитие геополитического знания?
25. Определите понятие турбулентности по Дж. Розенau.
26. Развитие каких уровней хронополитического знания приоритетно и почему?

4. Примерная тематика рефератов, курсовых работ

1. Фазы глобального цикла Дж. Модельски.
2. Циклы глобальной политической эволюции Дж. Модельски.
3. Условия глобального лидерства в концепции Дж. Модельски.
4. Дж. Модельски о роли времени в изучении международных отношений и мировой политики.
5. Концепция времен-пространств И. Валлерстайна.
6. И. Валлерстайн о содержании современного миросистемного кризиса.
7. Специфика изучения времени в отечественной политологии.
8. Российский и мировой политический процесс: проблемы синхронизации.
9. Понимание политического времени в концепциях Ф. Фукуямы и С. Хантингтона.
10. Хронополитические аспекты постмодернизма.
11. Хронополитические аспекты глобальной демократизации.
12. Глобализация в хронополитическом измерении.
13. Динамика интеграции и дезинтеграции.
14. Анализ мировых политических процессов в реальном времени.
15. Концептуальные проблемы обеспечения политической стабильности и политического развития Российской Федерации.
16. Хронополитическое видение объекта и предмета мировой политики.
17. Представления о времени в неореализме.
18. Неолиберальная теория и политическое время.
19. Неомарксизм о политическом времени.
20. Политическое время в конструктивистских концепциях.
21. Фактор времени в демократических транзитах.
22. Мировой контекст политической модернизации и демократизации отдельных стран.
23. Мировой контекст формирования государственной политики.
24. Временные аспекты консолидации политических режимов.
25. Концепции глобальной и мировой политической истории.
26. Современные дискуссии по проблемам формирования и трансформации Вестфальской системы.
27. Проблема возникновения мировой политики.
28. Роль хронополитики в глобальном политическом прогнозировании.
29. Хронополитические аспекты реформы международных институтов.
30. Хронополитические аспекты концепции устойчивого развития.
31. Хронополитика и глобальная управляемость.
32. Хронополитика и современные подходы к политическому и социальному планированию.
33. Перспективы использования хронополитического подхода различными политологическими субдисциплинами.

5. Примерный перечень вопросов к зачету

1. Понятие хронополитики.
2. Роль и функции хронополитики в современном политическом знании.
3. Концепция форм темпоральности.
4. Современные дискуссии о мировой политике как научной дисциплине.
5. Основные хронополитические концепции.
6. Структура хронополитического знания.
7. Исторические и общенаучные предпосылки хронополитики.
8. Хронополитические концепции мирового политического процесса.
9. Переходность и кризисность в отечественном политическом процессе.
10. Проблемы обеспечения политической стабильности, национального развития и хронополитика.
11. Проблема соотнесения российского и мирового политического времени.
12. Противоречивость и взаимная дополнительность геополитики и хронополитики.
13. Хронополитическое видение объекта и предмета мировой политики.
14. Трактовки времени в рамках основных направлений теории мировой политики (неореализм, неолиберализм, конструктивизм, постмодернизм, неомарксизм).
15. Сравнительные хронополитические исследования.
16. Исторические интерпретации проблемы формирования Вестфальской международной системы.
17. Отечественные и зарубежные подходы к исследованию мировой политической истории.
18. Современные тенденции мировой политики и хронополитика.
19. Практическое значение хронополитики.
20. Проблема устойчивого мирового политического развития и хронополитика.
21. Основные прогнозы мирового политического развития в свете хронополитики.
22. Хронополитический анализ внешнеполитических стратегий и программ развития России и основных акторов мировой политики.

III. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КУРСА

1. Рекомендуемая литература

Учебники и справочная литература

1. Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2000.

2. Ильин В.В., Панарин А.С.: Философия политики. М., 1994.
3. Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии: проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Ч. 1., Ч. 2—3. М., 1995.
4. Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003.
5. Панарин А.С. Философия политики. М., 1996.
6. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000.

Тема 1. Понятие хронополитики. Роль и функции хронополитики в современном политическом знании

Основная литература:

1. Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами истории и повседневности // Полис. 1996. № 1.
2. Чихарев И.А. Хронополитические исследования: опыт синтеза // Полис. 2003. № 6.
3. Modelska G. The Study of Long Cycles. // Exploring Long Cycles / Ed. by G. Modelska. L., 1987.
4. Modelska G. Time, Calendars and International Relations: Evolution of Global Politics in the 21st Century. Paper presented at the 37th annual convention of the International Studies Association in San Diego. April 16–20, 1996. <http://faculty.washington.edu/modelska/>

Дополнительная литература

1. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994.
2. Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии: проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Ч. 1., Ч. 2—3. М., 1995.
3. Левич А.П. Мотивы и задачи изучения времени // Конструкции времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени. Ч. 1. Междисциплинарное исследование: Сб. научных трудов / Под ред. Гнеденко Б.В. М., 1996.

Тема 2. Методологические основы хронополитических исследований

Основная литература:

1. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. 3. Время мира. Гл. 1. М., 1992.
3. Валлерстайн И. Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем // Время мира: Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск, 2001.
4. Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами истории и повседневности // Полис. 1996. № 1.

5. Чихарев И.А. Хронополитические исследования: опыт синтеза // Полис. 2003. № 6.

Дополнительная литература:

1. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994.
2. Ильин В.В., Панарин А.С., Бадовский Д.В. Политическая антропология / Под ред. Ильина В.В. М., 1995.
3. Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии: проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Ч. 1., Ч. 2–3. М., 1995.
4. Мельвиль А.Ю. Методология «воронки причинности» как промежуточный синтез структуры и агента в анализе демократических транзитов // Полис. 2002. № 5.
5. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000.
6. Пантин В.И., Лапкин В.В. Эволюционное усложнение политических систем: проблемы методологии и исследования // Полис. 2002. № 2.

Тема 3. Исследования мировой политики: предмет и проблематика

Основная литература:

1. Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003.
2. Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1.
3. Лебедева М.М. Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1.
4. Чихарев И.А. Многомерность мировой политики. К современным дискуссиям // Полис. 2005. № 1.

Дополнительная литература:

1. Лебедева М.М. Проблемы развития мировой политики // Полис. 2004. № 5.
2. Мельвиль А.Ю. Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике // Полис. 2004. № 5.
3. Ильин М.В. Слуга двух господ. О пересечении компетенций политической науки и международных исследований // Полис. 2004. № 5.

Тема 4. Основные хронополитические концепции. Структура хронополитического знания

Основная литература:

1. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994.
2. Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами истории и повседневности // Полис. 1996. № 1.
3. Чихарев И.А. Хронополитические исследования: опыт синтеза // Полис. 2003. № 6.
4. Modelska G. The Study of Long Cycles // Exploring Long Cycles / Ed. by G. Modelska. L., 1987.

5. Modelska G. From Leadership to Organization: The Evolution of Global Politics // Journal of World Systems Research. 1995. Vol. 1. № 7.

6. Modelska G. Time, Calendars and International Relations: Evolution of Global Politics in the 21st Century. Paper presented at the 37th annual convention of the International Studies Association in San Diego. April 16–20, 1996. <http://faculty.washington.edu/modelska/>

Дополнительная литература:

1. Василенко И.А. Политическое время на рубеже культур // Вопросы философии. 1997. № 9.

2. Лапкин В.В., Пантин В.И. Геоэкономическая политика: предмет и понятия (К постановке проблемы) // Полис. 1999. № 4.

3. Цымбурский В.Л. Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над глобусом XXI века) // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 3.

Тема 5. Исторические и общенаучные предпосылки хронополитики

Основная литература:

1. Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Кн. 1. Пространство и время в живой и неживой природе. М., 1975.

2. Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии: проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Ч. 1. М., 1995.

3. Чихарев И.А. Хронополитические исследования: опыт синтеза // Полис. 2003. № 6.

4. Чихарев И.А. Хронополитика: к пониманию трансформации в мировой политике // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2004. № 3.

Дополнительная литература:

1. Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. Предисловия.

2. Фурсов А. Колокола истории. Ч. II. М., 1996.

Тема 6. Хронополитические концепции мирового политического процесса

Основная литература:

1. Ильин М.В. Типы и разновидности политик мирового развития // Состязание старых и новых политик мирового развития: Международная интернет-конференция. 13 мая – 10 июня, 2003: Сб. материалов. М., 2003.

2. Кабаченко А.П. История мирового политического процесса (к постановке проблемы) // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1998. № 1.

3. Кабаченко А.П. Политический процесс и политическая система: источники саморазвития // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 3.

4. Чихарев И.А. Хронополитика: к пониманию трансформации в мировой политике // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2004. № 3.

5. Modelska G. From Leadership to Organization: The Evolution of Global Politics // Journal of World Systems Research. 1995. Vol. 1. № 7.

6. Rosenau J.N. Turbulence in World politics: A Theory of Change and Continuity. N.J., 1990.

Дополнительная литература:

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2000.

2. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000.

3. Ruggie J.G. Constructing the World Polity: Essays on International Institutionalization. L.; N.Y., 1998.

4. Holsti K.J. The Problem of Change in International Relations Theory // Institute of International Relations: The University of British Columbia: Working Paper. № 26. December. 1998.

Тема 7. Хронополитика и политический процесс в России

Основная литература:

1. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994.

2. Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами истории и повседневности // Полис. 1996. № 1.

3. Чихарев И.А. Хронополитические исследования: опыт синтеза // Полис. 2003. № 6.

Дополнительная литература:

1. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998.

2. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999.

3. Реформы и контрреформы в России / Под ред. Ильина В.В. М., 1996.

Тема 8. Соотношение geopolитики и хронополитики

Основная литература:

1. Ильин М.В. Геохронополитика — соединение времен и пространств // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 2.

2. Павлов Ю.М., Смирнов А.И. Социальное пространство мира на рубеже третьего тысячелетия // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия Политология. 1999. № 1.

3. Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. 1999. № 4.

4. Чихарев И.А. Хронополитические исследования: опыт синтеза // Полис. 2003. № 6.

Дополнительная литература:

1. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994.

2. Колесов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география, М., 2001.

Тема 9. Хронополитика в теории мировой политики

Основная литература:

1. Ильин М.В. Типы и разновидности политик мирового развития // Со-стязание старых и новых политик мирового развития: Международная интернет-конференция. 13 мая — 10 июня, 2003: Сб. материалов. М., 2003.
2. Ильин М.В. Слуга двух господ. О пересечении компетенций политической науки и международных исследований // Полис. 2004. № 5.
3. Косолапов Н. Явление международных отношений: историческая эволюция объекта анализа // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 4.
4. Павлов Ю.М. Тематика курса «Мировой политический процесс» // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 6.
5. Чихарев И.А. Хронополитика: к пониманию трансформации в мировой политике // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2004. № 3.
6. Чихарев И.А. Многомерность мировой политики. К современным дискуссиям // Полис. 2005. № 1.
7. Modelska G. Time, Calendars and International Relations: Evolution of Global Politics in the 21st Century. Paper presented at the 37th annual convention of the International Studies Association in San Diego. April 16–20, 1996. <http://faculty.washington.edu/modelska/>
8. Ruggie J.G. Constructing the World Polity: Essays on International Institutionalization. L; N.Y., 1998.

Дополнительная литература:

1. Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2000.
2. Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1.
3. Вендр А. Четыре социологии международной политики // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. Цыганкова П.А. М., 1998.
4. Цыганков П.А. Глобальные политические перемены и язык теории // Глобальные социальные и политические перемены в мире. М., 1997.
5. Holsti K.J. The Problem of Change in International Relations Theory // Institute of International Relations: The University of British Columbia: Working Paper. № 26. December 1998.

Тема 10. Хронополитика в изучении мировых политических институтов и процессов

Основная литература:

1. Ильин М.В. Слуга двух господ. О пересечении компетенций политической науки и международных исследований // Полис. 2004. № 5.
2. Кабаченко А.П. Политический процесс и политическая система: источники саморазвития // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 3.

3. Лебедева М.М. Мировая политика: проблемы и тенденции развития // Мировая политика и международные отношения на пороге третьего тысячелетия / Под ред. Лебедевой М.М. М., 2000.
4. Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей // Полис. 1999. № 4.
5. Мельвиль А.Ю. Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике // Полис. 2004. № 5.
6. Павлов Ю.М. Мировой политический процесс: современные тенденции и пути их изучения // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 5.
7. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999.
8. Пантин В.И. Глобальная политическая история // Общественные науки и современность. 2002. № 5.
9. Цыганков П.А. Глобальные политические тенденции и социология международных отношений // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. Цыганкова П.А. М., 1998.
10. Modelska G. From Leadership to Organization: The Evolution of Global Politics // Journal of World Systems Research. 1995. Vol. 1. № 7.

Дополнительная литература:

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992.
2. Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии: проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Ч. 1. М., 1995.
3. Ильин М.В. Основные методологические проблемы сравнительной политологии // Полис. 2001. № 6.
4. Ильин М.В. Сравнительная политология: научная компаративистика в системе политического знания // Полис. 2001. № 4.
5. Кабаченко А.П. История мирового политического процесса (к постановке проблемы) // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1998. № 1.
6. Лапкин В.В. Пантин В.И. Поздняя античность и современность: опыт сравнительного политического анализа // Полис. 2003. № 4.
7. Мегатренды мирового развития. М., 2001.
8. Сморгунов Л.В. Современная сравнительная политология. М., 2002.
9. Frank A.G., Gills B.K. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? L., N.Y., 1996.
10. Historical Sociology of International Relations / Ed. by S. Hobden & J.M. Hobson. Cambridge, 2002.

Тема 11. Прикладные хронополитические исследования

Основная литература:

1. Богатуров А.Д. Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 1.

2. Боришилопец К. Методы, методики и процедуры прикладного анализа международных отношений // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. Цыганкова П.А. М., 1998.
3. Валлерстайн И. Глобализация или переходная эпоха? Взгляд на долгосрочное развитие мир-системы // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 4.
4. Вебер А.Б. Два варианта политики мирового развития // Состязание старых и новых политик мирового развития: Международная интернет-конференция. 13 мая – 10 июня, 2003: Сб. материалов. М., 2003.
5. Лебедева М. Международные процессы // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. Цыганкова П.А. М., 1998.
6. Неклесса А.И. Российский проект // МЭиМО. 1998. № 6.
7. Нойштадт Р., Мэй Э. Современные размышления: О пользе истории для тех, кто принимает решения. М., 1999.
8. Павлов Ю.М., Смирнов А.И. Социальное пространство мира на рубеже третьего тысячелетия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. 1999. № 1.
9. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000.
10. Чихарев И.А. Хронополитические исследования: опыт синтеза // Полис. 2003. № 6.
11. Modelska G. Time, Calendars and International Relations: Evolution of Global Politics in the 21st Century. Paper presented at the 37th annual convention of the International Studies Association in San Diego. April 16–20, 1996. <http://faculty.washington.edu/modelska/>

Дополнительная литература:

1. Валлерстайн И. Америка и мир: сегодня, вчера и завтра // Свободная мысль. 1995. № 2, 4.
2. Кочетов Э.Г. Геоэкономика. М., 1999.
3. Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. М., 1997.
4. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998.
5. Состязание старых и новых политик мирового развития // Международная интернет-конференция. 13 мая – 10 июня, 2003: Сб. материалов. М., 2003.
6. Темников Д. Проблемы мирового регулирования в современной западной политологии // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2
7. Уткин А.И. Векторы глобальных перемен: анализ и оценки основных факторов мирового политического развития // Полис. 2000. № 1.

Тема 12. Перспективы развития хронополитических исследований

Основная литература:

1. Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами истории и повседневности // Полис. 1996. № 1.
2. Чихарев И.А. Хронополитические исследования: опыт синтеза // Полис. 2003. № 6.

3. Modelska G. Time, Calendars and International Relations: Evolution of Global Politics in the 21st Century. Paper presented at the 37th annual convention of the International Studies Association in San Diego. April 16–20, 1996. <http://faculty.washington.edu/modelska/>

Дополнительная литература:

1. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994.
2. Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии: проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Ч. 1, Ч. 2–3. М., 1995.

**2. Перечень обучающих, контролирующих
компьютерных программ, диафильмов и т.п.**

1. Internet Explorer.
2. Компьютерный проектор.

**Лучшие кандидатские диссертации
философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова**

**Чихарев И.А.
ХРОНОПОЛИТИКА В ТЕОРИИ
МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ**

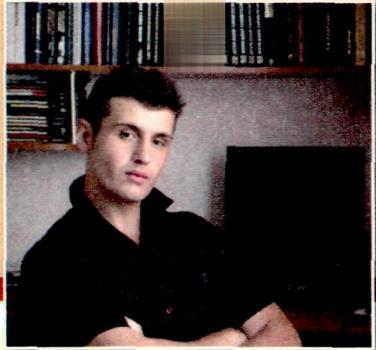
Издательство «Современные тетради»

Главный редактор, генеральный директор издательства
Красненков В.Г.

ЛР № 040548 от 30.12.1997 г.

Сдано в набор 01.02.2006 г. Подписано в печать 17.03.2006 г.
Формат 60×84^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg. Печать офсетная.
Печ. л. 9,5. Тираж 350 экз.

Адрес издательства — ЗАО «Современные тетради»:
117342, г. Москва, ул. Введенского, д. 8. Телефон для справок: 332-50-20.



Чихарев Иван Александрович — кандидат политических наук, ассистент кафедры мировой и российской политики философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

В 2000 г. с отличием окончил отделение политологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, а в 2003 г. — аспирантуру философского факультета МГУ. Кандидатская диссертация «Хронополитика в теоретических исследованиях мировой политики» решением Ученого Совета признана лучшей кандидатской диссертацией факультета в области политической науки за 2004 г.

С марта 2004 г. работает в Московском университете. Подготовил и читает специальный курс по хронополитике для студентов факультета политологии МГИМО (У) МИД РФ. В 2005 г. представлял Российскую Федерацию на Молодежном форуме ЮНЕСКО.

Основные направления научной деятельности: мировая политика, geopolитика и хронополитика, история и теория политики, сравнительная политология. Автор ряда публикаций по данным научным проблемам.